И. ГОРДИЕНКО

ИЗ БОЕВОГО ПРОШЛОГО

SHOUT
SHARE
IT

- Из Боевого прошлого (1917 - 1957)
  -
  - Глава первая В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА
    - Участие в подпольной работе и арест
    - В камере № 11
    - Отъезд
    - В Кременчуге
    - В Сормове
    - Наша «Правда»
    - В Петербурге
    - Война
    - Партийное подкрепление
    - Наш университет
    - Канун революции
    - Революция
  - Глава вторая ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ
    - Встреча с земляками
    - Митинг в казармах Московского гренадерского полка
    - В Выборгском районном Совете
    - В Кронштадте
    - Делегация рабочих на фронте
    - Завоевания большевиками Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов и борьба с меньшевистско-эсеровским советом Петрограда
    - Выборы в районную думу и встреча с А. М. Горьким
    - Как выборжцы охраняли квартиру Ленина
    - Моя работа с Н. К. Крупской
    - Под лозунгом «Вся власть Советам!»
    - Конец двоевластию
    - На VI съезде партии
    - Враги и друзья
    - В дни Октября
  - Глава третья СОВЕТЫ У ВЛАСТИ
    - В первые дни после победы революции
    - Работа в Выборгском районном Совете и мои встречи с В. И. Лениным
    - Первый народный суд в районе
    - Встреча Нового года и приезд в гости к выборжцам В. И. Ленина
    - Учредительное собрание и поддержка его со стороны меньшевиков

        - На III Всероссийском съезде Советов
        - Красногвардейская артиллерия
        - Наше посещение Н. К. Крупской и новая встреча с В. И. Лениным
        - Левоэсеровский мятеж в Москве и мероприятия по разъяснению контрреволюционной сущности выступлений левых эсеров
    - Глава четвертая ПО ЗОВУ ЛЕНИНА
        - Письмо В. И. Ленина питерским рабочим и организация первого рабочего продовольственного отряда
        - Приезд продотряда в Москву и встреча с В. И. Лениным
        - В Казани
        - Разговор по душам
        - Лицом к лицу с классовым врагом
        - У беженцев
        - Снова в пути
        - На заезжем дворе
        - Арест и освобождение
        - В Яранске
        - Беднота поднимается
        - Среди своих
        - Приезд в Москву и встреча с Я. М. Свердловым
        - Звонок из Кремля и разговор с В. И. Лениным
        - Мы отправляемся на фронт
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Из Боевого прошлого (1917 - 1957)

ОТ АВТОРА

Свои воспоминания я начал писать еще в 1918 году, когда работал начальником политотдела 26-й дивизии 5-й армии на Восточном фронте. Это были коротенькие очерки и заметки, которые я писал для нашей дивизионной газеты «Окопная правда». Редактором этой газеты был военный комиссар дивизии Василий Васильевич Сорокин. В тот же период я начал работать над повестью о первом продовольственном рабочем отряде, организованном в 1918 г. Выборгским райкомом партии Петрограда.

Работу над повестью я закончил в 1920 г. и в 1921 г. по приезде в Москву показал ее писателю А. С. Серафимовичу, работавшему тогда заведующим Главполитпросветом. Он взял мою рукопись и обещал дать свое заключение через три дня. Когда я пришел к нему, он попросил меня подождать еще три дня, потом еще и еще. Наконец, однажды, когда я пришел к нему, он усадил меня у письменного стола и сказал: «Не думайте, что все это время ваша рукопись лежала без движения. Я прочел ее в тот же день, и она произвела на меня большое впечатление, но, чтобы проверить себя, я дал ее почитать писателю Касаткину, затем писателю Ляшко и некоторым другим товарищам. По содержанию она и им понравилась. Но, образно выражаясь, вы построили хороший дом, но не убрали леса и мусор, и убрать все это у вас не хватит силенок».

И действительно, где мне с моим двухклассным образованием было справиться с такой задачей. Решили дать мою рукопись на обработку писателю Ляшко. Но через месяц он вернул мне ее, отказавшись обрабатывать. «Возьмите вашу рукопись, у меня ничего не выходит, у вас стиль свой, а у меня свой»,— сказал он. Я спрятал свою рукопись и долгое время за нее не брался.

В 1921 г. я пошел учиться в комвуз имени Я. М. Свердлова и в 1925 г., по окончании его, вновь взялся за свою повесть. В 1930 г. меня назначили председателем бюро экскурсии ударников наших советских заводов, совершавших заграничное путешествие на теплоходе «Абхазия» из Ленинграда в Одессу с заходом в порты Гамбурга, Неаполя и Стамбула. В Неаполе я встретился с А. М. Горьким, которому как-то вечерком сказал о своей рукописи.

Он заинтересовался ею и попросил меня прислать ему мою рукопись в Сорренто, что я и сделал по приезде домой. Вот что

писал Алексей Максимович, прочитав мою рукопись:

> «Уважаемый Илья Митрофанович. На мой взгляд, Вы написали интересную книгу; не помню, есть ли у нас, в послеоктябрьской литературе, книга о работе продотряда, написанная так живо».

И дальше шел ряд очень важных замечаний и предложений.

Я учел замечания Алексея Максимовича и после основательной доработки, в которой большую помощь мне оказал товарищ Сорокин, отнес рукопись в издательство «Советский писатель». Там приняли ее к изданию и обратились к А. М. Горькому с просьбой дать предисловие. Он согласился, но попросил принести ему мою рукопись и, вооружившись красным карандашом, отредактировал ее. Она вышла из печати в 1934 г. под названием «Первый выборгский».

Никогда не забуду я той сердечной теплоты, с которой поддержал меня, простого рабочего, Алексей Максимович Горький в моих литературных начинаниях. Без этого я наверное не осмелился бы предложить свою первую книгу к изданию.

Письмо А. М. Горького, предисловие и отредактированный им экземпляр мною сданы теперь в музей имени А. М. Горького.

Весь основной фактический материал о продотряде, имевшийся в этой повести, использован мною в соответствующей главе данной книги.

А. М. Горький не ограничился редактированием моей первой повести. Однажды он мне сказал, что нам, питерским рабочим, встречавшимся с Лениным, надо бы написать рассказы об этих встречах. Я ухватился за эту идею и подготовил брошюру, в которой рассказал о своих встречах с Владимиром Ильичем. Эта брошюра была издана в 1938 г.

Отдельные мои воспоминания в разное время печатались в журнале «Красная летопись». Кроме этого, я имел много необработанных записок о своей подпольной работе, а главным образом о работе в Выборгском районе в период подготовки и проведения Февральской и Октябрьской революций и в первые месяцы Советской власти. Таким образом, у меня накопилось довольно много материалов, на основе которых я и решил подготовить данную книгу.

Глубокую благодарность я приношу В. В. Сорокину за оказанную мне товарищескую помощь в работе над данной книгой.

От читателей этой книги я жду отзывов и замечаний.

Автор

Глава первая В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Участие в подпольной работе и арест

Сколько раз я порывался махнуть на все рукой, взять расчет и уехать в Питер, который манил меня революционными стачками, замечательными политическими событиями. Однако постоянно находились какие-нибудь препятствия политического или бытового порядка. А самое главное — мне трудно было подняться с насиженного места, и не знаю, когда я это сумел бы сделать, если бы в мою скромную жизнь рабочего большевика-подпольщика в ночь с 5 на 6 января 1914 г. не вмешалась полиция.

Жил я тогда в городе Николаеве и работал на судостроительном французском заводе «Новаль» формовщиком в сталелитейном цехе. Был цеховым старостой, заместителем председателя в совете института старост завода, работал членом правления страховой кассы завода.

В тот памятный для меня вечер двух моих младших братьев, работавших на том же заводе слесарями, не было дома. Я тоже собирался пойти к товарищу, который пригласил меня на день рождения. Под предлогом этого празднества мы должны были провести партийное собрание, обсудить проделанную работу и наметить план дальнейших мероприятий.

В комнату вошел Степан Шорников, друг и товарищ по подпольной работе, с объемистым свертком в руках.

Заметно волнуясь, он протянул мне сверток и шепотом сказал:

— Возьми, пусть будет у тебя, если ночь пройдет спокойно, завтра зайду за ним. В свертке лежали прокламации, посвященные событиям 9 января 1905 г. в Петербурге. Я знал, что их два часа назад принес Степану из типографии рабочий нашего завода Мульгин и мы должны были часть их до 9 января распространить в цехах завода, а часть — в ночь на 9 января расклеить на улицах.

— Моя квартира под наблюдением,— сказал Степан.— Подозрительные типы появились на улице против дома. Мне с трудом удалось от них уйти.

Я взял у Степана сверток и забросил его в глубь широкой полки гардероба.

Вскоре мы вышли из дому. Степан перескочил забор и окольными путями пошел домой. Я направился к товарищу. Вокруг было тихо, морозно. В наступающей темноте медленно опускались снежинки, покрывая землю белым мягким ковром. Вокруг не было ничего подозрительного.

Вернулся я домой около семи часов утра и не успел переступить порога, как был схвачен двумя дюжими полицейскими. В тот же миг передо мной точно из-под земли вырос околоточный надзиратель Ковалев. Меня стали обыскивать. Из внутреннего кармана пальто извлекли устав потребительского общества «Трудовая копейка», в котором я состоял членом правления, и положение о кассе взаимопомощи рабочих нашего завода, где я работал членом библиотечной комиссии.

Мать с обидой смотрела, как меня обыскивают, и, не выдержав, сказала: «Что он, вор, убийца?»

— Хуже,— огрызнулся один полицейский, а другой добавил: —Он против царя, он внутренний враг.

— Сам ты «внутренний», вон рожа какая, чуть не лопнет,— сказала мать и, отвернувшись, сплюнула.

Обыск ничего не дал. При мне не оказалось ничего запретного.

— Все? — спросил меня Ковалев.

— Все,— ответил я и насколько можно спокойнее добавил: — Нелегальными делами не занимаюсь.

— Ну, это вы своей бабушке скажите, она, может, и поверит, а мне очки не втирайте: я вас очень хорошо знаю.

Я ждал, что Ковалев скажет о прокламациях, но он молчал.

«Неужели не нашли?» — мелькнуло у меня в голове. Я внимательно посмотрел на мать, на братьев, но в их лицах не находил ответа на волновавший меня вопрос.

— Вы арестованы,— сказал Ковалев,— и я должен доставить вас в участок.

«Вот удобный случай узнать, нашли или нет», —подумал я и сказал Ковалеву, что мне надо переодеться.

— Переодевайтесь.

Я направился к закрытой двери комнаты, где стоял гардероб, но Ковалев бросился мне навстречу и, расставив руки, загородил дверь.

— Переодевайтесь здесь,— строго сказал он. С равнодушным видом я отошел от двери. Сняв пальто и передавая его матери, я сказал: — Повесьте его в гардероб,— и вопросительно посмотрел ей в глаза.

— Не беспокойся, сынок, почищу и повешу,— и в голосе ее я услышал ласку и надежду.

«Не нашли!» — решил я и, ободренный этой мыслью, попрощался с матерью и братьями. В сопровождении околоточного я вышел во двор Мать и братья остались в доме — им не разрешили выйти из дому.

Меня посадили с околоточным в сани, полицейские

поплелись за нами пешком.

В участке дежурный надзиратель прочел мне распоряжение о моем аресте за принадлежность к сообществу, именующему себя РСДРП и ставящему своей целью низвержение существующего в Российской империи строя.

Он предложил мне расписаться, но я наотрез отказался.

— Ваше дело, но знайте, так вы не облегчите, а ухудшите свое положение.

Последовало распоряжение отвести меня в тюрьму и угроза допроса, где я заговорю иначе.

В сопровождении того же околоточного я вышел на улицу. Тот же извозчик, тот же резкий леденящий ветер и сверлящие мозг неотвязные мысли: нашли или не нашли сверток с прокламациями, что со Степаном, с Мульгиным и другими товарищами по подпольной работе? Не тронут ли мать, братьев? Долго ли просижу в тюрьме?

— Стой, приехали,— оборвал нить моих мыслей возглас Ковалева... Я взглянул на серое, мрачное здание, и меня обдало холодом: я первый раз переступал порог тюрьмы. На стук Ковалева открылась форточка, глянуло усталое от лени, ко всему равнодушное лицо. Нас пропустили во двор. С легким скрипом закрылась калитка высоких железных ворот.

В тюремной канцелярии — небольшая формальность приема, быстрый обыск, и вот я, новый житель старой, николаевской тюрьмы, в сопровождении дежурного надзирателя иду по длинному полуосвещенному помещению к камере № 11.

В камере № 11

Звякнула связка ключей в руках дежурного по коридору, скрипнул засов, открылась дверь, и я уже в камере, среди товарищей. Их было двенадцать, в том числе — Степан Шорников.

Как только дверь камеры захлопнулась, все бросились ко мне. Каждого интересовала судьба прокламаций. Ведь это во многом определяло и нашу судьбу, наше поведение во время следствия. На помощь нам неожиданно пришли товарищи с нашего завода, отбывавшие в этой тюрьме срок своего заключения за забастовку 1912 г. Забастовка была упорная, продолжительная и кончилась значительной победой рабочих над хозяевами: на заводе был создан институт старост, увеличены расценки на сдельную работу и повышена заработная плата низкооплачиваемым. В связи с этой забастовкой было арестовано больше ста человек. Их судили как зачинщиков и руководителей и приговорили к тюремному заключению на разные сроки.

Одни из них уже отбыли срок заключения и вышли на волю, другие досиживали последние дни и пользовались относительной свободой.

Один из этих товарищей подошел к нашей камере и легонько постучал. Мы бросились к дверям.

— Товарищи,— сказал он,— сейчас сменяется коридорный надзиратель. Он наш человек. Через него можно связаться с волей.

Мы переглянулись. Не провокация ли? Товарищ понял наше замешательство и, чтобы рассеять нашу тревогу, назвал свою фамилию. Мы его знали, и наши сомнения рассеялись. Товарищ передал в глазок огрызок карандаша и клочок бумаги.

Я написал записку брату, в которой, соблюдая строжайшую конспирацию, просил сообщить мне о судьбе прокламаций. Записка была написана так, что действительный смысл ее был понятен только ему. Ответ мог поступить только через двое суток, когда будет дежурить тот же коридорный надзиратель.

Вечером была проверка. Утром — тоже. Во время утренней проверки к нам в сопровождении коридорного надзирателя зашел фельдшер с лекарствами в деревянном ящичке и спросил, нет ли больных. Вместо ответа я указал ему на выбитое оконное стекло. Он нахмурился и грубо сказал:

— Это не мое дело.

— Чье же?

— Не знаю,— отрубил он и вышел.

После получасовой прогулки мы расположились на голых нарах.

Перед обедом нас посетил начальник тюрьмы. Я и ему показал на выбитое стекло. Он строго посмотрел на стоявшего рядом старшего надзирателя и, ничего не сказав, вышел. Этот день прошел без всяких событий. На следующий день я получил ответ от брата. «Все благополучно,— писал он,— не беспокойся, мама повесила твое пальто в гардероб, с подарком Степана поступили, как он велел, привет товарищам».

Мы воспрянули духом: значит, не нашли. В тот же день нас начали по одному вызывать на допрос. Допрашивали нудно, формально. Чувствовалось, чего-то ждут. Позже стало известно, что в это время шла переписка между губернатором и министром внутренних дел о том, за кем нас числить. Переписка эта тянулась около двух месяцев. Наконец, всех нас вызвали и объявили, что мы выселяемся за пределы градоначальства, в город Кременчуг, и что отправка назначена на следующий день, в восемь часов вечера. Было предложено расписаться.

Вернулись мы в камеру радостные, возбужденные. Все говорили о том, что в руках властей нет материалов для привлечения нас к судебной ответственности. В то же время нас спешили сплавить за пределы губернии. Мы видели, что власти боятся нас, и почувствовали свою силу. Через надзирателей мы известили наших родных о том, что нас переселяют в другой город.

Отъезд

Пришел день отъезда. Тринадцать арестованных, тринадцать извозчиков и столько же околоточных... Нас отправляли не сразу, а по одному, через каждые пять минут, разными маршрутами. Меня сопровождал мой «старый знакомый», околоточный надзиратель Ковалев.

Он уговаривал меня не возвращаться в Николаев.

— Нелегально — не скроетесь, легально — не устроитесь.на работу, а мне с вами хлопот не оберешься.

Я ничего ему не ответил. Мысленно я уже был в Питере.

На вокзале ко мне подошли мать и братья. От них я узнал подробности о прокламациях.

Мать видела, что Степан принес мне какой-то сверток, и догадывалась, что я спрятал его в гардероб.

Оказывается, ночью в квартиру к нам ввалилась группа полицейских во главе с помощником пристава. Они начали обыск. Помощник пристава велел матери закрыть окна. Мешали цветы. Мать сняла их и поставила к гардеробу. Тут же поставила стул и усадила на него помощника пристава. Решила, что его полицейские не посмеют тревожить. Рылись долго, но ничего не нашли. Собрались уходить. Но тут помощник пристава и спрашивает: «А в этом гардеробе смотрели?» Мать так и замерла. Один из полицейских потянулся через цветы, приоткрыл дверь, заглянул и докладывает: «Пусто, ваше благородие». Полицейские ушли, оставив засаду. Они-то меня и схватили. Когда меня увели, мать подбежала к гардеробу, достала с полки сверток и бросила его в плиту.

Прокламации были туго свернуты и не загорались. Дыму нашла полна квартира. Братья спрашивают у матери: «Что случилось?» А она им: «Да бумажки эти не горят».— «Какие бумажки?» — «Ну те, которые Степан вечером принес...» Братья выхватили их из плиты, а наутро через проверенных рабочих распространили по заводу, что имело большое значение. Мы сидели в тюрьме, а прокламации на заводе появились. Это сбивало с толку полицейских.

Наше свидание кончилось. Торопливой походкой подошел околоточный и вручил мне билет и паспорт. Я прижал к груди мать, попрощался с братьями и поднялся на ступеньки вагона. Раздался пронзительный свисток паровоза, и поезд тронулся.

Когда скрылись из виду родные, я вошел в вагон и стал у окна. Промелькнули корпуса завода, вот сталелитейный цех, рабочие которого однодневной забастовкой отозвались на наш

арест. Я мысленно поблагодарил их. Пусть один день, пусть даже один час организованного протеста — капля камень точит, а из искры разгорается пламя.

В Кременчуге

Кременчуг в 1914 г. был тем местом, куда со всех промышленных городов юга направлялись политические административно-ссыльные. Это были те, против которых власти не могли возбудить судебного дела и замуровать их в тюрьму или сослать в далекую Сибирь.

Город был наводнен агентами охранки, и мы уже через несколько дней многих из них знали в лицо, а наиболее ретивых — и по фамилиям.

Кременчуг, с его махорочной и другой мелкой промышленностью, не мог нам, металлистам, дать работу, а без работы мы жить не могли.

Надо было уезжать, но как и куда? Сколько зорких глаз следило за каждым нашим шагом! Мы обратились за советом к товарищам, давно уже находившимся здесь, хорошо знавшим местные обычаи и нравы. А нравы в Кременчуге были очень простые.

Нужно было дать несколько сребреников прислуге гостиницы, которыми она поделилась бы с наружными наблюдателями,— и дело в шляпе. Вещи на вокзал отправляли с местными жителями, а сами шли туда задворками, закоулками, с тем чтобы быть у поезда ко второму звонку. Это был наиболее простой способ побега из Кременчуга, и мы взяли его на заметку. А пока, в ожидании вестей из Николаева (мне должны были прислать инструмент, а другим товарищам — вещи), знакомились с городом, встречались с местными товарищами и чаще других — с завоевавшим наши особые симпатии бухгалтером махорочной фабрики.

Этот товарищ любил книги, их у него было много, и он охотно разрешал ими пользоваться, но с условием читать их у него на квартире — не любил давать книги на дом.

— Берут и не возвращают,— говорил он,— а я без книг не могу.

Но не мог он жить не только без книг, но и без людей. Двери его большой квадратной комнаты были всегда радушно открыты для нас, загнанных на чужбину. И когда мы почему-либо вечером не приходили к нему, он сам шел к нам в гостиницу, и начиналась захватывающая беседа на злободневные политические темы. Но у него был один очень большой недостаток: во время речи он, как из рога изобилия, сыпал цитатами.

Мы ему прощали это за его искреннюю преданность нашему общему делу и скоро привыкли к нему настолько, что нам просто

становилось скучно, если он не участвовал в наших беседах. Он умел остро и интересно дискутировать по любым вопросам, будь то политика, театр, литература или просто быт.

Как-то в Кременчуге проездом остановился известный тогда в прогрессивном обществе литературовед и критик П. С. Коган. Он прочитал публичную лекцию на тему «Реализм и символизм в русской литературе». Мы все отправились на эту лекцию.

Монотонность лекции не ослабила нашего внимания к тому, что говорил лектор. Мы всей душой были на стороне А. М. Горького, великого борца за реализм в русской современной литературе, и были согласны с ним, что нам не по пути с теми, кто воспевает нереальный мир, мистику и упадничество.

Эта лекция явилась основой для многих наших вечерних бесед как в неуютном номере гостиницы, так и в просторной комнате нашего товарища-бухгалтера.

Однажды мы сидели в номере гостиницы и пели любимую украинскую песню «Ревэ тай стогнэ Днипр широкий». Неожиданно открылась дверь, и на пороге появилась с небольшой плетеной корзинкой в руках моя мать.

Песня оборвалась, я бросился к ней. Товарищи окружили нас. Она посмотрела на всех с укоризной и в то же время по-матерински ласково.

— Там матери, жены, сестры слезы льют, а они тут песни поют, значит, не так уж плохо вам тут живется,— сказала она. Затем выложила на стол пачку писем.— Вот разбирайте, кому какие,— вытащила из корзины пару белья и протянула Степану.— Это тебе от жены. А это тебе от матери и сестры,— сказала она, вручая одному из товарищей заботливо со всех сторон зашитый небольшой сверток.

— А тебе, сынок, вот записка от начальника.

— От какого начальника? — спросил я.

— Не знаю. Дали, сказали от начальника, прочитай — узнаешь.

Это была записка от начальника литейных цехов французского завода к его родному брату, начальнику котельного цеха Сормовского завода. Он рекомендовал меня как высококвалифицированного формовщика, любящего свое дело, и просил помочь мне устроиться на Сормовском заводе.

— А вот тебе еще записка от брата Гаврюши.

Брат советовал мне ехать в Сормово и рекомендовал товарища, которого я должен узнать и найти по некоторым внешним признакам. Работал этот товарищ в вагонной мастерской столяром, ему лет 35, круглолицый, низкорослый, не толстый, но крепкого телосложения. Этому товарищу надо было

сказать, что я от Касторовича.

— Вот тебе работа и явка,— полушутя, полусерьезно говорили товарищи.

«А Питер как же?» — подумал я и обратился за советом к товарищам.

— Успеешь и в Питер,— отвечали товарищи,— а сейчас поезжай в Сормово. Завод там не меньше нашего французского. «Мать» Горького читал? Все, что там описано, в Сормове было. Поучиться тебе там будет чему.

Совет товарищей меня подбодрил, и я решил ехать в Сормово. Вскоре и другие товарищи разъехались по разным городам. Степан Шорников уехал в Николаев, чтобы оттуда перекочевать в Херсон, куда его приглашали знакомые. При выезде из города были приняты все меры предосторожности.

В Сормове

Из Кременчуга в Сормово я ехал с пересадкой в Москве. Побывал на Красной площади, в Кремле. С колокольни Ивана Великого осмотрел Москву. Побывал в Третьяковской галерее. Посетил Исторический музей, примкнул к группе студентов, слушавших лекцию профессора, и тут случилась неожиданная и не очень приятная история. Один студент оттолкнул меня.

— Для нас лекцию читают,— сказал он.

Я вспылил и громче, чем сам хотел, сказал: — Знаю, что для вас, но и мы, рабочие, не глухи к науке.

Профессор прервал лекцию, посмотрел вопросительно на меня, студенты расступились, чтоб пропустить меня ближе к экспонатам, а сгрубивший мне студент стал краснее кумача. Я извинился, что нарушил ход занятия, и ушел из музея. Весь день я бродил по Москве.

Усталый, но довольный, вернулся я вечером на вокзал, занял в вагоне место и, как только поезд тронулся, тут же уснул.

В Нижний-Новгород я приехал на рассвете. Добрался до Сормова.

У ворот завода — черная доска, на которой мелом пишутся объявления о требующейся рабочей силе. На этот раз доска была чистой. Тоска одиночества охватила меня. Я пожалел, что приехал сюда. У ворот завода была бакалейная лавчонка. Я зашел в нее, купил ненужную мне коробочку спичек и спросил лавочника, не знает ли он, где и у кого можно снять комнату.

— Знаю, только вчера соседка просила направить ей жильца, — сказал лавочник.— Пойдем покажу.

Мы вышли на улицу.

— Вон видишь, в глубине двора, в уголке, дверь. Постучи и скажи, я прислал.

Поблагодарив лавочника, я направился в указанном направлении. На мой стук вышла пожилая женщина, и, когда я сказал, что лавочник меня прислал, она показала мне крошечную уютную, чистенькую комнату. Быстро сошлись в цене: со стиркой белья и вечерним чаем без сахара.

На завод я поступил только на второй неделе моего пребывания в Сормове. Попытки устроиться без рекомендации не увенчались успехом. Не нашел я и товарища из вагонного цеха. По вечерам я ежедневно посещал библиотеку, всматривался в лица прохожих, но нигде не встречал товарища, к которому мог бы подойти и сказать: я от Касторовича Для устройства на работу мне пришлось прибегнуть к рекомендательной записке. Из

проходной я позвонил начальнику котельного цеха и сказал, что я из Николаева от его брата. Меня пропустили. И вот я без провожатого на территории завода. А что если еще раз попытать счастье, поступить на работу самому, подумал я и повернул не влево, в котельную, а вправо, в фасоннолитейную.

— Формовщиков не нужно, своим делать нечего,— ответил мне мастер, такой же ответ мною был получен и от начальника цеха. Тогда я направился в котельную и подал записку, а через два дня уже вышел на работу в фасоннолитейный цех, но не формовщиком, а стерженщиком.

Я влился в семью рабочих Сормовского завода. Вечерами, после работы, посещал народный дом, богатую книгами библиотеку или сидел дома и читал книги.

На заводе дела у меня шли неплохо. Старику бригадиру стерженщиков я пришелся по сердцу за быструю и аккуратную работу. Он давал мне наиболее ответственные задания. Но меня эта работа не удовлетворяла, и я решил, как только сколочу немного деньжат, уехать в Питер.

Однажды вечером, к концу рабочего дня, ко мне подошел бригадир и как-то загадочно сказал: «Завтра воскресенье, последний день масленицы, поезжай в Канавино».

— А что там? — спросил я.

— Поезжай, увидишь.— Я не стал дальше расспрашивать, а в воскресенье, увлекаемый общим людским потоком, пошел к вагончикам, направляющимся в Канавино. Впереди меня шли средних лет мужчина с женщиной и о чем-то весело беседовали. В тот момент, когда женщина готова была шагнуть в небольшую, но достаточно глубокую воронку сточной канавки, заполненную нефтью, я схватил ее за руку. Мужчина остановился и в знак благодарности протянул мне руку.

Дальше мы пошли вместе.

— Приезжий? — осведомился мой спутник.

— Да, приезжий...

— По наречью слышно. Откуда?

— Из Николаева.

— Там товарищ мой сейчас работает на французском заводе.

Я взглянул ему в лицо, и в моей голове молниеносно пронеслась радостная мысль: «Он».

— Касторовича знаете? — спрашиваю.

Товарищ остановился, пытливо посмотрев на меня.:

— Нет. А вы Касторовича знаете?

— Тоже не знаю,— ответил я и подал ему записку брата, которую все это время носил с собой. Он прочел, улыбнулся:

— Адрес, нечего сказать, а теперь давайте познакомимся по-

настоящему.

Мы еще раз крепко пожали друг другу руки.

— Знакомься, жена, наш, от Касторовича.— Он был рад, что встретил человека, который хотя и не видел Касторовича, но был им рекомендован, а я был рад вдвойне.

Теперь мне есть с кем работать и с кем посоветоваться.

В Канавино приехали вместе, вовремя.

Тройка лошадей, запряженная в широкие сани, нетерпеливо била копытами по сухому морозному снегу, звонко дребезжали бубенчики. Кучер, натянув вожжи, в полуоборот смотрит на седоков, ждет, когда они поудобней разместятся; в санях — гармонист, рядом с ним, у ног седоков, как снег, белая коза с позолоченными рогами, украшенная разноцветными лентами и искусственными цветами.

— Местный магнат-миллионер,— говорит мне товарищ,— всегда кортеж открывает, лошади, видишь какие,— звери!

Я слушал, смотрел на седоков.

— Эй вы, соколики! — раздался звучный голос кучера. Лошади точно только этого и ждали. Они рванулись и вихрем понеслись, рассекая морозный воздух. За этой тройкой неслись другие; звон бубенцов смешался со звуками гармони.

— Широкая масленица,— сказал я.— Но при чем тут коза?

— А при том, что предок этой козы, как говорит предание, пасся у колокольни, запутался рогами в спущенной с колокольни веревке, привязанной за язык колокола; а в эту пору под покровом ночи на степных скакунах к селу неслись татары. Народ, взбудораженный звоном колокола, сбежался и наголову разбил татар. Все это произошло на масленицу, и вот в ознаменование этого дня и наряжают козу.

Не знаю, есть в этой легенде хоть капля правды, но, глядя на молодецкую удаль седоков, на вихрем несущихся лошадей, я в этот момент верил, что так именно и было.

Домой возвратились за полночь, веселые и бодрые...

В конце марта в цехе появилось объявление о снижении сдельных расценок формовщикам. Рабочие заволновались, начали собираться группами, а в обеденный перерыв созвали общее собрание и вызвали начальника цеха.

«Не отмените — будем бастовать»,— заявили рабочие. Начальник сослался на распоряжение директора и потребовал, чтобы рабочие прекратили митинговать. Избрали делегацию, пошли к директору. Директор заявил, что завод несет большие убытки, и только, мол, из жалости к рабочим, их женам и детям акционерное общество не закрывает завод. Не добившись ничего от директора, рабочие объявили забастовку. Мы — стерженщики,

вагранщики и подсобники — в знак солидарности с бастующими формовщиками тоже бросили работу. Забастовка проходила дружно, люди держались крепко. Рабочие других цехов хорошо понимали, что снижение расценок формовщикам—только пробный шаг администрации завода, и если это мероприятие удастся, она начнет наступление на заработную плату в других цехах.

Когда после трех дней забастовки фасоннолитейщикам выдали расчет, на заводе среди рабочих начались денежные сборы в помощь бастующим. Забастовка длилась восемь дней и кончилась полной победой рабочих. Во время забастовки я почувствовал всю ложность своего положения, ибо поступил на завод по рекомендации административного лица завода, подводить его я не хотел, а стоять в стороне от жизни рабочих и их борьбы не мог.

Посоветовавшись с товарищем из вагонного цеха, я после окончания забастовки на работу не вышел. Решил ехать в. Питер, о чем сообщил домой. Из дому я получил письмо о том, чтобы по пути в Питер я обязательно заехал домой, так как для меня есть важное поручение. Попрощавшись с товарищами по работе, с доброй хозяйкой, ухаживавшей за мной, как за родным сыном, я уехал из Сормова.

Наша «Правда»

Приехав в Николаев, я в тот же день вечером встретился с бывшим рабочим Сормовского завода Касторовичем (А. К. Скороходовым). Это был высокий, стройный, плечистый человек, с живыми ясными глазами. Он быстро завоевал среди рабочих большое уважение своей глубокой принципиальностью.

С большим уважением отнесся к нему и я. Через два дня после приезда в Николаев я получил от товарища Скороходова 940 рублей, собранных рабочими завода в железный фонд газеты «Правда». По приезде в Питер я должен был передать эти деньги через Николая Свешникова, работавшего на заводе «Старый Лесснер» и являвшегося казначеем Выборгского райкома РСДРП, члену Государственной думы Бадаеву.

— Это тебе партийное поручение и вместе с тем партийная явка к питерским товарищам.

Не мешкая, я выехал в Петербург.

Я был очень рад, что мне поручили доставить газете «Правда» деньги, собранные для нее рабочими. Теперь каждому известно, какую громадную роль играла в описываемые мною годы газета «Правда» в освободительном движении рабочего класса.

Репрессии за репрессиями обрушивались на нашу славную большевистскую газету. За два года существования «Правды» вышли 565 номеров, из них 134 номера были конфискованы, 31— оштрафован на 14 450 рублей. Часто газета «Правда» приходила к нам с белыми полосами. Это — следы хозяйничания царской цензуры, которая выбрасывала готовые к печати статьи и заметки.

Редакция, не заменяя эти статьи другими, выпускала газету с белыми полосами и этим показывала рабочим, как свирепствует цензура. Нам же, работникам на местах, такие газеты были большой помощью в агитационно-пропагандистской работе. В обеденный перерыв берешь газету, идешь к обедающим в цехе рабочим, присаживаешься и говоришь:

— Опять газета полна белых пятен.

— Правда глаза колет,— вставляет товарищ.

— Кому?

— Известно кому — помещикам, капиталистам. Вот чиновники царской цензуры и стараются; от них жалованье получают.

— Это верно. Вот к примеру мое дело: за прошлые две недели я заработал сдельно 70% к поденной ставке, а мне 50% выплатили; я к табельщику: «Почему?» — «Мастер,— говорит,— вычеркнул». Я к мастеру. «Мало,— говорит.— Ступай за ворота,

там тебе больше заплатят».

Ну, вот напиши я об этом в газету — разве напечатают?

— Наши напечатают, да цензура не пропустит.

— Як тому и говорю...

— А меня мастер вчера оштрафовал. Ну было б за что — не обидно было бы. В механической мальцу палец оторвало, я и подумал, не моему ли, мой там работает, побежал, а на обратном пути на этого толстого борова нарвался. «Где был?» — «В механической,— говорю,— там мальчишке палец оторвало, боялся, не сыну ли».

— «Вот я тебе голову оторву, будешь знать, как по чужим цехам бегать». Ну, думаю, обругал и ладно, а вечером читаю распоряжение: «За самовольную отлучку из цеха штраф». Вот сегодня полдня на них чертей даром работал. А напиши в газету — вычеркнут.

— Вычеркнут, обязательно вычеркнут,— отвечает сосед.

— А вот насчет обращения. Каждую забастовку требование выставляем, люди мы, не собаки, а обращаются с нами хуже, чем с собаками.

— Рабочего в котельной придавило, помните?

— Как же.

— Жена с кучей детей осталась, за квартиру платить нечем, просила хозяина: «Подожди, суд кончится, получу за мужа и заплачу». А он схватил ребят за шиворот и, как щенят, выбросил на улицу... Написали мы об этом в газету, а вот не печатают.

— Значит вычеркнули.

— Ничего, дождутся черти, они думают, что в пятом году придавили нас, так и издеваться можно, мы им новый пятый год устроим и уж по-настоящему...

— И устроим, да так, чтоб от них одни мокрые пятна остались.

— Ну, ладно, товарищи, гудок, давай расходись, вон мастер идет.

— А газету так и не почитали?

— Завтра...

— Так ты завтра с ней приходи, почитаем.

— Ладно, приду, а сегодня, видите, мы все белые пятна нашей «Правды» заполнили.

И так каждый раз белые пятна в газете вызывали оживленные беседы о рабской доле рабочего человека, об издевательстве хозяев, о царском правительстве, которое заодно с ними, против рабочих.

В Петербурге

В Петербург я приехал 4 мая 1914 г. Вот, наконец, и долгожданный Питер. Привокзальная площадь, а за ней — манящий к себе широким простором Невский проспект, с многоэтажными домами, похожими один на другой, как родные братья.

Направляюсь на Выборгскую сторону. Литейный мост, широкая, рябью волн покрытая Нева, и вот Финляндский вокзал. Отсюда надо начинать поиски Свешникова, чтобы через него передать деньги газете «Правда». Все это мне удается без особого труда.

Николай Свешников оказался дома. Узнав, что я из Николаева, от т. Касторовича, он кивком головы дал мне понять, что здесь разговаривать нельзя, и мы вышли с ним на улицу. Моему новому знакомому было лет 25. Он был среднего роста, худощав и, кажется, немного застенчив.

Я передал Свешникову письмо от Касторовича и деньги для передачи т. Бадаеву.

— Теперь тебе надо устроиться на квартиру,— сказал Николай и написал мне записку.— По этому адресу найдешь наших товарищей сормовичей, они устроят тебя, а вечером я приеду к тебе, и мы поговорим насчет работы.

Николай предупредил меня, что там, куда я направляюсь, живет один меньшевик, обозленный на большевиков за успех первомайской демонстрации. Бояться его нечего, но осторожным быть следует.

По правде сказать, мне не хотелось так скоро уходить от Николая, не терпелось побольше узнать о Питере, о Выборгском районе.

Николай мне рассказал, что 1 Мая в Питере прошло по-боевому. Улицы были заполнены рабочими. В демонстрации участвовало не меньше 250 тысяч человек.

Местами были серьезные столкновения с полицией, с обеих сторон были раненые.

Из дальнейших расспросов я узнал, что Выборгский район в Питере по уровню рабочего движения занимает первое место. Далее Николай сообщил мне, что большевики Питера ведут борьбу за овладение легальными организациями, вышибают оттуда ликвидаторов; что недавно была проведена большая политическая кампания на фабриках и заводах по поводу исключения рабочих депутатов Государственной думы на 15 заседаний; что большинство рабочих осудили раскольнические

действия меньшевистской семерки думской с.-д. фракции и высказались за поддержку линии большевистской шестерки.

При прощании я спросил, не трудно ли мне будет устроиться на работу.

— Устроишься,— сказал Николай,— у нас в районе 31 промышленное предприятие, из них 13 — металлообрабатывающие. Хоть не везде есть литейные, но устроишься.

Ободренный всем услышанным от Николая, я отправился к Финляндскому вокзалу, где скоро нашел указанную мне улицу, дом и квартиру. Квартира состояла из двух комнат и кухни. Одну комнату занимал хозяин квартиры, рабочий завода «Айваз», с женой и четырьмя малолетними детьми, а другую — два жильца. Все были из Сормова... Познакомились.

— Большевик? — спросил один из жильцов. Это был лет сорока рабочий, с клинообразной бородкой, смахивающий на интеллигента.

— Раз Николай прислал, значит большевик,— ответил за меня другой рабочий.

— Ленинец,— не то спрашивая, не то для себя сказал первый.

— Раз большевик, значит ленинец,— ответил я.

В первом я узнал того меньшевика, о котором мне говорил Николай.

Меньшевик разразился бранью против большевиков.

— Развели забастовочную лихорадку,— говорил он,— а кому это надо, кому это в пользу? Мало вам пятого года, не научились.

Мы возражали ему, говорили, что пятый год нас многому научил и что эта школа нам пригодится при подготовке нового вооруженного восстания. А вот они, меньшевики, так действительно ничему не научились.

Тут наш собеседник соскочил с кровати и начал кричать, указывая на хозяина квартиры:

— Да ты посмотри на него — одни кости да кожа. Жена, четверо детей, а он больше бастует, чем работает.

Хозяин улыбнулся и спокойно сказал:

— А я не жалуюсь, хотя и беспартийный.

— Как же, за ними идешь,— злобно бросил в ответ меньшевик.

— Иду, потому что дорога их правая. Хочу, чтобы моим жене и детям лучше жилось, а насчет твоей жалости ко мне и к моим детям, так ее я слышал и от фабриканта, и от полицейского.

На этом вспышка спора временно прекратилась. Но когда вечером пришел Николай, спор загорелся с новой силой.

— Ортодоксы! — кричал меньшевик,— не хотите уходить из

подполья, ну и сидите там, но зачем же в легальные организации лезете?

— А затем, чтобы вас оттуда вышибить,— ответил Николай,— и рабочих подготовить к решительной схватке с царизмом и буржуазией.

Меньшевик долго не мог успокоиться, но мы с ним в спор больше не ввязывались. Нужно было потолковать, как и куда устроить меня на работу. Перебрали почти все металлообрабатывающие заводы, остановились на «Новом Лесснере». Там было три литейных: по меди, чугуну и стали. На этот завод желательно было устроиться еще и потому, что партийная организация там была ослаблена последними арестами. Уходя, Николай сказал:

— Завтра перетаскивай сюда свои вещи с вокзала, а я переговорю с товарищами, вечером приду и скажу о результатах, думаю, будут хорошие.

Я был доволен первым днем жизни в Питере. Вечером на другой день пришел Николай с радостной вестью. Все устроилось хорошо. Надо идти оформляться на работу формовщиком в сталелитейную, на завод «Новый Лесснер».

Так началась моя жизнь в Петербурге.

Рабочие завода «Новый Лесснер» в 1913 г. стойко выдержали 102-дневную забастовку. Эту забастовку, которой руководила наша партия, поддержали рабочие других заводов России. Причины возникновения забастовки и ее ход изо дня в день освещала газета «Правда».

Непосредственной причиной забастовки послужила трагическая смерть токаря этого завода Стронгина, которого мастер обвинил в краже куска меди и пригрозил выгнать за ворота с отметкой, что «уволен с завода за воровство». Рабочий не выдержал оскорбления и повесился. Утром рабочие нашли его труп. В кармане была записка:

> «Товарищи, не знаю, писать ли вам. Напишу... Мастер обвинил меня в воровстве. И вот, прежде чем покончить расчеты с жизнью, говорю вам, товарищи: я невиновен. Об этом говорит моя совесть, мое сердце, моя рабочая честность, но доказать этого я не могу. Уйти же с завода с клеймом вора, поставленным мне мастером, я не в силах. И вот я решил покончить с собой. Прощайте, дорогие товарищи, и помните — я невиновен.
>
> *Яков Стронгин».*

Письмо было напечатано в газете «Правда». Я на всю жизнь

запомнил это скорбное письмо, в строках которого отразился весь ужас бесправия рабочего класса в царской России.

Рабочие потребовали увольнения мастера. Правление завода отказало. Тогда была объявлена забастовка. Похороны Стронгина вылились в мощную демонстрацию солидарности рабочих, протеста против жестокого гнета и бесправия. В похоронах участвовали многие тысячи рабочих не только Выборгского, но и других районов Питера...

Прошло две недели, как я начал работать в сталелитейном цехе завода «Новый Лесснер». Мне удалось быстро сблизиться с рабочими. Этому помогло мое знание профессии. Стальное литье мне хорошо было знакомо, и я старался не ударить в грязь лицом перед товарищами.

Рабочие, видя, что я более успешно, чем многие, справляюсь со своим делом, стали подходить ко мне во время работы и особенно в обеденный перерыв за помощью и советом. Быстро завязывались знакомства, и это создавало основу для партийной работы. Вскоре рабочие избрали меня членом правления страховой кассы от заводов. Через эту кассу большевики имели возможность укреплять свои связи с рабочими и вести среди них политико-просветительную работу.

События развертывались с необычайной быстротой. Большевики пользовались все большим влиянием и авторитетом среди рабочих. Меньшевики же теряли в рабочем движении одну позицию за другой и приходили в бешенство от успехов большевиков. Позиция меньшевиков находила полную поддержку у эсеров.

Меньшевики распространяли злостную клевету на большевиков, затевали склоки, пускали в ход самую гнусную демагогию, пытаясь опорочить нас в глазах рабочих масс. Но это только подчеркивало шаткость их позиций. Мы, большевики, как правило, ставили своих политических противников на суд рабочих и неизменно получали поддержку. Меньшевики же, а с ними и эсеры все больше и больше теряли свое влияние. Я целиком был захвачен остротой этой непримиримой политической борьбы.

Но вот однажды в рабочий клуб в момент самой острой дискуссии большевиков с меньшевиками о путях развития революционного движения рабочих неожиданно нагрянула полиция. Все входы и выходы были забиты полицейскими. Их стянули сюда с нескольких полицейских участков.

Собрание наше было легальное, разрешенное полицией, и поэтому налета никто не ждал и патрули не были выставлены. Мы стали искать выход из полицейского окружения, но его не

было. Больше ста человек партийного актива оказались в руках полиции.

Меньшевики бегали около пристава, кричали о неправомерности его действий, так как собрание, мол, разрешено, грозили жаловаться в Государственную думу, но это, конечно, ни к чему не привело. Большевики иронически смотрели на попытки меньшевиков добиться справедливости от жандармов.

Полицейские молча делали свое дело. Они произвели обыск в помещении, стали обыскивать нас. Мы пытались сопротивляться, нас скрутили, по найденным документам всех переписали и на рассвете препроводили в Сампсониевский участок. Здесь жандармы отобрали из нашей среды человек тридцать и отправили в дом предварительного заключения, а остальных под охраной полицейских развели по полицейским участкам по месту жительства. Пожилого рабочего, юношу и меня заключили в камеру Полюстровского полицейского участка.

— Раз сюда привели, а не в предварилку,— говорил пожилой рабочий,— значит выпустят.

Я верил и не верил этому утверждению. Юнец махнул на все рукой, забился в угол и заснул крепким сном. Мы двое сидели молча, прислушиваясь к своеобразному шуму и шороху в полицейском участке. Временами был слышен плач, громкая женская ругань:

— Ироды проклятые! Пропасти на вас нет...

Вдруг открывается дверь, и в камеру вваливается полицейский, а из-за его плеча выглядывает улыбающееся лицо хозяина моей квартиры.

— Ну, смотри, который тут твой,— оборачиваясь назад, спросил полицейский.

Я бросаюсь к двери.

— Этот...— отвечает хозяин.

Мы пошли к приставу. Я от радости забыл попрощаться с товарищами.

Сидим в кабинете пристава.

— И что это вам, молодой человек, дома не сидится,— укоризненно, отцовским тоном говорит пристав.— Работа на заводе тяжелая?

— Да, не легкая,— отвечаю я.

— Ну, вот видишь, работаешь, устаешь, пришел бы домой, отдохнул.

— И опять на работу,— отвечаю я. Хозяин квартиры толкает меня ногой, молчи, дескать, а пристав сквозь очки посмотрел на меня и, точно не поняв моей иронии, спрашивает:

— Что же, в клубе вашем весело?

— Не весело и не скучно. Лекции и доклады слушаем, проводим беседы.

— И платите за это?

— 20 копеек в месяц членских взносов.

Пристав покачал головой, поднялся, поднялись и мы.

— Вот ваши документы, можете идти.

Я взял документы и вышел. За мной вышел хозяин квартиры.

Я снова на воле, снова на заводе. Движение нарастало. Экономические стачки сменились политическими.

К заводской администрации бастующие никаких требований не предъявляют. Бастуют в знак солидарности с бакинскими рабочими. Администрация завода бесится.

— Господа, мы не можем представлять вам корпуса завода для ваших противоправительственных сборищ,— говорят хозяева. — Приступайте к работе или идите на улицу и там митингуйте.

Меньшевики из кожи лезут, поддерживая администрацию завода.

— Мы не имеем права узурпировать права заводской администрации,— вопят они,— мы настаиваем на прекращении забастовки, у нас есть другие средства борьбы против произвола правительственной администрации и упорства бакинских нефтяников.

— Бумажные,— кричит кто-то в ответ. Вокруг смех, крики, свист. С трудом удается установить тишину.

— Мы предлагаем избрать делегацию,— говорят меньшевики, — и послать ее в Государственную думу.

Пусть они там от нашего имени потребуют невмешательства со стороны полиции и войск в конфликт труда с капиталом и потребуют от Союза нефтяников повлиять на их членов, бакинских предпринимателей, пойти на удовлетворение законных требований бакинских рабочих.

— Все? — кричит кто-то.

— А чего тебе еще... Можно еще петицию... Они напишут... Они на это мастера... Поднимается шум, крики...

Слово берет большевик:

— Так вот, товарищи, нам предлагают пойти с поклоном в Государственную думу, в которой в большинстве сидят те же фабриканты, капиталисты, против которых выступили бакинские рабочие, выступаем и мы. Хотят поручить им нашу собственную судьбу и судьбу бакинских товарищей, а самим смирнехонько разойтись и стать к станкам...

— К черту! меньшевиков, петиции и делегации... Посылали, знаем... Долой...— слышатся протестующие возгласы.

— Мы требуем голосования нашего предложения,— кричит

какой-то меньшевик.

— Не надо!

Вопрос ставится на голосование: забастовка солидарности или делегация? Мозолистые рабочие руки поднимаются за забастовку. Меньшевики неистовствуют.

— За наше предложение большинство,— кричат они, стараясь подтасовать результаты голосования.

Тогда вносится предложение:

— Кто за прекращение забастовки, остаются на месте, кто за забастовку, отходят влево.

Меньшевики протестуют:

— Это незаконно! Это нарушение демократии!

Но уже поздно, рабочие лавиной двинулись влево. Меньшевистский трюк сорван.

Огромное большинство за продолжение забастовки, за меньшевиков небольшая группка, и та, как лед под весенними лучами солнца, тает.

— Ура! — кричат сторонники большевиков.

Меньшевики, как всегда, заявляют, что они снимают с себя «ответственность», хотя никто на них этой ответственности не возлагал, да и они ее на себя никогда не брали.

Появилось красное знамя. С пением марсельезы двинулись к воротам. Администрация завода мобилизовала все свои силы, чтобы помешать открыть ворота. Мы растекаемся отдельными узкими потоками и выливаемся на улицу. Полиция загоняет нас в переулки. У завода телефонных аппаратов Эриксона вливаемся в мощную волну, которая заливает Большой Сампсониевский проспект.

К нам навстречу идет другая людская волна — рабочие завода «Людвиг Нобель» и работницы Сампсониевской мануфактуры. Под громкие крики «ура» сливаемся в общий бушующий поток. Сейчас мы хозяева улицы. Будем и хозяевами жизни. Полиция стушевывается. Казаки воздерживаются от выступления. Раздается боевая революционная песня:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов.

Через несколько дней мы стали на работу, но ненадолго. 4 июля 1914 г. полиция стреляла в путиловцев.

Возмущение рабочих перелилось через край. Под напором людского потока заводские ворота широко распахнулись, и мы с

пением революционных песен вышли на улицу.

Полиция начала свирепствовать; один из полицейских пустил в ход нагайку. Кто-то из рабочих запустил в полицейского большой гайкой, которая угодила ретивому полицейскому в висок. Он упал и волчком завертелся на камнях мостовой, хватая руками воздух.

У полицейского участка полиция по указанию охранников набросилась на рабочих вожаков. С криком мы бросились на выручку к товарищам и отбили их.

Раздалось торжествующее «ура!». Оно слилось с революционной песней.

Полиция второпях схватила меньшевика-оборонца, призывавшего рабочих опомниться и вернуться к станкам.

Хохотом, свистом, веселым криком рабочие встретили эту «победу» полиции: «Тащи! Тащи! Давай! Давай!».

Меньшевик упирался, кричал: «Я протестую! Я буду жаловаться, это безобразие!»

— Давай! Давай! Тащи! — подбадривали рабочие полицейских. Наконец, те поняли, что схватили не того, и разжали руки. Меньшевик нырнул в людскую волну и скрылся.

А рабочие делали свое революционное дело. Оно поднялось на такую высоту, что остается один шаг — к баррикадам и вооруженному восстанию. И когда через несколько дней правительство решило в помощь полиции послать казаков, рабочие под руководством большевиков начали строить баррикады.

Война

В день приезда Пуанкаре к царю группа большевиков, в том числе и я, стояла в пикете у Троицкого моста с тем, чтобы отговаривать рабочих от участия во встрече посланника французской империалистической буржуазии.

Но это была лишняя мера. Рабочие и без того понимали, к кому и зачем приехал Пуанкаре.

Мы видели, как к набережной у Зимнего дворца подошел катер, как из него по трапу вышел в сопровождении своей свиты президент Французской республики и направился к Зимнему дворцу на свидание с царем. Его приветствовали криками «ура» переодетые в гражданскую одежду человек триста охранников.

— Пуанкаре — это война,— сказал стоявший рядом со мной пожилой рабочий, и это понимали все. На следующий день была объявлена всеобщая мобилизация, а 19 июля 1914 г. Германия объявила войну России.

Я вместе с другими мобилизованными рабочими явился в полицейский участок, и оттуда нас строем, под командой офицера, направили в городской район на сборный пункт. Улицы района находились во власти демонстрантов. Со всех сторон неслись звуки революционных песен и громкие возгласы: «Долой войну!» Все это смешивалось с плачем провожающих нас женщин и с проклятиями по адресу тех, кто затеял эту ненавистную трудовому народу войну.

Мы у Троицкого моста. Идет организованная черносотенцами, агентами охранки и молодчиками из «золотой молодежи» манифестация. Она не многолюдна, но очень шумлива. Впереди несут портрет царя. Бросают вверх шапки, фуражки, орут «ура» его императорскому величеству. Посредине моста манифестанты встречают группу рабочих и угрожающе орут:

— Шапки долой! Долой шапки!

Рабочие, не слушая их, молча продолжают свой путь. На них набросились черносотенные громилы. Образовалась свалка.

Подошедший трамвай остановился, пассажиры выскочили из вагона и бросились в общую свалку — кто за манифестантов, кто за рабочих. Я крикнул:

— Товарищи, наших бьют!

Мобилизованные, казалось, только того и ждали. Они бросились на выручку к товарищам. Офицер стал в сторонке. Мне казалось, что он сочувствовал нам. Черносотенцы стали отступать, но им на подмогу подоспела пешая и конная полиция.

Пришлось отступить. Бой кончился, офицер наш куда-то исчез, трамвай пошел своей дорогой. Мы группами и в одиночку, уставшие от схватки, но довольные собой, явились на сборный пункт. Паспорта наши были уже здесь.

На сборном пункте шум, гам, толчея, неразбериха. Я встретил нескольких рабочих с нашего завода, а на следующий день повстречался с одним партийцем. Решили не отрываться друг от друга и, если удастся, устроиться в одну часть.

— Маршевые роты отправляют в Финляндию, там будут формировать полки и после кратковременного обучения отправлять их на фронт,— сообщил мне товарищ и шепотом добавил:— Будь осторожен, охранников переодетых тьма.

Мы прохаживались, прислушиваясь к разговорам. Отовсюду слышались короткие и однообразные фразы: куда отправят, когда отправят, чем обеспечивают на дорогу, умеют ли немцы драться, чьи офицеры, их или наши, лучше знают военное дело, кто будет главнокомандующим у них и кто у нас. Но в отдельных случаях раздавались и такие голоса, в которых звучала угроза: «Пусть дадут нам оружие в руки, а там видно будет». К таким подлаживались шпики, подзадоривая и провоцируя на более откровенные разговоры.

Мы были начеку, агитацию среди мобилизованных вели осторожно, боясь потянуть за собой «хвост» в ту часть, где будем служить.

Прошло несколько дней. Товарища моего на день отпустили домой. Возвратившись вечером, он передал мне приятную весть: заводоуправление раскошелилось и выдает каждому мобилизованному по десяти рублей.

Для меня это было очень важно, так как ночью, во время сна, меня обобрали, что называется до ниточки, и в кармане не было ни копейки.

Утром с первым трамваем я уехал на завод. В цех меня не пустили, в конторе еще не работали. Я присел у проходной и стал ждать. Меня заметил мастер сталелитейной.

— Вот кстати, а я хотел за тобой посылать на сборный пункт, мне вчера передали, что ты еще там.

— Это насчет десяти рублей? — спросил я.

— Каких там десяти рублей? Дело не в этом. Вчера вечером пришло распоряжение правительства вернуть на завод всех рабочих, которые еще не отправлены на фронт.

Возьми выписку из постановления, сдай ее на сборный пункт и завтра же выходи на работу.

Я взял выписку из распоряжения правительства для себя и для моего товарища и отправился на сборный пункт.

Трамвай шел очень медленно. У меня не хватило терпения, я на ходу соскочил и бегом к месту сборного пункта. Товарища моего там не оказалось. Он был уже отправлен в маршевую роту, которая находилась за проволочным заграждением.

Я бросился туда. Часовой не пускает. Машинально вытаскиваю из кармана распоряжение правительства, тычу часовому в нос и громко кричу:

— Вот!

Не знаю, что подействовало на часового, мой ли крик или бумажка, но он отступил. Я нашел товарища в строю готовой к отправке маршевой роты.

— Выходи скорее, пойдем к начальнику,— сказал я и передал товарищу бумажку с завода. В это время к нам подошел командир маршевой роты. Товарищ протянул ему бумажку. Тот прочитал, вычеркнул его фамилию из списка и кивком головы указал — выходи! — а часовому крикнул:

— Пропустите!..

И вот мы снова на заводе. За время нашего недолгого отсутствия здесь произошли большие перемены. Токарный цех наполнился станками, механосборочный — верстаками, тисками и новыми рабочими, среди них много женщин, подростков и сынки тех, кто мог откупиться от мобилизации. Настроение рабочих-кадровиков было неважное. Нас, партийцев, они встречают вопросительными взглядами; и мне кажется, что в мыслях у них один вопрос: «Как же это так? Еще недавно бастовали, устраивали демонстрации, кричали: «Долой самодержавие!», «Долой войну!», а сегодня делаем снаряды, минные аппараты для подводных лодок?»

С тревогой я вошел в цех, меня окружили товарищи. Я понимал, что волнует их, но открыто говорить было опасно.

В обед меня забросали вопросами.

— Как быть? Ведь завод производит оружие, и получается так, что мы помогаем войне.

— А работать надо так,— отвечаю,— чтобы эту войну превратить в гражданскую, против тех, кто ее затеял. Так нас учит товарищ Ленин. Война не наша, но оружие в наших руках, говорит в своей листовке Петербургский комитет большевиков. Я эту листовку на сборном пункте нашел.

Оглянувшись по сторонам, товарищи придвинулись ко мне поближе. Я достал листовку и начал ее читать. В листовке говорилось о том, что в мире происходят события чрезвычайной важности. Миллионы рабочих, крестьян России, Германии, Франции, Англии, Австрии и других стран оторваны от мирной жизни и поставлены друг против друга с оружием уничтожения в

руках. Морями народной крови капиталисты, помещики получают возможность еще больше наживаться, в крови рабочих и крестьян они хотят утопить революционное движение.

— Что же делать?— в глазах каждого один наболевший вопрос.

Началась беседа по душам. Я сказал, что нам надо вести разъяснительную работу среди новых рабочих, особенно среди тех, у кого есть родственники или знакомые в числе мобилизованных солдат, разъяснять, что эта война не наша.

— Все это ты правильно говоришь, вот только законы уж очень строгие издали: за забастовку — военно-полевой суд, за агитацию — тоже не помилуют.

— Ничего, дай срок,— полетят они, полетят и их законы.

Обед кончился, и мы разошлись по своим местам. Несколько дней спустя ко мне подошел паренек с чугунолитейной. Волнуясь, он сказал:

— Хочу уйти с завода. Зачем работать? Аппараты, снаряды делаем. Ими бьют немцев, а они такие же рабочие и крестьяне, как и мы.

Я смотрю на взволнованное лицо парнишки и говорю:

— Ты бросишь, я брошу, а другие?

— А другие пусть как хотят,— слышу в ответ.

— Этак не годится,— говорю,— вот если б все бросили сразу, тогда б другое дело, а что ж ты один? Ну, оставишь завод, а дальше что?

— Поступлю в дворники.

— Куда? — не веря своим ушам, спросил я.

— В дворники, их не мобилизуют, на фронт не попаду.

— А почему не мобилизуют?

— Не знаю.

— Вот то-то и оно, что не знаешь, а знать надо.

Полицейских тоже не мобилизуют, а знаешь почему?

— Знаю. Нас боятся, вот и не мобилизуют. Новеньких наберешь, еще неизвестно, какие будут, а эти давно продались, эти у них свои.

— Правильно, все хорошо понимаешь, ну, а дворники у нас кто? Те же полицейские, только в белых фартуках, а не в полицейской форме. Разве ты не видел, как во время забастовок они закрывают калитки, чтобы рабочий не мог вбежать во двор, когда за ним казаки гонятся и хлещут его нагайкой, и как хватают они нашего брата и вместе с полицейским тащат в участок. Вот поэтому их и не мобилизуют, а ты «в дворники»!

Парень мой просто онемел.

Я вспомнил, что лет десять назад, вот так же, как он ко мне, я

подошел к пожилому рабочему, которого очень уважал за хорошую, чистую работу и ласковое обращение с молодежью, и сказал, что хочу уехать за границу.

«Зачем?» — спросил он меня. «А чтоб на военную службу не пойти и в своих не стрелять, когда они бастовать будут».— «Дурак»,— сказал мне рабочий и добавил: «Ты не сердись, это я так, от души, а на военную службу иди да хорошенько изучай то оружие, которое в руках у тебя будет, а чтоб в своих не стрелять, вот ты там солдатам и говори, что не рабочие их враги, а капиталисты да помещики».

Взглянув на парня, я спросил:

— Ты винтовку хорошо знаешь?

— Нет, а что?

— Давай займемся винтовкой, изучим ее части. Потом за пулемет возьмемся. Я на действительной два года пулеметчиком был, первым номером, части и их взаимодействие хорошо знаю.

— А где ж мы пулемет и винтовку возьмем? — спросил оживленно парень.

— Нарисованные купим, вырежем и будем изучать.

— Давай, я и товарищей позову.

— Ну вот и хорошо,— сказал я,— а насчет работы дворником — ты эту дурь из головы выбрось.

О своей затее я сказал товарищам. Кое-кто усомнился.

— Стоит ли? Могут привязаться: как никак, военная учеба.

Но парторганизатор меня поддержал:

— Ничего, дело это хорошее. А если привяжутся, можно сказать, что готовитесь завод от немцев защищать, так как не исключена возможность, что они сюда придут, или сказать, что хотите добровольцами на фронт ехать.

Позже до нас дошли слухи, что и на других заводах есть кружки по военной подготовке рабочих.

Полиция, жандармское управление, охранка в эти дни свирепствовали с особой силой. Они громили партийные организации, вырвали из нашей среды ряд руководящих товарищей. Связь с партийными центрами района и Питера то и дело обрывалась. На заводе «Старый Лесснер» осталось всего несколько человек партийцев, и среди них — Николай Свешников. Он мне часто оказывал помощь, давал хорошие советы. Мы со дня на день ждали ареста, но работу по разъяснению большевистских лозунгов среди рабочих завода не прекращали. Газета «Правда» была закрыта, но сама жизнь давала нам в руки убедительные материалы для агитационно-политической работы.

Приближалась первая годовщина расстрела рабочих

Путиловского завода. Петроградский комитет нашей, большевистской партии выпустил посвященную этому собранию листовку, в которой призывал рабочих Питера выйти на улицу и громко, во весь голос, заявить протест против империалистической войны и напомнить своим классовым врагам, что мы не забыли кровавых злодеяний, совершенных ими 4 июля 1914 г. за Нарвской заставой, и что мы чтим светлую память путиловцев, павших в борьбе за свое освобождение. Мы, партийцы, работавшие на заводе «Новый Лесснер», считали своим долгом и своей партийной честью выполнить указания Петроградского комитета и вывести рабочих на улицу, несмотря на драконовские законы военного времени. Меньшевики, во главе с вожаком своим Бройдо, и эсеры всеми силами старались не допустить выступления рабочих.

Накануне 4 июля 1915 г. мы, большевики, выпустили листовку, в которой еще раз напомнили рабочим об их пролетарском долге, и наша работа увенчалась успехом. Из цехов вышло около двух тысяч рабочих. После краткого митинга, устроенного у ворот завода, мы распахнули ворота и с красными знаменами и революционными песнями вышли на Большой Сампсониевский проспект. На нас с остервенением набросилась конная и пешая полиция.

Хотя многие из нас и пострадали, но не полицейские, а мы торжествовали победу. Это было первое массовое выступление рабочих против войны и самодержавия после расстрела путиловцев и начала империалистической войны.

Несколько товарищей были арестованы и среди них — наш активист модельщик Иван Попов. Я встретил его на улице через полтора месяца, и он сообщил мне, что только что вышел из предварилки и что его лишили права жительства в Питере, Москве и еще в нескольких промышленных губернских городах, и он решил перейти на нелегальное положение.

Буржуазия, вступив в союз с самодержавием, закрепляла свои позиции и в ходе войны все больше и больше усиливала свое влияние на государственные дела Российской империи. Она создала свою всероссийскую организацию — Союз земств и городов. Отлично зная, что недовольство рабочего класса непрерывно растет, силы накапливаются и вот-вот смертоносной лавиной прорвутся, чтобы смести существующий строй, буржуазия старалась предупредить эту опасность. Она создает военно-промышленные комитеты, чтобы взять под свое влияние рабочих.

В этих комитетах образуются «рабочие группы». Меньшевики во главе со своими вожаками — Гвоздевым с завода «Эриксон»,

Бройдо -— с завода «Новый Лесснер» и провокатором Черномазовым — с завода «Старый Лесснер» — с рвением лакеев взялись за организацию выборов рабочих делегатов. Этой кампанией большевики не были захвачены врасплох. Имея твердые позиции в отношении войны и четкие разъяснения В. И. Ленина о том, кто и для чего создает военно-промышленные комитеты, они решительно выступили против лжепатриотического лозунга «Все для войны, все на войну!», за бойкот военно-промышленных комитетов. Но вместе с тем большевики решили использовать кампанию по выборам рабочих представителей в военно-промышленные комитеты, для того чтобы рассказать рабочим и о сущности империалистической войны, и о действительных целях военно-промышленных комитетов, и о позиции большевиков по всем этим вопросам. Для обсуждения вопроса об участии рабочих в военно-промышленном комитете и для выбора делегатов на общегородское собрание, которое из своего состава должно было избрать представителей в рабочую группу военно-промышленного комитета, в большом механическом цехе нашего завода собралось около восьми тысяч рабочих заводов «Старый Лесснер» и «Новый Лесснер».

На трибуне большевик. Рабочие с напряженным вниманием слушают его.

— Товарищи, наше отношение к этой грабительской войне известно. Мы ее не затевали, мы ее и поддерживать не будем. Мы будем бороться против этой войны и против тех, кто ее начал. Нам нечего защищать. Кроме политического бесправия, экономического гнета и эксплуатации, мы ничего не имеем. Капиталисты хотят запрячь нас в свою колесницу, лишить нас политической самостоятельности в революционной борьбе. Не выйдет. В их военно-промышленный комитет мы не пойдем, хотя и не отказываемся послать наших товарищей на общегородское питерское собрание уполномоченных. Они там скажут от имени нас, питерских рабочих, рабочим всей нашей страны свое слово, и мы им дадим наказ бойкотировать созданный буржуазией военно-промышленный комитет.

Со всех сторон раздаются голоса одобрения. Но вот на трибуне меньшевик. Он бьет себя в грудь, клянется в верности рабочему классу, социализму. А дальше — давно известная меньшевистская демагогия о прекращении внутрипартийных распрей, об объединении всех сил в стране для защиты отечества, о «классовом мире».

Началась перепалка. Восьмитысячное море людское всколыхнулось. Администрация завода предлагает приступить к выборам. На трибуну, не дожидаясь разрешения, вскакивает

большевик.

— В стране господства капиталистов и помещиков у нас нет отечества. Но оно у нас будет, когда мы свергнем ненавистный нам полицейский строй, свергнем буржуазию, возьмем власть в свои мозолистые руки, и тогда мы грудью встанем на защиту своей родины, и горе тому, кто посмеет на нее напасть. А сейчас нам с буржуазией и меньшевиками не по пути.

На трибуне снова меньшевик, его сменяет эсер, и снова большевик. Уже 12 часов ночи, но никто и не думает уходить. На голосование ставятся два предложения: большевики предлагают выбрать и послать на общегородское собрание своих уполномоченных с наказом изложить там большевистскую точку зрения, а от выборов своих представителей в военно-промышленный комитет отказаться; меньшевистское предложение гласит: пойти на общегородское собрание, на нем избрать своих представителей в рабочую группу военно-промышленного комитета.

Началось голосование, но в цехе больше чем полумрак, и подсчитать голоса невозможно. Меньшевики кричат, что большинство за них. Большевики не уступают. По нашему предложению собрание переносится на завтра.

Меньшевики и администрация завода возмущены.

Мы, большевики, очень довольны. Завтра трибуна опять в нашем распоряжении. Чтобы полиция ночью не изъяла нас, мы не ночуем дома.

На следующий день, в обеденный перерыв, большевики обсудили вопрос о своих действиях на предстоящем собрании рабочих.

У нас имелся очередной номер газеты «Социал-демократ», в котором был опубликован проект резолюции по вопросу о военно-промышленном комитете. Этот проект был написан одним из наших товарищей, и в нем говорилось о том, как большевики смотрят на теперешнюю войну и на военно-промышленные комитеты и, в частности, как на эти вопросы смотрят рабочие «Старого Лесснера» и «Нового Лесснера».

Редакция газеты рекомендовала его всем рабочим России как основу для резолюции при обсуждении на рабочих собраниях вопроса о военно-промышленных комитетах.

Мы хорошо знали содержание опубликованного проекта резолюции и поэтому не читали и не обсуждали его. Нам нужно было посоветоваться о том, как обеспечить его проведение. Это было дело нашей партийной чести, нашего умения не на словах, а на деле повести за собой рабочих.

Одновременно с нами заседали и меньшевики. Они собрались

в кабинете директора и вместе с администрацией завода обсуждали вопрос о том, как на общем собрании рабочих провести свою резолюцию.

Вечером вновь собралось восемь тысяч рабочих заводов «Старый Лесснер» и «Новый Лесснер». Выступлений на этом собрании уже не было. Приступили прямо к обсуждению резолюции. Большевики и меньшевики огласили свои резолюции. Эсеры выступили с заявлением, что они будут голосовать за резолюцию меньшевиков, и призывали к тому же всех своих сторонников. Выбрали счетчиков по одинаковому количеству от большевиков и меньшевиков и приступили к голосованию.

После долгих споров при подсчете голосов были объявлены результаты голосования. Большевики получили, правда, незначительное, но все же большинство голосов.

Весть о победе большевиков была встречена криками «ура». Кто-то запел марсельезу, но его не поддержали, и песня оборвалась.

Меньшевики, провалившись на собрании рабочих, рассчитывали добиться своего на общегородском собрании уполномоченных. Но и здесь их постигла неудача. Большинство высказалось против участия рабочих в военно-промышленном комитете. Лишь после того как часть наиболее революционно настроенных и идущих за большевиками рабочих была арестована, меньшевикам удалось повести за собой менее сознательных рабочих и создать в военно-промышленном комитете свою «рабочую группу».

Но это не могло отразиться на развитии революционного рабочего движения. Большевики твердо шли своей дорогой.

Вскоре после общего собрания рабочих мне предложили перейти на работу в меднолитейный. Я согласился.

Мастер и рабочие меднолитейного приняли меня хорошо. Различия в работе в сущности не было никакого, и все пошло своим порядком. Одно было невыносимо и для меня и для всех рабочих цеха — это несметное количество мутно-зеленоватого, сладкого на вкус газа — «зеленки» Цех был низкий, без вентиляции, и газ буквально душил рабочих.

Сколько раз мы вызывали главного инженера завода, директора, жаловались, просили, требовали установить вентиляцию, но все оставалось по-прежнему.

Администрация завода обещала установить вентиляцию. Иногда даже приходили конструкторы, механик, мерили, чертили, но вентиляция так и не появлялась.

— Что делать,— спрашивали друг друга рабочие,— задохнемся.

Большевики предлагали объявить итальянскую забастовку, а меньшевики — послать делегацию к фабричному инспектору с жалобой на бездействие заводской администрации. Прошло предложение меньшевиков. Выбрали меня, меньшевика и от обрубщиков — пожилого беспартийного рабочего.

К инспектору пошли в воскресенье. Около двух часов просидели в приемной. Было ясно: взят расчет на то, что мы не выдержим и уйдем. Но без ответа мы уйти не могли.

Нас ждали рабочие. И мы дождались, что инспектор нас принял. Когда мы вошли в кабинет и уселись, он извинился, но тут же добавил, что сегодня день неприсутственный и что ему тоже нужен отдых, но что он готов нас выслушать и только просит быть краткими. Он выслушал нас, обещал сделать все, что от него зависит, но тут же добавил, что страна переживает тяжелое положение и непосильные требования предпринимателям предъявлять нельзя. Все, мол, должны нести жертву на алтарь отечества.

Меньшевик от хорошего тона и обещаний был на девятом небе. Я же злился на себя за то, что пошел на эту бесплодную беседу.

В понедельник, в обеденный перерыв, мы доложили рабочим о выполнении их поручения. Меньшевик рассказывал, захлебываясь от восторга. Я же сказал рабочим, сколько мы сидели в приемной, как сетовал инспектор, что мы пришли в неприсутственный день, как он призывал нас быть снисходительными к предпринимателям и не предъявлять им «непосильных» требований, так как «все должны нести свою жертву на алтарь отечества».

— Я так понимаю,— сказал ходивший с нами пожилой рабочий,— если бы он служил у нас и мы платили бы ему жалованье, тогда бы конечно. Но он жалованье получает от них, поэтому и ждать от него нечего. Вот и все...

Приблизительно через неделю с утра в цехе начали протирать стекла, подмели пол, вынесли то, что было лишнего.

— Надо ждать фабричного инспектора,— говорили между собою рабочие и не ошиблись.

Вечером, перед окончанием работы, в сопровождении директора и врача в цех вошел инспектор. «Зеленки» сегодня, конечно, не было, воздух относительно был чист и относительно прозрачен.

— Видно, вам, господа, делать нечего: ходите жалуетесь,— сказал инспектор. Но все же он обещал попросить директора поставить над бессемером колпак и через потолок вытянуть трубу на крышу. При этом он еще раз напомнил нам о войне и

необходимости жертвы «на алтарь отечества». С этим он и ушел.

— Вот тебе и фабричный инспектор, правильно обрубщик говорит, не мы ему жалованье платим — не нас он и защищает.

Колпак поставили, но лучше не стало. Он только мешал работать варщикам, и его скоро убрали, а дыру заткнули мешками. Так бесславно закончилось наше хождение к инспектору. «Зеленка» победила.

А события шли своим чередом. В промышленности и сельском хозяйстве усиливалась разруха, на фронтах русская армия, руководимая бездарными генералами, терпела поражение за поражением. Среди рабочих пошли слухи, что военный министр Сухомлинов оказался немецким шпионом, что царица, немка по национальности, тоже помогает немцам. Механический цех нашего завода был забит стаканами для снарядов, а на фронте нечем было стрелять. Буржуазия выступила с требованием «ответственного министерства». Меньшевики поддерживали это требование. «Для нас это не выход»,— говорили рабочие.

Действительный выход подсказывали большевики — это вооруженное восстание, революция.

Партийное подкрепление

Перед 9 января 1916 г. в укромных уголках, по цехам шла читка прокламации Петроградского комитета большевиков, посвященной событиям 9 января 1905 г. В ней говорилось о том, что в тяжелый, кровавый год войны рабочим нужно продемонстрировать свое отношение к лживой и насквозь предательской политике царского правительства, что однодневной стачкой нужно выразить свой протест против кучки палачей, ведущих страну к катастрофе. Прокламация призывала пролетариат в день 9 января показать свою солидарность и сквозь гром орудий и канонад мощно провозгласить: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Долой царское правительство! Долой самодержавие! Да здравствует всеобщая забастовка в день 9 января! Да здравствует вторая российская революция! Да здравствует РСДРП!»

Все эти лозунги были близки и понятны рабочим, и когда мы, большевики, утром 9 января предложили рабочим прекратить работу, то ни одного голоса не было против, даже меньшевики не посмели открыть рта.

Рабочие покинули цехи и влились в общий поток демонстрантов, двигавшихся с революционными песнями, с двумя развевающимися красными флагами по Большому Сампсониевскому проспекту, мимо сквера, набитого мобилизованными солдатами Московского полка.

У полицейского участка нам преградил дорогу отряд конной полиции во главе с приставом. Пение прекратилось, остановились. Пристав поднялся на стременах и потребовал разойтись по домам, угрожая применением силы. Не желая доводить дело до ненужного в тех условиях столкновения рабочих с полицией, большевики предложили демонстрантам разойтись. Мостовая очистилась, но тротуары были забиты народом до отказа, рабочие не расходились, часть из них, обойдя полицию, снова вышла на мостовую и с пением революционных песен двинулась к заводу «Людвиг Нобель». Там их встретил новый наряд полиции, но у клиники Виллие демонстранты соединились с рабочими других заводов, снова вышли на мостовую и направились к Финляндскому вокзалу.

Я тоже оставался на улице, вместе с товарищами подошел к мобилизованным солдатам и через железную изгородь сквера завел с ними беседу.

Мимо проезжал отряд конной полиции. На улице появилась легковая машина. В ней сидели пять человек солдат. Шофер

направил машину прямо в гущу полицейского отряда, одна лошадь с конником упала. Рабочие закричали «ура!»

Полиция не приняла вызова, отступила. Ее провожали хохотом, криками, свистом.

Январская однодневная забастовка явилась признаком возобновления активной борьбы рабочих за свое освобождение.

Работа в цехе шла своим чередом, но мне стало невтерпеж: от отравления газом началась рвота, головокружение. Я обратился к врачу. «Лекарства тут не помогут, вам надо переменить место работы,— сказал он.— Иначе «зеленка» вас задушит».

Я и сам знал, что это для меня единственный выход, но куда идти? Обратно в сталелитейную я не хотел, там у меня с мастером были неважные отношения. Он почему-то видел во мне конкурента на свой пост, хотя к этому у него не было никаких оснований. Я пошел к Николаю Свешникову за советом.

— Что ж,— сказал он.— На «Новом Лесснере» наша партийная ячейка крепкая. Устраивайся на завод «Людвиг Нобель». Я помогу.

И вот я поступил на работу в чугунолитейный цех завода «Людвиг Нобель». Корпус огромный, воздуху много. Но главное — есть где развернуть партийную работу.

Раньше чем начать рассказ о ней, следует сказать несколько слов о забастовке, которая в марте 1916 г. произошла на французском судостроительном заводе в городе Николаеве. Началась она как экономическая, а затем превратилась в политическую. Эта забастовка внесла немало нового как в партийную работу Петербургской организации, так и в мою лично партийную работу.

Рабочие Николаевского судостроительного завода выдвинули перед администрацией ряд экономических требований, хозяева отказались их удовлетворить, началась забастовка. Борьба была упорная и долгая. В конце концов администрация вынуждена была пойти на удовлетворение требований рабочих, и забастовка была прекращена.

После этого градоправители арестовали 40 человек руководителей забастовки, заперли в казармы и решили отправить их на фронт. Они рассчитывали, что рабочие завода, уставшие от длительной забастовки, не окажут сопротивления. Но рабочие ответили на эту репрессию царских властей новой забастовкой и заявили, что не приступят к работе, пока не возвратят на завод взятых полицией товарищей. Напрасно им пытались доказывать, что их товарищи не арестованы, а мобилизованы, напрасно увещевали, угрожали, провоцировали и соблазняли всякими обещаниями — рабочие крепко стояли на

своем: «Без взятых вами товарищей к работе не приступим».

Сломить упорство рабочих не удалось, и власти пошли на уступки. «На фронт ваших товарищей не отправим, но и на завод не пустим. Пусть они сами выберут себе новое место жительства, и мы их туда отправим на казенный счет». На это условие товарищи пошли и заявили: «Хотим на жительство в Петроград и никуда больше». Власти были ошеломлены, но послали в Петроград к министру внутренних дел телеграмму с запросом на этот счет.

Пришел ответ. Смысл его был таков: пусть, мол, едут, черт с ними, 40 забастовщиков больше или меньше для Петрограда— не столь важно, а ликвидация 15-тысячной забастовки — дело важное, тем более что рабочие других заводов южных городов грозят присоединиться к забастовке николаевцев.

И вот 40 забастовщиков, сами не надеявшиеся на удовлетворение своего столь «дерзкого» требования, получили разрешение поселиться на постоянное жительство в Петрограде и на бесплатный проезд туда. Рабочие французского завода стали на работу, но заявили, что если их товарищи будут арестованы в пути или по приезде в Петроград, они снова бросят работу.

Товарищей в пути не арестовали, и они благополучно прибыли в Петроград. Среди них Касторович, Мульгин, мой брат, Гавриил, Юлия Павловна Сергеева и даже Леня Макс, маленький жизнерадостный паренек, страстный любитель музыки и театра. Он имел фотографии всех театральных и музыкальных знаменитостей мира, но политикой не занимался. Я его спросил:
— Леня, а ты зачем здесь?

— Как зачем? А кто же этих несчастных, на чужбину заброшенных товарищей будет обслуживать театром, музыкой?

И он полностью отдался своему любимому делу. Товарищи устроились на заводы в разных районах Петрограда и все включились в партийную работу. Но землячество сохранили. Я примкнул к нему, примкнул также сормович Иван Чугурин и ряд его товарищей.

Объединенное землячество сормовичей и николаевцев своим руководителем единодушно признало Касторовича. Нашей штаб-квартирой стала комната Юлии Павловны. Она поселилась на Забалканском проспекте, в деревянном доме, на втором этаже. В нижнем этаже этого дома находился трактир, и это для нас было очень удобно. Прежде чем войти в штаб-квартиру, мы заходили в трактир. Садились за столик, проверяли, не приволокли ли за собой «хвоста», и затем уже по одному выходили через черный ход во двор, откуда входили в квартиру Юлии Павловны. Юлия Павловна всегда радушно встречала нас. Собирались мы здесь раз

в неделю, заранее назначали день и час сбора, меняя дни, но чаще всего собирались по воскресеньям, под вечер.

Трактир в этот день и час был всегда полон шумливого народа, и можно было незаметно пройти во двор и подняться в квартиру к Юлии Павловне. Там читали газеты, беседовали, иногда вели очень острые политические споры. Иногда неожиданно влетал Леня, с шумом наделял нас билетами, контрамарками, и мы уходили в театр или на концерт, и обязательно к «знаменитостям».

Наш университет

У нас, большевиков Выборгского района, появилось и еще одно место, где мы могли легально собираться. Это вечерний рабочий университет имени Лутугина, открытый в ремесленном училище механического завода, недалеко от Финляндского вокзала. Его слушателями стал почти весь партийный актив района и часть товарищей, приехавших из Николаева. Здесь читались лекции по политэкономии, истории и другим общественным наукам. Лекции проходили всегда активно, даже более активно, чем этого хотела заведующая курсами. Она то и дело заглядывала к нам в аудиторию и просила: «Тише, товарищи, ради бога, тише, я очень прошу!» Мы ее слушались, утихали, но через несколько минут снова разгорались горячие споры.

И это происходило потому, что лекции читали меньшевики, эсеры, кадеты, а слушателями были большевики. По окончании первого семестра университет в помещении Сампсониевского общества трезвости устроил большой литературно-вокальный вечер, на котором А. М. Горький прочел свое новое произведение о Кузьмичах и Лукичах. Присутствовавшие поняли глубокий антивоенный смысл сказки и восторженно приветствовали его автора, только пристав да полицейские во всем блеске своей парадной формы стояли молча и неподвижно, как истуканы. На вечере была организована самодеятельность слушателей университета. Я выступал с читкой стихотворений Т. Г. Шевченко.

К весне 1916 г. районный комитет партии все чаще и чаще собирал нас для информации и инструктажа по вопросам партийно-массовой работы. Эти собрания проходили одни легально, другие — подпольно. Местом сбора частенько был трактир «Зимний сад» на Большом Сампсониевском проспекте. Этот трактир находился недалеко от полицейского участка, и, видимо, поэтому в него меньше, чем в другие, заглядывали полицейские и агенты охранки.

Кроме собраний актива, районный партийный комитет организовывал массовки, на которые, помимо партийцев, приглашались и беспартийные активисты.

Помню одну из этих массовок. Проходила она в воскресенье в районе Политехнического института, близ деревни Сосновки. О месте, где будет происходить эта массовка, заранее были осведомлены только ее организаторы, остальные товарищи, приглашенные на массовку, знали лишь о том, что им надо добраться до последней трамвайной остановки и что налево от

этой остановки, у пивной, будет стоять товарищ с бутылкой в руке, что надо подойти к нему, поздороваться и спросить: «Как здоровье Ивана Ивановича?», а он ответит: «Слава богу», и укажет, куда идти дальше.

Из дому я вышел около восьми часов утра, в том особо приподнятом настроении, которое каждый раз охватывало меня, когда я шел на выполнение какого-нибудь важного партийного поручения. Надо прийти на массовку так, чтобы не притащить за собой шпика. Я иду, делаю несколько проверочных кругов и поворотов и в одном из переулков наталкиваюсь на члена Выборгского райкома партии товарища Бабицина. Он жил по подложному паспорту на имя Петрова и работал на заводе «Промет». Дальше идем вдвоем. Впереди, в нескольких шагах от нас, идет рабочий завода «Старый Парвиайнен» товарищ Кривоносов. Мы замедляем шаги, чтобы не нагнать его, хотя нам очень хочется подойти к нему и поговорить, как идут дела на заводе и какое там настроение рабочих. Но этого делать нельзя. Райком партии дал строгое указание: к месту массовки идти по одному, по два человека. Мы идем и беседуем о маловажных вопросах нашей будничной жизни, но ни на одну долю секунды не забываем, куда и зачем идем,— слух и зрение напряжены. Вот и первый направляющий пост. Товарищ знает нас, мы знаем его. Мы подходим, здороваемся, спрашиваем: «Как здоровье Ивана Ивановича?»

— «Слава богу»,— отвечает товарищ и указывает нам путь к покосившейся избушке. Теперь все наше внимание приковано к этой избушке, она резко выделяется в общем ряду домов окраины города. На углу избушки новый пост. Говорим пароль, получаем отзыв и дальнейшее направление. Итак от поста к посту мы пришли к месту массовки. Здесь, на небольшой полянке, окруженной соснами и елями, собралось уже человек 70—80. Настроение у всех приподнятое, говорят шепотом по вопросам о положении в тылу и на фронте. Наши войска терпят одно поражение за другим. Немцы уже заняли значительную территорию России, в том числе несколько больших промышленных центров. Имеются сведения, что в результате работы большевиков в маршевых рот&x и на фронте некоторые воинские части отказываются идти в наступление, особенно хорошо поставлена работа во флоте. Положение в тылу очень тяжелое. Промышленность и сельское хозяйство все больше разваливаются. Все острее чувствуется разруха на транспорте. В Петрограде и других городах у продовольственных магазинов стоят бесконечно длинные очереди; цены на продукты растут со сказочной быстротой. На заводах страшная бестолковщина: то

лихорадочная, истощающая последние силы сверхурочная работа, то длинные простои из-за недостатка сырья или топлива. Начальники, мастера, как цепные псы, набрасываются на рабочих: не так стал, не так сказал, не то сделал. Орут: «На фронт отправлю, в тюрьме сгною!» Крепостное право, каторга, а не жизнь.

Я внимательно прислушиваюсь к разговору товарищей. Здесь почти в полном составе наше николаевско-сормовское землячество: Иван Чугурин, Скороходов, Николай Свешников, Мульгин, Иван Попов, Агния Ивановна Яновская — работница завода «Новый Промет» — и много других знакомых товарищей. Но есть много и незнакомых. Кто они и где работают, мне рассказывают товарищи Бабицин и Кривоносов.

Ровно в одиннадцать часов пришел представитель Петроградского комитета партии.

— Сейчас начнут,— толкнул меня товарищ Бабицин, но он ошибся. Массовку не начали. Представитель комитета развернул принесенный с собой бумажный пакет и рассыпал по поляне окурки, скорлупки от семячек и другой мусор. На наши недоуменные взгляды он сказал: «Это маскировка, если полиция пронюхала о нашей массовке и приедет сюда, то подумает, что мы уже ушли»,— и тихо добавил: «А теперь пошли за мной». Мы молча двинулись в глубь леса, и, когда прошли с полкилометра, он шепотом произнес: «Дальше надо идти по одному. Смотрите, тропинка узенькая, по обеим сторонам густое, глубокое болото». Мы молча, быстро, но без особой суеты встали друг за другом и пошли длинной ровной цепочкой. Под йогами мягкий, как пух, мох, местами он расползается в разные стороны, а в нос бьет запах затхлого болота. Но вот мы на довольно широкой поляне, окруженной со всех сторон густой порослью.

— Тут живо лихорадку схватишь,— бурчит себе под нос Мульгин.

Ему никто не ответил. Каждый старается подобрать себе поудобнее местечко. Когда все устроились, в тишине раздался голос докладчика.

Он говорил о том, что уже третий год идет война и миллионы самого работоспособного населения оторваны от производительного труда, от семей и проливают кровь за чуждые им интересы. Самодержавный строй, говорил докладчик, прогнил до основания, страна переживает разруху, голод, эпидемии. Она стоит перед катастрофой, и, чтобы предупредить ее, нужно уничтожить существующий строй. Пришло время выступить на улицу и сказать рабочим, крестьянам, солдатам нашу большевистскую правду, и сказать так громко, чтобы ее услышала

вся наша страна, весь мир. Мы с вами не пацифисты, продолжал докладчик, мы не должны только вздыхать о мире и ограничиваться пропагандой мира, как это делает большинство оппортунистов и даже левых социал-демократов во всех воюющих странах. Мы с вами и не оборонцы, какими являются плехановцы. Мы стоим за активную революционную борьбу, за свержение власти империалистической буржуазии и помещиков, за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Это значит, что рабочие, крестьяне, одетые в солдатские шинели, должны повернуть свое оружие против царя, помещиков и капиталистов. Но сами по себе они этого сделать не могут. Задача большевиков — повести народ на эту борьбу.

Дальше докладчик говорил о том, что меньшевики и эсеры проповедуют защиту буржуазно-помещичьего отечества, а мы стоим за поражение его, так как это ускорит и облегчит свержение ненавистного эксплуататорского строя. Я не помню, конечно, всего доклада, но основное содержание его я запомнил на всю жизнь. Докладчик еще не кончил своей речи, как к нам подбежал рабочий завода «Эриксон» Борис Шишкин, находившийся в составе охраны, и взволнованным голосом сообщил, что к месту нашей первой полянки приближается большой отряд конной и пешей полиции.

— Что же, пусть идут,— ответил докладчик и предложил массовку продолжать. Борису Шишкину было предложено вернуться к товарищам, охраняющим массовку, и передать им задание — зорко следить за движением полицейского отряда и в случае опасности немедленно дать нам знать.

По окончании доклада с короткими речами, или лучше сказать сообщениями, выступили представители заводов.

Все они говорили о том, что недовольство в рабочем классе растет, борьба обостряется и никакие военно-промышленные комитеты не спасут царя, буржуазию и помещиков от возмездия.

Выступающие жаловались на то, что райком партии и Петроградский комитет мало й редко выпускают листовки, что нет газеты и что все это очень затрудняет работу.

Представитель райкома согласился, что агитационной литературы выпускается мало и выходит она не так часто, как хотелось бы, но все упирается в отсутствие средств.

Нужны сотни рублей, а у нас в кассе гроши,— заявил он.

Тут выступил Николай Свешников и предложил произвести денежный сбор среди присутствующих на этой массовке товарищей. Его все поддержали и тут же провели сбор средств. Что это дало, я уже не помню. Потом Николай Свешников предложил членам партии получить у него для продажи среди

рабочих открытки с фотографией членов большевистской фракции четвертой Государственной думы, осужденных царским судом к высылке в Восточную Сибирь. Тут беспартийные запротестовали:

— Всем давай, все будем распространять, а за деньги не беспокойся, все до единой копеечки попадут в кассу райкома.

И открытки были розданы всем, кто хотел их распространять.

На этом же собрании пропагандистом была роздана брошюра Ленина о войне. Когда собрание уже подходило к концу, явились товарищи из охраны. Их забросали вопросами.

— Ну как? Где полицейские?

— Ушли,— радостно отвечали они и, перебивая друг друга, рассказали о наступлении полиции на предполагавшееся место нашего сбора.

— Вначале они рассыпались, потом плотным кольцом окружили поляну и двинулись вперед. Когда же подошли к поляне, то нашли там один мусор и решили, что массовка уже кончилась и они опоздали.

Маскировка сыграла свою роль.

После собрания товарищи по одному, по два человека стали выбираться из леса.

Я шел домой вместе с товарищем Бабициным. Настроение у нас было замечательное. Массовка удалась на славу.

Канун революции

В стране назревали большие события. Был канун революции. Партийная работа развертывалась все шире и шире. Листовки и прокламации стали выпускать чаще и в большем количестве. Помню, как-то раз на квартире рабочего собралась группа партийной и беспартийной молодежи. Пришел парторганизатор завода «Новый Лесснер» Комаров и, положив на стол большую кипу листовок, сказал, что эти листовки надо сегодня же вечером расклеить по Большому Сампсониевскому проспекту и по прилегающим к нему переулкам, как можно ближе к заводам «Старый Парвиайнен», «Эриксон», «Новый Лесснер» и к казармам Московского гренадерского полка. Как это лучше сделать, нужно было решить самим. Для того чтобы отвлечь внимание полицейских, мы придумали затеять на улице драку. А в это время расклеить листовки.

Все разбились на группы. Одни должны были драться, другие — разнимать, третьи — расклеивать листовки. На меня и Бориса Шишкина было возложено руководство всей операцией.

Операция удалась на славу. Утром полицейские шашками соскребали листовки со столбов, а мобилизованные полицией дворники сдирали листовки со стен и заборов.

Рабочие, идущие на фабрики и заводы, кричали:

— Вы их зубами, зубами грызите!

Мы торжествовали и, хотя знали, что полиция если нас поймает, то шкуру спустит, все же вечером повторили эту операцию в другом конце нашего района, у заводов Металлического, Розенкранца и военного Арсенала. Она прошла так же удачно, как и первая.

Массово-политическая и организационная партийная работа давала положительные результаты.

Революционность рабочего класса непрерывно возрастала. В течение октября 1916 г., по данным фабричной инспекции, в Петрограде бастовало 115 предприятий с количеством 138 076 человек. Выборгская сторона была в этом деле застрельщиком и руководителем. Забастовки на Выборгской стороне начались в связи с продовольственными затруднениями, и Петроградский комитет большевиков в воззвании своем призывал рабочих к решительной борьбе против самодержавия и всей капиталистической системы: «Пора народным массам взять инициативу в свои руки, довольно терпеть и молчать! Пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собой все живые и демократические силы страны. Надо

твердо запомнить, что для того, чтобы устранить последствия, мы должны устранить причины, их породившие, чтобы устранить дороговизну и спасти страну от надвигающегося голода, мы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищения. Враг наш находится в нашей собственной стране, и только беспощадной борьбой против него народные массы могут спастись от голода, обнищания и вырождения и добиться лучшего будущего».

Воззвание призывало к решительной борьбе «под сенью широко развернутых красных знамен революционного социализма». Оно оканчивалось призывами: «Да здравствует наша борьба! Долой преступную войну и ее зачинщиков! Долой романовскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Долой эксплуататоров, насильников! Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП!»

Октябрьскую забастовку начали рабочие завода «Рено». К ним присоединились рабочие других заводов района. Забастовкой руководили большевики. Во время этой забастовки в нашем Выборгском районе произошло серьезное столкновение солдат с полицией. Мы, рабочие завода «Людвиг Нобель», шли по Большому Сампсониевскому проспекту с развернутыми красными знаменами и с пением революционных песен на соединение с рабочими заводов «Эриксон» и «Новый Лесснер». Неожиданно на рабочих «Нового Лесснера» напала полиция и пустила в ход нагайки, шашки и даже огнестрельное оружие. Солдаты расположенного поблизости 181-го запасного полка, возмущенные стрельбой по безоружным, заступились за рабочих. В полицейских полетели камни. Угрозы пристава, что он прикажет открыть огонь и по солдатам, переполнили чашу терпения.

Солдаты с криком «ура» нажали на забор, тот рухнул, и они, выбежав на улицу, вместе с рабочими разогнали полицейских. Прибывшего командира полка забросали камнями и разбили ему голову. Вызванная для усмирения солдат учебная команда стрелять отказалась. Отказались стрелять и казаки. Рабочие ликовали. Происходили трогательные сцены братания с солдатами. Полиция не смела показываться на улицу. Забастовка продолжалась четыре дня и была прекращена по призыву Петроградского комитета большевиков. В этот день при столкновении с полицией мне здорово подбили глаз, но домой я пришел в весьма боевом и радостно возбужденном настроении. Через шесть дней, 26 октября, рабочие были собраны тревожными, порывистыми звуками гудка. Федор Комаров

сообщил рабочим о том, что сегодня начался суд над матросами-большевиками, и от имени Петроградского комитета большевиков призвал поднять свой голос против расправы с нашими товарищами матросами. Он призвал также протестовать и против предания суду солдат 181-го запасного полка, с которыми всего несколько дней назад мы братались на Большом Сампсониевском проспекте.

Объявлена стачка протеста. Рабочие направляются во двор, а оттуда шумным потоком выливаются на улицу. Со всех концов Большого Сампсониевского проспекта несутся возгласы: «Долой суд палачей! Долой самодержавие! Да здравствует вторая революция!» Новый, 1917 год мы встретили у Юлии Павловны. Первый бокал подняли за нашу партию, за ее вождя товарища Ленина, за нашу победу. Вполголоса спели несколько куплетов «Марсельезы» и полным голосом — много русских и украинских песен. Тут же, в промежутках между песнями, приняли решение отметить годовщину забастовки в Николаеве выпуском специальной листовки, посвященной этой забастовке. Шрифт, краску и валик вызвался достать Мульгин, бумагу — понемногу все, набор и печатание взяла на себя Юлия Павловна, доставку листовки в Николаев возложили на Леню и Юлию Павловну. Разошлись на рассвете.

С первых же дней января приступили к заготовке материалов для листовки. Появилась типографская краска, часть шрифта, валик и немного бумаги. Но работу по подготовке выпуска листовки на некоторое время пришлось отложить в связи с подготовкой к 9 января. Этому делу мы отдались целиком. По цехам проводили полулегальные и нелегальные собрания, посвященные событиям 9 января 1905 г. Выборгский райком партии помог нам в этой кампании выпуском специальной листовки. 9 января была объявлена забастовка, которая имела огромный успех. Бастовали все заводы района, в том числе и мелкие предприятия. Большой Сампсониевский проспект до позднего вечера, несмотря на активные действия полиции, был заполнен рабочими.

К концу января положение еще более обострилось. С трудом удавалось сдерживать рабочих от выступлений, а сдерживать приходилось, чтобы не расстраивать и не ослаблять общие силы отдельными разрозненными выступлениями, Правительство, буржуазия спешно мобилизовывали свои силы. Оборонцы-меньшевики решили организовать «рабочую» манифестацию и 14 февраля устроить шествие к Государственной думе, в день открытия ее сессии.

Меньшевики, заседавшие в военно-промышленном комитете,

попытались выпустить по этому поводу специальное воззвание к рабочим Петрограда. Большевики решительно выступили против этой лакейской затеи оборонцев и призвали рабочих выступить 10 февраля, в годовщину суда над думской фракцией большевиков. Но массового выступления рабочих в этот день организовать не удалось.

14 февраля мы снова были на улице. У завода «Новый Лесснер» на демонстрантов напала полиция и пустила в ход нагайки.

Рабочие ответили камнями и кусками сбитого с водосточных труб льда. Когда один полицейский был сбит с лошади, полиция с обнаженными шашками бросилась на рабочих. Отбиваясь всем, что попадалось под руки, рабочие разбежались, но собрались снова и вместе с другими двинулись к Литейному мосту, а затем прорвались на левую сторону Невы и направились на Невский проспект, чтобы демонстрировать под большевистскими лозунгами.

В эти дни Петроградский комитет большевиков в своем обращении к пролетариям Петрограда писал:

> «Тридцать один месяц человеческой бойни дал народу гибель многих миллионов жизней, миллионы калек, сумасшедших и больных, военную кабалу на заводах, крепостное право в деревне, порку и издевательства морякам, недостаток продуктов, дороговизну, голод. Только кучка господствующих капиталистов и помещиков кричат о войне до конца, наживают на кровавом деле изрядные барыши. Поставщики всех сортов справляют свой пир на костях рабочих и крестьян. На страже всей хищной братии стоит царская власть.
>
> Ждать и молчать больше нельзя!
>
> Рабочий класс и крестьяне, одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором...
>
> Борьба предстоит упорная и тяжелая. Правительство уже теперь подбирает «надежные полки», снабжает полицию пулеметами. Рабочие и демократия должны также мобилизовать все свои силы, звать на борьбу всех.
>
> Покрывайте заводы, мастерские, казармы сетью тайных социал-демократических организаций. Устраивайте сборы на партийную печать. Каждый из нас должен что-нибудь дать для общего дела.

Настало время открытой борьбы!

Пусть каждый исторический рабочий день будет знаменем выступлений. Суд над депутатами, Ленские дни, Первое мая, Июльские расстрелы, Октябрьские дни, 9 января и т. д. служат началом массовых выступлений, и из миллионов грудей вырывается клич:

Долой царскую монархию! Да здравствует

Демократическая Республика! Долой войну! Да здравствует

братство рабочих! Долой палачей и хищников! Да

здравствует Временное Революционное Правительство! Да

здравствует Социалистический Интернационал! Да

здравствует Социализм!»[1]

Революция

Утром 23 февраля, 8 марта по новому стилю, в переулке, куда выходили окна нашего цеха, раздались женские голоса: «Долой войну! Долой дороговизну! Долой голод! Хлеб рабочим!»

Я и еще несколько товарищей мигом оказались у окон. Ворота 1-й Большой Сампсониевской мануфактуры были широко распахнуты. Массы по-боевому настроенных работниц залили переулок. Те, что заметили нас, стали махать руками, кричать: «Выходите! Бросайте работу!» В окна полетели снежки. Мы решили примкнуть к демонстрации. Послали гонцов в другие цеха узнать, что решили делать там. Оказалось, что там меньшевики выступили против забастовки. Их поддержала часть рабочих. Женский, мол, день, ну и пусть женщины демонстрацию устраивают, а нам в их дела вмешиваться нечего. Поднялся крик, шум. Но в это время в цех ворвались рабочие других цехов: «Кончай работу! Выходи!» — и вопрос был решен.

У главной конторы, у ворот, состоялся короткий митинг, и мы вышли на улицу. Работницы встретили нас криками «ура!» Впереди идущих товарищей они подхватили под руки и с криками «ура!» отправились с ними к Большому Сампсониевскому проспекту.

К полудню Большой Сампсониевский проспект был до отказа запружен рабочими. Все двинулись к клинике Виллие. Полицейские кордоны под натиском рабочих отступали. Остановились трамваи. На улицах появились казаки, драгуны. Литейный мост оказался занятым отрядом полицейских. Но всякими окольными путями рабочие все же проникали на Невский. У городской думы и в других местах происходили столкновения с полицией, но это были только мелкие стычки. На Выборгской стороне демонстрация продолжалась до глубокой ночи. На другой день повторилось то же самое. Большой Сампсониевский проспект с утра был заполнен рабочими. Полиция исчезла, но зато казаков было гораздо больше, чем вчера. Их отряды расположились во дворах, на проспекте. Положение напряженное. Столкновение неизбежно. Обе стороны это понимают и ждут развязки. Инициативу проявляют работницы. Они густой стеной окружают казаков. «У нас мужья, отцы, братья на фронте! — кричат они.— Здесь голод, непомерный труд, обиды, оскорбления, издевательства! У вас тоже есть матери, жены, сестры, дети, мы требуем хлеба и прекращения войны!». Офицеры, опасаясь влияния этой агитации на казаков, дают команду. Казаки с места несутся вскачь. Все

бросаются в стороны, у каждого наготове камень, гайка, но казаки проносятся мимо, не трогают нас, повернули и несутся обратно. Их встречают криками «ура!» Но сердце еще не верит, и разум предостерегает.

Но вот снова несутся казаки, снова крики «ура!» Шапки взлетают вверх. Рабочие, работницы смелеют, кричат: «Долой войну!», «Да здравствует союз рабочих и солдат!», «Долой самодержавие!», «Долой кровопийцев!», «Да здравствует революция!» Некоторые казаки в знак солидарности машут руками, шапками. Это еще больше поднимает настроение собравшихся. Все чаще крики «ура!», все громче большевистские лозунги. 25 февраля повторились те же события, что и в предыдущие два дня, только в большем, масштабе. Казаки не трогали рабочих, рабочие приветствовали их как союзников. Но быть хозяином положения на своей улице мало, и рабочие густой шумной массой двинулись к Финляндскому вокзалу. Здесь, у юнкерского Михайловского артиллерийского училища и Военно-медицинской академии, они, соединившись в общий поток, готовый смыть на своем пути все препятствия и преграды, двинулись к Литейному мосту, занятому большим отрядом конной полиции. Когда до полицейских осталось несколько шагов, полицмейстер отдал приказ к бою и, обнажив шашку, бросился на рабочих. Одно мгновение— и этого ретивого защитника самодержавия не стало. Под победные крики демонстрантов его фуражка появилась на копье железной ограды Военно-медицинской академии, тут же беспомощно повисли ножны от его злополучной шашки.

Напуганные происшедшим, полицейские под напором рабочих осаживали лошадей. Шаг, еще шаг, и Литейный мост очищен, путь свободен. С ликующими криками демонстранты заливают Литейный проспект, набережную. Но тут на помощь отступившим полицейским подоспел большой отряд драгун, и мост снова замкнут.

Я на площади у Николаевского вокзала, она полна демонстрантов. Наготове стоят конная и пешая полиция, солдаты, казаки. У фонарного столба, на шатающемся высоком ящике, держась одной рукой за серый столб фонаря, стоит высокий, плечистый, с возбужденным лицом человек, похожий одновременно на рабочего и на студента и, жестикулируя одной рукой, произносит речь: «Товарищи, настал желанный час, народ поднялся против своих тиранов,— говорит он,— не теряйте ни одной минуты, создавайте районные Советы рабочих, вовлекайте в них представителей солдат». Но дальше ему говорить не дали. Нас окружили конная и пешая полиция и солдаты с винтовками

наперевес. Мы начали отступать к Невскому проспекту, но полиция именно туда и не хочет нас пустить. Завязалась упорная борьба. Еще нажим, и мы победим. Это видит пристав, сидящий на гарцующем коне. Он вынимает шпагу, дает команду, но в этот миг отряд казаков с обнаженными шашками встает на пути полицейских. Последние разбегаются в стороны, а предводитель их лежит с рассеченной головой на покрытой грязным снегом площади. Ободренные неожиданной помощью, демонстранты бросились на солдат и стали их разоружать. Солдаты не сопротивлялись.

На Невском проспекте появился разъезд жандармов, в него полетели ручные гранаты. Если это не была еще революция, то это было ее преддверие. Из центра я вернулся в район поздно вечером. Улицы по-прежнему были запружены демонстрантами. Фуражка и ножны злосчастного полицмейстера висели на прежнем месте. Литейный мост охранялся усиленным отрядом полиции. Теперь нам из документов известно, что командующий Петроградским военным округом Хабалов на основании «высочайшего повеления» 25 февраля приказал командирам войсковых частей «во что бы то ни стало завтра же (то есть 26 февраля) прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелые дни борьбы с внешним врагом». Мы этого тогда не знали, но чувствовали, что события находятся в стадии окончательной развязки, что завтра столкновение нового со старым будет еще ожесточеннее, чем вчера. Партийный актив большевиков района, несмотря на поздний час, собрался в помещении вечернего рабочего университета имени Лутугина. Собрание было немноголюдным и непродолжительным. Решался вопрос, как обеспечить выступление рабочих завтра, 26 февраля. Это было в воскресенье, и было ясно, что рабочих на заводы не пустят. Было решено подойти к воротам заводов раньше, чем начнут собираться рабочие, а что они потянутся к заводу, сомнений у нас не было. У заводских ворот мы наметили устроить летучий митинг и призвать рабочих к дальнейшей борьбе, не скрывая, что возможны столкновения с войсками и полицией. Полицейских мы решили разоружать, а солдат и казаков привлекать на свою сторону.

26 февраля утром от Николая Свешникова я узнал, что ночью полиция арестовала около ста руководящих работников нашей Петроградской организации, в том числе почти весь состав Петроградского комитета. Выборгский районный комитет партии взял на себя партийное руководство Петрограда.

В воскресенье утром, как мы и ожидали, рабочие потянулись к воротам заводов. Вначале они шли поодиночке, а затем

группами. Оживленно обсуждались события прошедших дней, особенно вчерашние. Все высказывали предположение, что сегодня столкновение со сторонниками самодержавия будет более серьезное, но это никого не пугало и воспринималось как неизбежное, вытекающее из развертывающихся событий. Для всех было ясно: они без боя своего не отдадут, мы без боя не сможем своего взять. Рабочие массы были готовы на решительный бой. Готовилось к бою и царское правительство. За ночь командование укрепило центр города. На Большом Сампсониевском проспекте было сосредоточено большое количество казаков, пехотных частей и полицейских. По пути к Литейному мосту и на самом мосту стояли заградительные отряды, но многим удалось прорваться. Прорвался и я. На Невском проспекте вместе с другими товарищами мы примкнули к демонстрации, идущей к Гостиному двору. Шли с красными флагами, с революционными песнями.

У Гостиного двора по всей ширине улицы залегла густая цепь солдат с винтовками в руках. Демонстранты, не сбавляя шага, пошли на сближение... Раздалась предварительная команда. Винтовки вытянулись и застыли, еще не верится, что будут стрелять, но вот раздается команда: «Пли!» Грянул залп, за ним беспорядочная стрельба. Улица опустела, на сером, грязном снегу лежат убитые, раненые. Стрельба прекратилась, и мы снова с красными флагами и революционными песнями на мостовой. Но снова выстрелы, снова убитые и раненые.

Улица опустела.

Но не везде было так. Были и такие районы, где солдаты встали на сторону рабочих. Так, например, рота Петропавловского запасного полка стреляла не в рабочих, а в полицию, открывшую огонь по рабочим. Местами и сами рабочие давали достойный отпор. Вот как описывает поведение рабочих полиция в своем обозрении за 26 февраля: «Во время беспорядков наблюдалось как общее явление крайне вызывающее отношение бастующих скопищ к воинским нарядам, в которые толпы в ответ на предложение разойтись бросали камнями и комками сколотого с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу».

Поздно вечером я с трудом добрался на еле ползущем, то и дело останавливающемся трамвае к себе на Выборгскую сторону.

Стены домов, заборы были облеплены объявлением командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, который в категорической форме предлагал рабочим Петрограда не позднее 28 февраля приступить к работе, а в случае невыполнения этого распоряжения грозил всех бастующих рабочих отправить на фронт. Рабочие читали это объявление и, посмеиваясь, говорили: «Интересно, как это он нас всех на фронт отправит, а кто же снаряды для армии будет делать, уж не сам ли он?»

За ночь все эти грозные объявления исчезли, их сорвали рабочие, а утром исчезла навсегда и власть, которую представлял генерал Хабалов.

27 февраля рабочие вышли на улицу особенно дружно, и, когда подходили к клинике Виллие, им навстречу выбежало несколько солдат с винтовками в руках, которые махали шапками и кричали: «Товарищи, мы к вам! Вот идет и наша рота!» Солдат не спрашивали, кто они, откуда, какой части, их встретили радостными громкими криками «ура!» Это была рота восставшего против самодержавия Волынского полка. Рабочие направили ее к казармам Московского полка, чтобы поднять и его на восстание. Офицеры Московского полка, узнав о приближении волынцев, разбежались, и только небольшая кучка их забаррикадировалась в верхнем этаже здания офицерского собрания, расставив на окнах пулеметы так, что большинство выходов из казарм находилось под пулеметным огнем. Волынцы были встречены делегатами от солдат Московского полка, которые заявили, что они присоединяются к восставшим и что со своими офицерами, засевшими в офицерском собрании, управятся сами. Тогда волынцы направились к казармам самокатчиков, которые отказались присоединиться к восставшим и оказывали вооруженное сопротивление рабочим.

Я находился у казарм Московского полка со стороны Лесного проспекта. Ворота, всегда плотно закрытые, теперь были распахнуты настежь, открыты были и двери складов, где хранилось оружие. Солдаты выносили оттуда винтовки, патроны и раздавали их рабочим. За ворота казарм поодиночке и группами выбегали вооруженные солдаты. Вместе с получившими оружие рабочими они открыли огонь по офицерскому собранию. Стреляли долго, упорно, но офицеры не отвечали.

На улице скопилось много солдат с винтовками. Но они не знали, что им делать. Я попытался организовать их в отряд и повести на помощь волынцам, но моя гражданская одежда вызвала у них недоверие. Тогда я решил найти среди солдат такого, который мог бы взять на себя роль командира, но и это не

удалось. Неожиданно меня выручил неизвестно откуда появившийся бравый молодой прапорщик. Он громко, повелительно крикнул: «Слушать мою команду! Стройся!» И все в миг преобразилось. Толкая друг друга, солдаты выстроились в две шеренги. Оформив строй, офицер сказал, что сейчас они пойдут на боевую операцию, выбивать самокатчиков, и его распоряжения должны выполнять беспрекословно, а тот, кто не согласен с этим, должен выйти из строя.

Таких не оказалось. Офицер отдал команду, и солдаты, вскинув винтовки, твердым шагом двинулись на выполнение боевого задания. Скоро полицейские, засевшие на чердаке, обстреляли их из пулеметов. Но бой с полицейскими был недолгим. Несколько посланных офицером солдат по пожарной лестнице забрались на крышу семиэтажного дома и оттуда через слуховое окно на чердак — пулемет замолк, и три полицейских пулеметчика были сброшены с чердака. По пожарной лестнице спустили трофейный пулемет. Солдаты построились вновь и пошли дальше. Были ли какие еще препятствия на их пути, я не знаю. Во время схватки с полицейскими к нам подъехала машина с рабочими, вооруженными винтовками, гранатами, с пулеметными лентами через плечо.

«Товарищи! Кто может стрелять из пулемета?» — спросили с машины. Я бросился к машине и сказал, что знаю пулемет. Подхваченный за руки, я мигом очутился в кузове машины и немедленно занялся пулеметом. Проверил взаимодействие частей, подтянул спиральную пружину, и пулемет оказался в полной боевой готовности. «Давай, трогай!» — крикнули шоферу. Тот, высунув из кузова голову, спросил: «Зарядили?» — «Все в порядке! Погоняй»,— ответило сразу несколько голосов. В пути кто-то крикнул: «Давай к военной тюрьме». И вот мы у плотно закрытых ворот военной тюрьмы. Я пускаю над ними короткую пулеметную очередь. Все, кто был в машине, соскочили и с криком «ура!» бросились вперед. Ворота тюрьмы распахнулись, и рабочие с винтовками наперевес и с криками «ура!» ворвались внутрь тюрьмы.

Сопротивления, видимо, не встретили, так как выстрелов не было. Прошло несколько напряженных, томительных минут ожидания, и вот из тюрьмы выходят бледные, в измятых шинелях солдаты. Они радостно и тревожно озираются. Одни торопливо уходят, другие примыкают к восставшим, требуют оружие. Расталкивая столпившихся у машины солдат, к нам подбегает студент-кавказец из Военно-медицинской академии, взволнованно и торопливо он сообщает, что солдаты броневого отряда готовы выйти на улицу, но им мешают офицеры. Он

просит оказать помощь. «Садись в кабину, едем!» — крикнули мы студенту и понеслись к солдатам броневой части. Малый Сампсониевский мост охранялся отрядом драгун, мы поехали через Литейный мост, по Английской, Дворцовой набережной, через Троицкий мост. Здесь, у Петропавловской крепости, путь нам преградила густая цепь лежащей на снегу пехоты, состоящей из молодых, видимо недавно призванных на военную службу ребят. Шофер решил гнать машину напролом. Я приготовился открыть огонь из пулемета, но все оказалось напрасно: как только наша машина подошла близко к цепи, солдаты по команде своего молодого офицера поднялись и проводили нас криками «ура!» Отвечая им тем же, мы помчались дальше, мимо дворца Кшесинскои, на улицу, где ждали нас солдаты броневой части.

Одноэтажный длинный гараж броневиков выходил глухой стеной на улицу, ворота и калитка были наглухо закрыты. Я дал из пулемета длинную очередь по железной крыше. Внутри двора раздалось «ура!», послышались выстрелы. Ворота распахнулись, открылась калитка, рабочие с винтовками наперевес и криками «ура!» бросились внутрь двора. Короткая перестрелка — и все кончено.

Из ворот на улицу выехали два броневика, они разоружены. На одном был пулемет, но не было приемника и замка — офицеры сняли. Другой был неисправный, солдаты тайком от офицеров его отремонтировали, но пулеметы с него были сняты, пришлось отдать свой пулемет. «Остальное у полиции отнимем», — сказали солдаты и предложили нам с винтовками устраиваться на броневиках. Мы быстро разместились и тронулись в путь, На Марсовом поле к. нам подбежали солдаты гренадерских полков, расквартированных в казармах на Миллионной улице, и попросили пустить на броневик их.

«Увидят нас на броневике — скорее будут другие из казарм выходить»,— говорили солдаты. Мы решили, что они правы, и уступили им свое место. Солдаты быстро устроились на броневике и поехали на Невский проспект. Оживленно обсуждая события дня, мы направились к себе на Выборгскую сторону.

Вечером по приглашению товарища Свешникова я был на заседании райкома партии. Здесь присутствовало несколько членов Петроградского комитета, только что освобожденных рабочими из Крестов и предварилки. Нашим райкомовцам от этих товарищей изрядно попало за задержку выпуска манифеста партии к рабочему классу России по поводу происходящих событий. Наше оправдывание, что Шляпников, взявший на себя составление этого манифеста, до сих пор не представил его на рассмотрение и утверждение, не смягчило критики. Тут же, на

заседании, коллективно взялись за составление манифеста.

В нем подчеркивалась необходимость дальнейшего развертывания и углубления революционной борьбы рабочего класса с самодержавием и в качестве ближайшей задачи рабочего класса и революционной армии выдвигалась необходимость создания Временного революционного правительства. «Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска,— говорилось в манифесте,— должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство... Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов... Немедленная и неотложная задача Временного революционного правительства — войти в сношения с пролетариатом воюющих стран... для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам»[2].

Райком обсудил ряд острых, неотложных вопросов общего и районного характера: как быстрее сломить сопротивление самокатчиков, как добиться, чтобы в уже созданный в районе Совет рабочих депутатов явились представители воинских частей района и чтобы, таким образом, сделать его Советом рабочих и солдатских депутатов, способным взять в свои руки всю власть в районе и в первую очередь установить контроль над продовольственными и топливными складами. Райком дал указание членам партии о немедленной организации на заводах на добровольных началах отрядов Красной гвардии и о необходимости накопления оружия, патронов и других боеприпасов.

28 февраля было сломлено, наконец, сопротивление самокатчиков, очищены все чердаки, крыши, балконы от засевших там с пулеметами полицейских, разгромлено несколько полицейских участков. Такая же работа шла и в других районах города, а в центре вооруженные рабочие и восставшие солдаты вылавливали высших чинов полиции, охранки, жандармерии, арестовывали генералов, министров и высших чиновников рухнувшего под напором восставших рабочих и солдат самодержавия.

27 февраля, вечером, в Таврическом дворце Государственная дума создала из своего состава Временный комитет во главе с председателем Государственной думы Родзянко. Там же

беспрерывно заседал Совет рабочих депутатов. В нем заправляли меньшевики и эсеры, которые, воспользовавшись тем, что большевики либо дрались вместе с рабочими и солдатами против самодержавия, либо находились в ссылке, захватили большинство депутатских мест в Совете. Революция кончилась, говорили меньшевики и эсеры, теперь настало время сплотить все прогрессивные силы страны в единую, дружную семью и закрепить завоеванное в огне революции. Им верили малоискушенные в политике массы.

Горел Литовский замок, где помещалась охранка. Говорят, что его подожгли сами агенты и провокаторы, чтобы уничтожить следы своей подлой предательской деятельности. Горел окружной суд. А народ торжествовал. Победа далась малой кровью. Успех кружил голову многим, даже потомственным пролетариям. В ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Временный комитет Государственной думы создал Временное правительство во главе с князем Львовым. И когда мы, большевики, говорили: «Смотрите, товарищи, ведь Временное правительство возглавляет князь», зачастую получали ответ: «Что ж князь, князь тоже человек. Князья всякие бывают. Да и что он нам теперь сделает? Мы — сила, куда захотим, туда и повернем». Меньшевики кричали о том, что революция кончена. Большевики же разъясняли трудящимся, что это только первый этап революции, и звали их на борьбу против буржуазии и помещиков, против рабства и насилия. Звали на социалистическую революцию.

Глава вторая ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Встреча с земляками

После разлуки, связанной с событиями последних дней, мы, сормовичи и николаевцы, снова вместе. У каждого из нас накопилось много вопросов. Хочется узнать о позициях товарищей, проверить свои. Меньшевиков среди нас нет, но есть один эсер. Спор с ним то разгорается, то гаснет. Основной вопрос, по которому идет дискуссия,— это вопрос о земле.

— Нельзя захватывать, надо подождать решения по этому вопросу Учредительного собрания,— кричит эсер.

— Ну и жди, а мы ждать не будем, не будут ждать и крестьяне,— отвечают большевики.

В комнату влетает Леня.

— Товарищи! Список провокаторов! — кричит он.

— Какой список, какие провокаторы? — сыпятся вопросы со всех сторон.

— Вот в газете, читайте,— и бросает на стол

«Известия Совета рабочих и солдатских депутатов». Касторович хватает газету. Читает список провокаторов. Среди них Черномазов, секретарь страховой кассы заводов «Лесснер».

— Гад! Сволочь! Расстрелять надо тут же, на месте.

— Как же, расстреляют,— замечает кто-то иронически,— он еще Временному правительству пригодится.

— Это не все, надо ждать новых списков. Видно, поджог Литовского замка не помог.

В конце собрания мы заметили, что с Мульгиным что-то неладно. Побледнел, осунулся.

— Что с тобой? Не заболел ли? — спрашиваем у него.

— Не знаю, затошнило, голова болит, видно съел что-то нехорошее. Отправьте меня домой.

Бросились на улицу, наняли извозчика, вывели, усадили, отвезли домой, пообещали завтра наведаться.

На другой день вечером снова собрались у Юлии Павловны.

— Ну как там? — спрашиваем у товарища, пришедшего от Мульгина.

— Не принял, просил через квартирную хозяйку не беспокоить его.

— Ну что ж, завтра опять наведайся,— говорит Касторович. Но наведываться не пришлось. На следующий день в газете мы прочитали о том, что Мульгин провокатор, что в Петербург он был переброшен охранкой вместе с высланными сюда рабочими николаевского судостроительного завода «Новаль».

Теперь нам стало ясно, почему в январе 1914 г. у Степана

Шорника был такой тщательный обыск.

Распарывали подушки, матрацы, обстукивали стены, срывали доски пола, копали землю в сарае и пр. У остальных же арестованных, в том числе и у меня, обыск был поверхностный. Листовки к Степану принес тогда Мульгин, и охранка об этом была извещена. Степан успел вовремя переправить их ко, мне, и Мульгину это было неизвестно, поэтому провокация не удалась.

Тут Касторович напомнил, что Мульгин выдвинут кандидатом в члены Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Нужно было немедленно послать на завод наших товарищей и обо всем рассказать рабочим.

Мульгина мы решили судить в своем партийном коллективе. На суд Временного буржуазного правительства надеяться было нечего.

Приговор всем был ясен: предателю смерть. Это решение было принято единогласно. Три товарища взяли на себя приведение приговора в исполнение. Они отправились к Мульгину, а мы молча сидели и ждали их возвращения.

Вернувшись, они сообщили, что Мульгина дома не оказалось; его арестовали и отправили в Кресты. Мы решили установить наблюдение за Крестами, так как были уверены, что его быстро выпустят. И мы не ошиблись. Правительство Керенского выпустило всех провокаторов, в том числе и Мульгина. Он ускользнул от нас, уехав в Орловскую губернию. Только после Октябрьской революции Мульгин был арестован и по приговору суда расстрелян.

Митинг в казармах Московского гренадерского полка

После Февральской революции проводилось множество митингов и собраний, на которых происходили постоянные стычки между большевиками и меньшевиками.

Мне хорошо запомнилось одно из таких собраний. Оно происходило в Московском гренадерском полку; я случайно присутствовал на этом собрании.

В длинном, широком помещении бывшего офицерского собрания набилось до отказа солдат. Духота стояла невероятная. Я пробился к стенке, недалеко от стола, на котором докладчик, капитан какой-то пехотной части, готовил нужные к докладу бумаги.

К столу подошел бравый старший унтер-офицер и открыл собрание.

Слово было предоставлено представителю солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов капитану Беляеву.

— От солдат офицер будет говорить,— прошептал кто-то возле меня. Я тоже насторожился...

— Товарищи, мы с вами теперь свободные люди, мы кровью своей добыли эту свободу,— начал капитан.

Вот он говорит полчаса, сорок минут и все в том же духе: свобода, воля, народ, кровь, победа и ни звука о практических задачах. Я не выдержал и крикнул:

— Товарищ капитан, о земле скажи, когда помещики отдадут землю крестьянам и когда ты отдашь им свою. Вокруг завозились солдаты. Одни смотрят на меня с удивлением, другие — с напряженным любопытством, третьи — с одобрительной улыбкой. А докладчик продолжает сыпать пышные слова и ни звука о земле, будто и не было вопроса.

Выждав некоторое время, я снова крикнул:

— О войне скажи, когда войне конец будет и когда закон о восьмичасовом рабочем дне для рабочих выйдет.

Докладчика взорвало.

— Я прошу оградить меня от этих анархистских элементов! — взревел он.

— О-г-го, куда хватил! О земле, о войне, о восьмичасовом рабочем дне — это анархия? А болтать целый час впустую — это не анархия?

Начался шум, топот, послышались выкрики.

— Правильно! Говори о земле, о войне, а зубы нам не заговаривай!

— Убрать его! — кричат некоторые.— Пусть не мешает слушать!

— Он не мешает, надо говорить о земле, о войне. Докладчик умолк, платком вытирает вспотевший лоб. Председатель собрания подзывает ефрейтора и что-то шепчет ему на ухо. Ефрейтор кивает головой, исчезает и буквально через минуту вырастает передо мной с двумя вооруженными солдатами.

— Идем,— сердито говорит он. Сопротивляться было бесполезно. Я поднялся и через боковую дверь вышел на улицу.

Но господину капитану вся обедня была испорчена, мысли солдат оказались направленными совсем не туда, куда он хотел.

В Выборгском районном Совете

Рабочие завода «Людвиг Нобель» по рекомендации нашей партийной организации избрали меня своим представителем в районный Совет рабочих и солдатских депутатов. В Петроградский Совет еще 27 февраля прямо на улице небольшой группой рабочих был избран эсер, и теперь общее собрание его утвердило. Когда я пришел на заседание райсовета, происходившее в здании Педагогического женского института, я был удивлен. Президиум уже сформирован, председателем его избран интернационалист межрайонец Максимов.

Это объяснялось тем, что пока большевики вместе с рабочими дрались за свержение царизма, меньшевики, эсеры прямо на улице собирали небольшие группы рабочих с участием своих сторонников и выбирали нужных им людей в Советы рабочих депутатов Петрограда и района. В результате оказалось, что вся революционная сила у нас, а вся власть — у них. «Форма наша, а начинка их»,— говорили рабочие. Но мы, большевики, твердо верили, что недалеко то время, когда мы завоюем большинство в Совете и поведем борьбу за победу социалистической революции.

В Кронштадте

Идет очередное собрание Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов. В повестке дня ряд неотложных хозяйственных вопросов. Максимов, председатель райсовета, занимает свое место. Неожиданно в зал входят два матроса. Одного из них мы узнали. Это был большевик, восемь лет отсидевший в царской тюрьме, от остальных семи его освободила революция. Матросы подошли к столу, извинились и о чем-то попросили Максимова. Тот отрицательно покачал головой. Тогда матрос, с досадой махнув рукой, явочным порядком занял трибуну и, не обращая внимания на протесты Максимова, крикнул:

— Товарищи, я прошу слова от матросов Кронштадта.

— Дать! — кричат большевики. Их поддерживают беспартийные члены райсовета. Меньшевики против.

Вопрос ставится на голосование. Абсолютное большинство за то, чтобы дать слово.

— Товарищи, я знал, что вы, выборжцы, не откажетесь выслушать нас, моряков. Мы только что были в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, там отказали нам в слове, а положение не терпит отлагательства. Я только что прибыл из Кронштадта. Там властвует контрреволюция. Надо уничтожить контрреволюционную гидру и захватить крепость в свои руки, иначе мы останемся безоружными против стальных гигантов кораблей и фортов крепости, жерла пушек которых уже сейчас направлены на нас. Вы должны немедленно послать в Кронштадт стойких, надежных товарищей для того, чтобы помочь нам разоблачить клеветнические измышления, которые широким потоком изливает контрреволюция и которые впитывает в себя гарнизон крепости.

— Это нас не касается, это дело Петроградского Совета, вы не по адресу попали! — крикнул Максимов.

— К черту этот меньшевистский совет! Мы там были, нас и слушать не хотят. Да и о чем нам с ними говорить? Разве не при помощи заправил Петроградского Совета Временное правительство поставило комендантом Кронштадтской крепости члена Государственной думы кадета Пепеляева? А Гучков — октябрист — возведен в ранг военно-морского министра. Не верим мы Гвоздевым, Скобелевым, Чхеидзе, Церетели и не допустим их управлять орудиями фортов и кораблей. Мы должны сами направлять их туда, куда нам надо, и на того, на кого нам надо,— он смахнул капли пота с взволнованного лица, хотел еще

что-то сказать, но, махнув рукой, сошел с трибуны.

Ясно. В Кронштадте вершат дела классовые враги. Надо помочь кронштадтским большевикам. Мы предлагаем послать в Кронштадт своих товарищей. Меньшевики против:

— Мы не имеем права превышать своих полномочий,— говорят они.— Надо избрать делегацию и послать ее в Петроградский Совет с просьбой расследовать дело.

Матросы кричат:

— Кого просить? Гвоздева, Бройдо, Скобелева? А правительство им позволит вмешиваться в эти дела? Нет, товарищи, действуйте сами.

Большинством голосов Совет решил послать в Кронштадт пять человек.

В избранную пятерку попали три молодых рабочих, студент технического высшего учебного заведения и я. В Кронштадт мы выехали на другой день на двух крестьянских розвальнях. По пути следования мы всюду встречали большие и маленькие летучие митинги. К Кронштадту мы подъезжали вечером. Сумерки заволокли широкую, снегом покрытую равнину. Из крепости манит к себе яркий свет маяка, он кажется совсем близким. Прожекторы бросают по небосклону молочно-белые полосы света.

Едем молча.

Резкий холодный ветер метет вокруг нас легкий, сухой снег, треплет нашу скудную, плохо защищающую от холода одежонку. Прижимаемся друг к дружке и боимся шевельнуться, чтобы не пропустить в какую-либо щель стужу. Наконец мы в Кронштадте. Сани остановились у ворот длинного серого здания казармы.

Нас провели по неосвещенной крутой лестнице, через небольшую квадратную канцелярию, скудно освещенную керосиновой лампой. Встретил нас здоровенный детина и на вопрос приехавших с нами матросов: «Где же остальные?» — буркнул что-то себе под нос и, как бы не замечая нас, принялся перелистывать лежащие на столе бумаги. Хотелось сказать этому здоровенному парню пару крепких слов, но мы так окоченели, что нам было не до него. Мы в первую очередь потянулись к железной печке, к которой уже прилип костлявый матрос, с удовольствием потиравший посиневшие от холода руки.

Пока отогревались, матрос, выступавший в райсовете, вел переговоры с детиной о собрании экипажного Совета. Тот отмалчивался, но, когда в разговор вмешались и мы, позвал вестового. Вестовой, молодой бравый парень, выслушав, рявкнул:

— Есть собрать членов экипажного Совета,— и скрылся за дверью.

Скоро в комнату вошло несколько матросов, потом еще и еще.

К нашему приезду отнеслись больше чем холодно. Было ясно, что здесь кто-то поработал. На все наши вопросы моряки отвечали коротко и сухо. Наконец пришел председатель экипажного Совета, высокий, худощавый, с приятным лицом матрос. Он дружески пожал нам руки, спросил, как доехали.

Через час мы с моряками уже нашли общий язык. Они знакомили нас со своими распорядками, показывали нам все, что им казалось важным и нужным. Перед нами лежали приказы, распоряжения, инструкции гучковско-милюковских заправил. Облепившие нас матросы интересовались, как мы к этим документам относимся. В основе всех лежавших перед нами документов было одно: революция окончена, война — до победного конца, внутреннюю анархию надо вырвать с корнем и уничтожить, причем под рубрику «анархия» подводилось все, что было в несогласии с существующим порядком вещей, в первую очередь большевики. Мы сказали матросам, что считаем эти документы вредными для дела революции, и нашли в их лице своих сторонников. Матросы обещали сообщить о нашем прибытии объединенному Совету гарнизона крепости и добиться у него совместного с нами заседания. В эту ночь мы долго не могли заснуть. Все думали о том, что даст нам предстоящая встреча.

Утром мы поднялись до рассвета. Нас встревожила напечатанная на машинке и наклеенная на ворота клеветническая листовка.

— Это дело писарей,— заявил нам председатель экипажного Совета,— но не беспокойтесь — мы их знаем.

Позавтракав, мы вышли на улицу и направились в заранее намеченные места. Я пошел на заседание рабочего Совета. Сделав несколько шагов, услышал крик патрулирующего по улице матроса:

— Эй, руки из карманов! Слышишь, руки из карманов!

Я остановился, посмотрел с недоумением на матроса.

— Руки выньте из карманов! Вам это говорят,— шепчет проходящий мимо старик.

Я повиновался, но патруль этим уже не удовлетворен. Он требует мой мандат. Буркнув что-то про себя, он вернул мне документ.

— Эй, руки! — через несколько минут вновь раздался сзади окрик, и так несколько раз, пока я добрался до кинотеатра, где было назначено заседание Совета.

В холодном, нетопленом зале сидели депутаты. Поражала

сонливая скука, с которой ожидали открытия заседания. Председатель, не то конторщик, не то кладовщик, открывая заседание, объявил, что первым в повестке дня стоит вопрос о подошве. «Почему?» — подумал я и насторожился. Председатель же докладывает, что в городе очень мало подошвенной кожи и может случиться, что ее совсем не станет, а весной начнется слякоть и не в чем будет ходить. Надо подумать, говорит председатель, как пополнить запас.

Меня взбесило.

— Прошу слова! — крикнул я. И, не ожидая ответа председателя, забрался на сцену. Но, взглянув на сонно скучающие лица депутатов, охладел и начал более спокойно, чем сам того хотел:

— Товарищи, подошвенное дело — дело очень хорошее, нужное и важное, но только тогда, когда оно занимает соответствующее место в повестке дня Совета. Но когда его выпирают на первое место, подошвенный вопрос превращается в вопрос шкурный.

Мое заявление встряхнуло депутатов. Раздались голоса: «Кто это? Откуда? Председатель, проверь мандат!» Я сообщил собранию, кто я, откуда и зачем прибыл.

Члены Совета оживленно зашумели. Я решил действовать.

— Товарищи,— сказал я,— отложите подошвенный вопрос на конец заседания и обсудите в первую очередь вопрос о текущем моменте, о положении рабочего класса в России, о собственном вашем положении и о вашем отношении к существующему порядку в стране. Вот у меня в руках ваша кронштадтская газета, и в ней что ни строка, что ни слово — ложь!

— Это неправда! — крикнул стоявший за моей спиной помощник коменданта.

— Что неправда? — спросил я его.— А ну, скажи,— и, отойдя от стола, уступил ему место.

— Я, представитель Петроградского Совета, заявляю, что наша газета «Известия Кронштадтского Совета» никогда лжи не печатала. Я считаю выступление этого чужого, нам неизвестного человека недопустимым и анархическим.

— Э, вон куда хватил,— подумал я, вышел вперед и, указывая на оратора, сказал:

— Товарищи, этот гражданин объявил себя представителем Петроградского Совета, он здесь перед вами выступает от его имени, но я сомневаюсь, что он имеет на это полномочия. Мой же документ лежит на столе у председателя.

Среди депутатов замешательство. Смотрю кругом. Трудно определить, кого они поддержат. «Отступать нельзя»,— решил я

и, понимая, что, если в этой драке буду бит, вся наша миссия наполовину будет сорвана, крикнул:

— Вы хотите знать, кто из нас прав, тогда пошлите в Петроградский Совет своих представителей, пусть они там посмотрят, послушают и вам потом доложат.

— Он оскорбляет меня,— закричал помощник коменданта.— Я требую лишить его слова и удалить отсюда.

Председатель, как бы хватаясь за якорь спасения, ставит на голосование вопрос о запрещении мне присутствовать на заседании Совета. Но тут с места сорвался молодой парень и крикнул:

— Будет вам головы нам морочить. Теперь мы видим, куда вы нас ведете. Надо послать в Петроград наших депутатов, а не слушать этих господ с кокардой. Хватит!

Депутаты повскакали с мест.

— Выбирать! Послать!

— Не надо!

— Почему не надо? Послать! — раздаются голоса со всех сторон.

Мне все еще трудно определить, за кого большинство. Я требую у председателя поставить вопрос на голосование. Мой противник хочет сначала удалить меня, а потом уже решать вопрос о посылке делегатов. Предложение об удалении меня с заседания проваливается. Я остаюсь, и мое предложение о посылке делегатов в Петроградский Совет принимается абсолютным большинством.

Начались выборы. Я делаю отвод одному депутату, который больше всех кричал против меня и моего предложения. Он взмолился:

— Товарищи! Я свой! Я все сделаю по правде!

Его выбрали, выбрали и поддержавшего меня парня. Они уехали немедленно. Я торжествовал. Рабочие Кронштадта восстановили связь с петроградскими рабочими.

— Посмотрим! — угрожающе прошипел помощник коменданта и покинул собрание.

Я был упоен победой и не обратил внимания на эту угрозу.

Меня окружили рабочие. Они рассказали мне о различных небылицах, распространяемых буржуазией в целях запугивания рабочих, о неимоверной путанице в системе органов управления и пр. Я ушел от рабочих довольный достигнутыми результатами. Некоторые из наших товарищей побывали в этот день на фортах и кораблях. Один ушел в казармы пехотинцев и к вечеру не вернулся. Этот товарищ восемь лет пробыл в тюрьме. После освобождения он отказался от отдыха и немедленно включился в

революционную борьбу. Нервы не выдержали, и у него неожиданно началось психическое расстройство. Он выкрикивал всякую чушь, и это самым подлым образом было использовано помощником коменданта и его сторонниками для агитации против нас.

Когда мы сидели и намечали план нашего дальнейшего действия, вошел председатель экипажного Совета и сообщил, что нас приглашает к себе комендант крепости Пепеляев.

— Ловушка,— заявили двое из наших товарищей,— мы туда не пойдем.

Председатель и присутствующие при этом матросы возражали.

— Никакой ловушки нет. Комендант ничего плохого вам сделать не может.

— Знаем, он кадет, не пойдем.

— Так, товарищи, нельзя,— заявил председатель.— Вы находитесь в крепости, а хозяин крепости комендант, как же вы к нему не пойдете?

Мне было ясно, что идти нужно, необходимо. Но товарищи упорствовали.

Пришлось немало потратить сил, чтобы убедить их пойти.

Кабинет Пепеляева помещался в одной из комфортабельно обставленных комнат бывшего офицерского собрания.

Вошли. Комендант встретил нас очень любезно и усадил не около письменного стола, как это делается при обычном приеме официальных лиц, а в полутемном уютном уголке, заставленном пышно разбросавшими свои ветви комнатными растениями. Появились круглые маленькие столики, а на них — маленькие японские чашечки с чаем, печенье, сигареты, папиросы. Круглое, дышащее здоровьем лицо Пепеляева с добродушными глазами располагало к непринужденному разговору.

Комендант начал разглагольствовать о многострадальном русском народе и о русской интеллигенции, которая так много сил отдала для облегчения его

страдания.

— Но сейчас интеллигенция отвернулась от народа, ей оказалось с ним не по пути,— сказал кто-то из нас.

— Что вы, это неверно. Интеллигенция не отвернулась от своего народа, она любит его по-прежнему, страдает его страданиями, но посмотрите, куда ведут его эти безответственные, анархистские элементы. Мы возражали, всемерно смягчая наши возражения. Это продолжалось довольно долго, и мне, откровенно говоря, надоела эта длинная церемония. Я вынул из кармана кронштадтскую газету, показал ее

коменданту и спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему ваша газета так безбожно врет? Ведь тут, что ни строка, что ни слово — то неправда.

Это насторожило Пепеляева:

— Не может быть, помилуйте! Что вы!

Я настаиваю. Привожу примеры из газеты. Комендант поднялся, подошел к столу, нажал кнопку.

— Позовите моего помощника,— сказал он вошедшему вестовому.

Через минуту входит уже знакомый нам помощник коменданта.

— Я расследую,— сказал он на замечание коменданта по поводу содержания газеты.

Мы, конечно, понимали, что все это комедия и никакого расследования не будет. Через несколько минут мы ушли от коменданта.

Темно. На Якорной площади, у памятника адмиралу Макарову, солдаты роют яму для братской могилы жертв революции. Мы шли молча, утомленные пережитым за день.

— Кто идет? — раздавались время от времени окрики, мы отвечали и, не торопясь, шли к казармам. Здесь нам бросилось в глаза, что люди чем-то взволнованы, что-то случилось, но что — узнать не было никакой возможности. Как потом стало известно, это было связано с болезнью нашего товарища, которого привели из казарм и охраняли два матроса.

Через несколько минут после нашего возвращения пришел председатель экипажного Совета и сказал, что завтра утром назначено заседание объединенного Совета.

В канцелярии никого не было. Окруженные напряженной тишиной, мы не спали.

На другой день, в десять часов утра, мы отправились на заседание объединенного Совета. Встретили нас с напряженным любопытством. В объединенном Совете были не только солдаты, матросы, рабочие, но и офицеры, правда невысокого ранга, о чем свидетельствовала их молодость и простота обращения. За кого эти люди, трудно было сказать, и это нас беспокоило. Председателем объединенного Совета оказался один из этих офицеров. Он занял место председателя и, обращаясь к нам, сказал:

— Ну, докладывайте. Регламент устанавливать не будем.

Мы еще с вечера решили, кто будет выступать первым. Это было поручено студенту, находившемуся в составе нашей делегации. Он говорил два часа, и его слушали с большим вниманием.

После его выступления председатель сказал:

— У нас с вами разногласий нет, мы того же добиваемся, того же хотим, что и вы.— Я схватил за руку рядом сидевшего матроса и радостно, дружески потряс ее.

Наших товарищей окружили солдаты, матросы и рабочие. У всех радостные, возбужденные лица. В эту минуту вошел вестовой и вручил председателю телеграмму.

— Товарищи! От военно-морского министра Гучкова!— крикнул председатель.

— Читай, читай, посмотрим, что он пишет,— раздались голоса. И тут рабочие, матросы, солдаты сгрудились все вместе вокруг председателя. В это время их отличала только одежда; мысли, чувства были едины. Председатель быстро пробежал телеграмму и начал читать. Я не могу воспроизвести эту телеграмму дословно, но содержание ее помню точно. В ней говорилось о том, что революция окончена и ненавистное самодержавие свергнуто, а поэтому приказывалось спустить боевые флаги с кораблей и фортов. Дальше в телеграмме говорилось о том, что нужно установить строжайшую дисциплину и порядок, беспрекословно выполнять приказы и распоряжения коменданта и своих командиров, помнить, что внешний враг еще не разбит, а его агенты сеют смуту внутри страны, недоверие друг к другу и этим разделяют единство нации и т. д. и т. п.

— Ну-с,— произнес один из пожилых моряков и, точно готовясь к кулачному бою, стал закатывать рукава.

Мы ждали, что скажет председатель.

— Мое мнение такое,— произнес он,— приказу этому не подчиняться. Боевые флаги не спускать. Революция для господина Гучкова кончилась, а для нас — только начинается, Мы слушали его, и внутри что-то ликовало. Когда он кончил, в воздух полетели шапки и бескозырки. Все громко кричали: «Ура! Да здравствует пролетарская революция!»

Когда все немного успокоились, председатель поставил на голосование свое предложение, и собравшиеся, как один, подняли руки. Революция кончилась для Гучкова, Милюкова, князя Львова, для нас она только начиналась!

В два часа дня в манеже был назначен митинг войск гарнизона, на котором нам предлагалось выступить и изложить программу действия питерских рабочих. Мы очень волновались, как примет нас гарнизон. Тем более, что, как нам стало известно, там настолько широко против нас была развернута агитация, что помощнику коменданта и его сторонникам удалось спровоцировать довольно большую группу солдат и матросов и направить их в объединенный Совет с требованием выдачи нас,

как смутьянов, мешающих революции. Нас занимал вопрос, что скажет гарнизон.

К часу дня улицы города были заняты войсками. Знамена, точно крылья больших птиц, полощатся в морозном, насыщенном звуками революционных песен и маршей воздухе. Все направляются в манеж и там застывают рядами в стройных колоннах.

В манеже совершенно не было женщин. А около манежа их толпилось довольно много.

— Солдаты и матросы их не пускают,— ответил на наш вопрос председатель Совета.

— Почему?

— Дочь генерала, коменданта крепости, который был поднят на штыки, стреляла в демонстрантов на Якорной площади.

— Хорошо, дочь генерала стреляла, а причем тут женщины-работницы?

— Пустить их все же не могу.

— Тогда разрешите мне поговорить с людьми,— сказал я и, не ожидая ответа, забрался на трибуну.

— Товарищи! Около дверей стоит много женщин. Их не пускают на митинг только потому, что дочь генерала стреляла в вас. А я спрошу: если бы стреляла не дочь, а сын генерала, лишили бы вы себя права собираться и решать вопросы новой жизни?

— Нет!

— Так почему же вы их не пускаете?

— Пустить! — раздаются голоса в одной стороне.

— Не надо! — кричат с другой.— Не бабьего ума это дело.

Но пока шел этот спор, женщины отстранили от дверей часовых и шумным потоком влились в манеж. Председатель открыл собрание. Один за другим выступили мы перед замершей в напряженном внимании людской массой. В разных вариантах мы передали одну и ту же мысль: революция не закончена. Для трудового народа она только начинается. Надо кончать войну. Забрать у буржуазии банки, фабрики, заводы, у помещиков — землю, а это можно сделать только тогда, когда рабочие и крестьяне возьмут власть в свои мозолистые руки. Все это нашло живой отклик в сердцах собравшихся. Тысячи рук поднялись за наши предложения Оркестры залили манеж звуками Интернационала.

С митинга нас провожали тепло, дружески. В казарме нас ждал врач. Он сообщил, что у нашего товарища легкое помешательство на почве нервного переутомления. Нужен уход, покой. Решили оставить его в госпитале. Через месяц он вернулся

в Петроград совершенно здоровым. Мы собирались к отъезду. Но в это время в Кронштадт прибыл представитель Петроградского Совета меньшевик Бройдо, и мы решили задержаться. На следующий день Бройдо выступил на расширенном пленуме Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Кронштадта. Он говорил о том, что у Петроградского Совета нет разногласий с Временным правительством, что они работают как одно целое и так будут работать впредь, что это единство — символ единства всего народа.

О том же говорил комендант крепости Пепеляев. В доказательство своего единства они всенародно обнялись и расцеловались.

— Иуды,— злобно прошептал около меня матрос и сердито сплюнул.

Нам во что бы то ни стало нужно было разрушить иллюзию «единства» трудящихся с эксплуататорами, и мы один за другим подали записки в президиум, прося слова. Нам дали слово, но ограничили пятью минутами каждого. В ответ на это мы выставили одного от всех нас, передав ему предоставленное нам время для выступления. Это взбесило Бройдо и Пепеляева, но возражать они не осмелились.

В начале выступления нашего представителя с мест раздались отдельные возгласы, протесты, реплики, но они тонули в гуле одобрений. И мало-помалу в аудитории воцарилась тишина. Нашего оратора внимательно слушали.

Резолюция, предложенная Бройдо и принятая за основу, после поправок, внесенных членами Совета и нами, утратила меныиевистско-соглашательский дух. Вечером мы участвовали в похоронах жертв революции. От орудийных выстрелов дрожала под ногами земля. Неслись грустные звуки похоронного марша. Медленно в братскую могилу опускали красные гробы павших в борьбе за свободу.

В тот же день мы покинули Кронштадт. По приезде в Петроград мы доложили райкому партии о положении в Кронштадте. Он информировал Центральный Комитет, и в Кронштадт была направлена группа большевиков. Мы же с большим подъемом взялись за неотложные дела в своем районе.

Делегация рабочих на фронте

Исходя из решений ЦК и ПК от 8 марта 1917 г. о посылке рабочих делегаций с подарками на фронт, Выборгский районный Совет развернул большую кампанию среди рабочих по сбору средств и выборам делегатов. Рабочие отнеслись к этому с большим одобрением. На заводе «Людвиг Нобель» на общем собрании рабочих были избраны делегаты на фронт в составе трех человек, среди них был и я. Но эта тройка не была утверждена военной комиссией Государственной думы и исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и нам было отказано в визе на право выезда с подарками на фронт. Отказ мотивировался также и тем, что делегация по своему составу однопартийная — эсе большевики.

Мы обратились к рабочим. Немедленно было созвано заводское собрание.

— Товарищи, нас не пускают на фронт к нашим товарищам по борьбе и нужде — солдатам,— говорили мы.

— Почему? — раздались со всех сторон возмущенные голоса.

— Только потому, что мы большевики.

— Позор!

— Да, товарищи! Это позор, что в стране, где всего несколько дней назад был свергнут самодержавный строй, волеизъявление рабочих игнорируется. Но это позор и наш с вами, потому что мы вручили нашу революционную волю Петроградскому Совету, а его депутаты оказались недостойными того доверия, которое мы им оказали. На митинге 3 марта рабочими нашего района была принята резолюция, в которой говорилось, что «Временное правительство не является действительным выразителем народных интересов; недопустимо давать ему власть над восставшей страной хотя бы на время; недопустимо поручать ему созыв Учредительного собрания, которое должно быть созвано в условиях безусловной свободы».

И дальше: «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов должен немедленно устранить это Временное правительство либеральной буржуазии и объявить себя Временным революционным правительством». Меньшевики же, засевшие в Петроградском Совете, идут на поводу у буржуазного Временного правительства, в результате рабочие не властны осуществлять своих мероприятий. На этом собрании раздавались голоса о том, чтобы потребовать от Совета изменения его поведения, что Совет должен диктовать свою волю Временному правительству, что те

люди, которые, сидят в Советах, на это неспособны и их надо заменить.

Собрание закончилось тем, что рабочие осудили действия Временного правительства и нерешительность Петроградского Совета в отношении посылки нашей делегации на фронт, но, чтобы не задержать отправку делегации, состав ее был пересмотрен. В состав делегации вошли: от большевиков — я, от меньшевиков — руководитель меньшевистской группы на заводе Фрейман, от беспартийных — инженер Ицкевич и от эсеров — представитель рабочих завода «Промет» Коньков. В этом составе мы и начали подготовку к выезду.

С большим трудом, но мы достали все, что нужно, запаковали в ящики и, напутствуемые добрыми пожеланиями рабочих, тронулись в далекий путь — в 95-й пехотный Красноярский полк. В этом полку некоторое время служил прапорщиком член нашей делегации инженер Ицкевич, отозванный заводоуправлением на производство.

На общем собрании рабочих он назвал этот полк, и рабочие решили направить туда свою делегацию. Им было все равно, солдатам какого полка попадут их скромные подарки. Главное было в том, чтобы установить братскую связь с солдатами.

Мы, делегаты, условились не вести между собой в дороге политических дискуссий, но скоро это условие сами же нарушили.

Ехали мы очень медленно. Подолгу стояли на станциях и полустанках, забитых солдатами, беженцами, разными дельцами. И люди всюду спорили, шумели, волновались. Иногда эти споры кончались кулачным боем. Главной темой споров были война, мир, земля, хлеб, восьмичасовой рабочий день. Мы, конечно, не могли остаться немыми свидетелями всех этих споров и активно вмешивались в них.

Поезд останавливался не только на станциях, полустанках и разъездах, но зачастую и среди пути. И тогда пассажиры вооружались пилами и топорами, по указанию машиниста и кочегара паровоза валили деревья, пилили, рубили, загружали дровами тендер и ехали дальше. Сырые дрова пищали, скрипели, дымили больше, чем горели. Машинист и кочегар ругали и проклинали все на свете.

Но как бы там ни было, а мы наконец приехали. Теплушку с нашими подарками отцепили и в полк послали телеграмму с сообщением о нашем прибытии. Это было в Галиции. В ожидании машин мы решили познакомиться с местными достопримечательностями.

Здесь находился старинный мужской монастырь. Монахов в

нем не было. От военных действий он почти не пострадал. Мы зашли. Полумрак, покой, тишина. Я остановился у образа с изображением молодого инока с большими распущенными крыльями за плечами. Старик сторож рассказал мне сложенную о нем легенду: «Давно это было. Враги обложили монастырь, измором решили взять его. Проходит месяц, другой, а осада все стоит. Хлеб, вода у осажденных на исходе. Люди от истощения, жажды и болезни умирают, а этот человек в ту пору иноком был при монастыре. Он ходил и всех утешал: «Не падайте духом, бог нас не забудет». А сам все молится и молится и в молитве говорит: «Господи! Дай ты мне крылья, помчусь я за подмогой». И не успел он это произнести, как у него за плечами появились крылья. Взмахнул ими инок и полетел над вражьим станом к воеводе. Тот пришел с войском и наголову разбил басурманов».

— Одним словом, летчик, герой,— улыбаясь, говорю я. А старик немного обиженно говорит:

— Я так по-стариковски понимаю. Надо, чтобы у человека вера была в доброе дело и чтобы он, значит, крепко держался этой веры и никак не отступал бы от нее и других, которые слабее телом и духом, поддерживал в беде, тогда у него крылья вырастут, обязательно вырастут. Вот у вас, говорят, царя с престола прогнали, а уж какая у него силища была. И слуг и войск несметное число, и прогнали, а почему? Потому что вера в это была и от нее не отступали. У вас, тоже говорят, есть такой человек — силища в нем невиданная, в пору Илье Муромцу. И веру в свое дело имеет большую.

— Верно, дедушка, верно ты говоришь, есть у нас такой человек. Владимиром Ильичем Лениным его величают. Вера в нем очень большая.

— А как же, без веры нельзя, вера первое дело.

На прощание я подарил старику на память кисет с табаком, бисером вышитый.

— Спасибо! Вот спасибо, вовек не забуду и внукам скажу, чтоб, значит, помнили, что у русских людей есть большая и крепкая вера и что они своего достигнут.

Машины, загруженные ящиками с подарками, несут нас вглубь Галиции по гладкой синевато-белой, вдаль убегающей шоссейной дороге.

На пути в полк заехали в штаб дивизии. Нас встретил начальник дивизии в окружении штабных офицеров.

Пожал руки, познакомил со своими подчиненными.

— Вы удачно приехали. 95-й полк находится как раз на отдыхе. А теперь пошли в столовую обедать,— сказал он.

За обедом начальник дивизии угостил нас и господ офицеров

хорошим вином. Завязалась оживленная беседа все по тем же злободневным вопросам, поставленным в порядок дня, но не разрешенным революцией. Господам офицерам не нравится, что рабочие явочным порядком перешли на восьмичасовой рабочий день; по их мнению, с этим делом можно было подождать до конца войны. Не нравилось им и то, что крестьяне самовольно захватывают помещичью землю, не ожидая созыва учредительного собрания. Войну надо продолжать, а анархистские элементы разлагают солдат, разрушают дисциплину, организуют братание с немецкими солдатами. Это к добру не приведет, надо ликвидировать двоевластие в стране.

Нигде, никогда во время революции не создавались Советы, но всегда и везде создавались временные революционные правительства. Так разглагольствовали командир дивизии и его свита.

— Стало быть, Советы надо ликвидировать?! — спросил я и добавил: — Это не выйдет, и ссылка ваша на историю неправильна. Вспомните Советы в 1905 году.

Меньшевик Фрейман поспешил вмешаться в разговор. Я не препятствовал ему и только в виде реплик давал понять господам офицерам, что у рабочего класса на все обсуждаемые здесь вопросы есть другая точка зрения — точка зрения большевиков. Меня поддерживал инженер Ицкевич. Когда мы вышли из столовой, ко мне подошел плотно подпоясанный с круглым розовым лицом, с широко открытыми глазами штабс-капитан и взял меня под руку.

— Вы мой враг,— сказал он,— но вы мне больше нравитесь, чем этот белобрысый ваш товарищ. У вас все просто, ясно и открыто и, главное, честно. А он врет и все замазывает. Я помещик. В Курской губернии у меня имение, и я ни одного клочка земли крестьянам не отдам, даже за выкуп не отдам. И не думайте, что я один такой, нет, мы, помещики, все такие. И Родзянко такой, и князь Львов такой. Вы, рабочие, к фабрикам и заводам руки протягиваете, а капиталисты не дадут их вам, так же как мы, помещики, крестьянам землю не дадим.

— Значит, гражданская война, и нам ее не избежать,— сказал я.— Как масло с водой не смешаешь, так и рабочих и крестьян нельзя помирить с помещиками и капиталистами. Вот почему у нас и двоевластие: кто — кого.

— Да,— согласился штабс-капитан.— Сегодня мы с вами пока хитрим. Хотим друг друга перехитрить, но историю не перехитришь. Столкновение между нами неизбежно, и, кто знает, может быть, мы с вами еще встретимся, но уже заклятыми смертельными врагами.

Полк встретил нас на покрытой снегом небольшой лесной поляне. Командир полка скомандовал: «Смирно!» Дежурный по полку отрапортовал нам, что полк находится на отдыхе и что он рад видеть у себя дорогих гостей. Мы забрались на наскоро сколоченную трибуну, поздоровались с солдатами и передали им приветствие от рабочих, служащих и инженеров завода. Мне предоставили слово. Я коротко обрисовал внутреннее и международное положение нашей страны и рассказал о том, что делается у нас в Петрограде, в частности в Выборгском районе.

— Выход из положения, в котором мы сейчас находимся,— это ликвидация двоевластия в стране,— сказал я,— а для этого нужно изменить состав Совета рабочих и солдатских депутатов, отозвать оттуда соглашателей и послать крепких, стойких большевиков. Рабочим и солдатам,— продолжал я,— следует теснее сплотиться вокруг партии большевиков и ее вождя — Ленина, тогда все вопросы будут разрешены так, как это надо рабочим и крестьянам, а не так, как этого хотят помещики и капиталисты.

Фрейман и Коньков мне не мешали, своими коротенькими выступлениями они лишь сглаживали остроту вопроса, намекнув, что у меньшевиков и эсеров другая точка зрения по затронутым в моем сообщении вопросам. И так у нас как-то само собой установилось, что, когда беседа шла с господами офицерами, инициатива была в руках Фреймана и Конькова, а когда с солдатами — инициатива переходила ко мне.

От господ офицеров нас приветствовал поручик, от солдат — младший унтер-офицер, председатель солдатского комитета, бывший рабочий.

Мы передали наши подарки по ротам согласно номерам, написанным на ящиках. Вместе с солдатами прокричали «ура», провозгласили здравицу революции и союзу рабочего класса с революционной армией. Солдаты разошлись по землянкам, искусно замаскированным между деревьями.

В полку мы оставались еще несколько дней. Все беседы с солдатами сводились по существу к одному: мир, земля. С этого начиналась каждая беседа, этим она и кончалась. Солдаты требовали прекращения войны и немедленного захвата помещичьих земель. Ждать Учредительного собрания нечего. Хватит, ждали. Одобряли они и то, что рабочие ввели у себя восьмичасовой рабочий день. «Это хорошо, за это и боролись»,— говорили солдаты.

Я разъяснял солдатам позицию большевиков в этих вопросах. Ицкевич меня поддерживал. Фрейман и Коньков отмалчивались.

Через несколько дней мы тронулись в обратный путь. Ехали

так же медленно и с такими же длительными остановками, шумными политическими спорами, как и сюда.

Подъезжая к Петрограду, мы узнали о приезде В. И. Ленина и о той грандиозной встрече, которую питерские рабочие и войска гарнизона устроили ему на площади Финляндского вокзала. Но эти отрывочные сведения меня не удовлетворяли, и я с вокзала, только на одну минуту забежав домой, отправился в райком партии. Там было большое оживление, какая-то праздничная приподнятость.

— Ленин приехал! Слышал? — встретили меня вопросом товарищи.— Жаль, что ты не был при встрече.

— Факелы, прожекторы, красные знамена, плакаты, оркестры духовой музыки и море ликующих людей.

Такую встречу всю жизнь помнить будешь. Ленина вынесли на руках. Стал он в легковой машине говорить, но его не все видят, не все слышат. И вот он на башне броневика — теперь всем видно, всем слышно, и не только нам, питерцам, а, кажется, видно и слышно всему миру,— говорили товарищи.

— И знаешь, что сказал Ленин? — «Никакой поддержки Временному правительству!» И закончил свою речь возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!» Ты понимаешь? Социалистическая революция!

Охваченный общим праздничным настроением, я вошел в кабинет секретаря райкома партии Егоровой.

— Л! Вернулся? — сказала она и тут же торопливо добавила: — Ленин приехал. Мы вот только что закончили заседание; обсуждали его указания, данные в речи у Финляндского вокзала, и наметили программу своих действий.

Мне очень хотелось узнать, какие мероприятия наметили и какое задание получу я. Пока мы разговаривали, в кабинет вошел заведующий агитпропом райкома и сообщил, что Петроградский комитет просит прислать несколько товарищей для выступления на митинге в цирке «Модерн». Наметили несколько человек, в том числе и меня, как только что прибывшего с фронта. Я с большой охотой дал свое согласие и вместе с другими товарищами отправился на митинг.

В цирке «Модерн» в первые дни Февральской революции почти беспрерывно шли митинги. Происходило резкое столкновение различных точек зрения на происходящие события. Было время, когда большевикам здесь вообще не давали говорить, освистывали, кричали: «Долой!». Но сегодня мне дали десять минут и еще прибавили пять. Я передал приветствия от рабочих Выборгского района и от солдат-фронтовиков. Затем я говорил о позиции большевиков по всем злободневным вопросам и заверил

собравшихся, что наш Выборгский район не сложит оружия, пока рабочий класс и трудовое крестьянство России не добьются того, за что они боролись много лет.

Многие из выступавших солидаризировались с большевиками. Митинг закончился пением «Марсельезы». Его участники вышли на площадь. Не знаю, откуда появились красные знамена. Все двинулись к дворцу Кшесинской. Здесь был штаб большевистской партии. Шли слухи, что Ленин находится тоже там. Всем хотелось видеть и слышать его.

Мне тоже очень хотелось увидеть Ленина, и, когда мы подошли к дворцу, я кричал чуть ли не громче всех:

— Ленина! Ленина!

И вот на небольшом балконе появляется невысокая, но коренастая, крепкая фигура Ильича. Ликованию собравшихся нет конца. Я поглощен силой влияния вождя нашей партии на массы, радостно возбужден первой встречей с ним. Из выступления Ленина я понял одно: Временное правительство не наше правительство, революция прошла только первый этап, и теперь задача состоит в том, чтобы революция на этом этапе не остановилась, а пошла дальше — по пути развития в социалистическую революцию.

Ленин ушел, но мы еще долго не расходились, смотрели на опустевший балкон и кричали «ура» Ленину. На следующий день я и другие представители рабочих, ездившие на фронт, отчитались о нашей поездке. По предложению участников собрания завком наладил регулярную письменную и живую связь с полком.

Председатель солдатского полкового комитета не один раз приезжал к нам на завод, получал литературу и добрые товарищеские советы, как вести работу, чтобы наше рабоче-крестьянское дело победило. В районном комитете партии, в райисполкоме, на фабриках и заводах наступили горячие дни. Не за горами было Первое мая, и мы первый раз в жизни могли праздновать его свободно. Большевики готовились провести его под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Никакой поддержки Временному правительству!», «Долой войну, да здравствует мир!», «Фабрики, заводы — рабочим, землю — крестьянам!», «Да здравствует социалистическая революция!» С этими лозунгами мы должны были пройти на Марсово поле мимо братских могил жертв Февральской революции. И вот настал день Первого мая. Двумя шумными потоками к Литейному мосту стекаются демонстранты. Море красных знамен, плакатов, лозунгов, революционные песни сменяют одна другую, гремят духовые оркестры.

Нашему району отведено почетное место — возглавить демонстрацию петроградского пролетариата. Мы первые вступим на Марсово поле. Мы первые увидим Владимира Ильича Ленина. «А будет ли он?» — спрашивают некоторые. Но абсолютное большинство знает, что он будет. Вот мы на Марсовом поле. Четыре наскоро сколоченные, кумачом задрапированные трибуны. На первой — члены Временного правительства. Я смотрю на них и думаю: «Как бы они хотели иметь в своем распоряжении военную силу и пулеметы, чтобы разогнать эту ликующую «чернь», но у них нет ни того, ни другого». И они улыбаются, приветствуют победителей Февральской революции. На второй трибуне — меньшевики-оборонцы, прихвостни буржуазии. На третьей — эсеры. И те и другие думают, что они творят историю. На четвертой — большевики. Впереди — Владимир Ильич Ленин. В прищуренных глазах его радостное возбуждение, в протянутой к нам руке зажата кепка. Он восторженно приветствует нас. И мне кажется, что он смотрит на меня. Но я знаю, что это не так. Он смотрит на всех. Он подсчитывает наши силы. Вот пройдено Марсово поле. По набережной Невы идем домой, а дома собрались друзья, и далеко за полночь льются песни.

Так мы впервые в нашей стране не подпольно отпраздновали наш Международный пролетарский праздник Первое мая.

Завоевания большевиками Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов и борьба с меньшевистско-эсеровским советом Петрограда

В райсовете Выборгского района к середине мая 1917 г. влияние большевиков было уже настолько сильным, что представилась возможность поставить вопрос о перевыборах президиума райсовета, чтобы провести туда большевиков. Пленум Совета согласился на перевыборы, и, несмотря на то, что председатель Совета Максимов решительно возражал и угрожал пойти на нас жаловаться, перевыборы все же провели. Председателем райсовета стал большевик Кучменко. В президиум вошли Иван Чугурин, Манцерев, я и другие большевики.

Это был первый Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, руководство в котором перешло в руки большевиков.

Под райсовет и его отделы мы заняли помещение в большом двухэтажном доме № 33 на Большом Сампсониевском проспекте, бывший трактир «Тихая долина». В этом помещении с раннего утра до позднего вечера было полно людей. Неделями мы, исполкомовцы, не ходили домой обедать. Я стал редко бывать на заводе, так как дел в райсовете было без конца.

К нам приходили со своими нуждами не только жители района, но и ходоки со всех концов России. С сумочками за плечами и с палочками в руках они сначала направлялись в Петроградский Совет, но толку там добиться было трудно, и рабочие направляли их к нам.

«Там у власти большевики,— говорили ходокам.— Они вам помогут». И ходоки шли. Непосредственной помощи мы им не могли оказать, но мы их внимательно выслушивали и давали практические советы. Иногда и сами отправлялись с ними в ту или другую организацию и добивались нужного решения по наболевшему вопросу.

Таким образом, к нам в райсовет однажды попал матрос анархист Жук. Освобожденный после Февральской революции из Шлиссельбургской крепости, он с головой окунулся в творческую революционную работу.

Он считал необходимым как можно шире развернуть революцию и решил помочь в этом Питеру. С этой целью товарищ Жук организовал боевой отряд, снабдил его винтовками, патронами в пулеметных лентах, нагрузил баржу

пироксилиновыми шашками, мобилизовал катер и через несколько часов благополучного пути причалил к набережной бушующей от непогоды Невы.

Оставив товарищей на катере, он отправился в Смольный. Здоровенный, широкоплечий, он ввалился в кабинет председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе, вытянулся, взял под козырек и отрапортовал:

— Прибыл с боевым отрядом в ваше распоряжение и доставил баржу пироксилина, куда прикажете отправить людей и сгрузить пироксилин?

— Какой отряд? Какой пироксилин? — выпучил глаза Чхеидзе.

— Отряд и пироксилинки мы привезли из Шлиссельбурга для уничтожения контрреволюционной гидры,— отрапортовал Жук.

— Да ты с ума сошел! Весь город взорвать можете! Увози свои пироксилинки немедленно.

— Куда я их повезу?

— Куда хочешь! Лучше всего, если вывезешь их в море и пустишь ко дну.

— Как? Пироксилинки ко дну? Ах ты, гидра контрреволюционная! — как ошпаренный, Жук выскочил из кабинета Чхеидзе и побежал по длинным мрачным коридорам Смольного. Он заглядывал в кабинеты канцелярии, спрашивал, где он должен сложить пироксилиновые шашки, но все от него отмахивались.

Неизвестно, чем бы это дело кончилось, если бы кто-то не надоумил Жука отвезти все на Выборгскую сторону.

— А возьмут? — с недоверием спросил он.

— Там возьмут, им пригодится,— ответил кто-то.

В исполкоме Выборгского районного Совета Жук уже был не таким боевым, как в Смольном. Получив отпор в Петроградском Совете, он стоял здесь, переступая с ноги на ногу, осматривался и ждал вопроса. Но в райсовете никто не знал, с чем приехал этот матрос, и ждали, что он скажет.

— Шашки пироксилиновые привез и отборный отряд из 400 матросов,—заявил наконец Жук.

— Откуда? — спросил секретарь райисполкома.

— Из Шлиссельбурга.

— Шашек много?

— Баржа.

— Хорошо. Сейчас организуем разгрузку.

Товарищ Жук, не помня себя от радости, бросился к секретарю, крепко пожал ему руку и с пылом начал рассказывать, как приняли его в Смольном.

— Да разве это люди! Разве это революционеры!— кричал он. — Какая же без динамита, без пироксилина революция! Сволочи! Гидру контрреволюции давить надо, а они отказываются от пироксилина, от вооруженного отряда моряков.

Слушая крепкую ругань моряка, секретарь райисполкома вызывал людей, машины, давал указания о разгрузке баржи.

Через несколько часов товарищ Жук вернулся веселый и радостный.

— Ну что, разгрузили? — спросил я его, улыбаясь.

— На барже чисто, вот как тут,— ответил он, показывая широкую шершавую ладонь.

— Молодцы. За подарок спасибо. А ребят своих веди в казармы Московского полка. Мы там договорились.

Жук ушел бодрый, удовлетворенный.

Меньшевики из Петроградского Совета, когда узнали, что мы тепло приняли Жука и доставленный им пироксилин отправили на хранение по заводам, всполошились, нажаловались в ЦК нашей партии и руководителям большевистской фракции Петроградского Совета. Оттуда приехал уполномоченный расследовать дело.

— Как же это вы так заводы пироксилином начинили? Принять-то надо было, но не на заводы, а в пороховые погреба. Немедленно исправьте это. Через несколько часов это разумное распоряжение было выполнено.

На почве того, что политика меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете была направлена на всемерную поддержку Временного правительства, между Петроградским Советом и Выборгским районом возникли острые конфликты. Эти конфликты начались с первых дней работы Советов. Например, 5 марта пленум Петроградского Совета принял постановление о возобновлении работ без введения восьмичасового рабочего дня. По поводу этого постановления райком партии Выборгского района вынес решение следующего содержания: «Выборгский районный комитет, обсудив решение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ, признает это решение преждевременным, ввиду того что не было решения об условиях труда и не было учтено настроение масс, но, не желая раздроблять сил в настоящий ответственный момент, подчиняется этому решению и со своей стороны настоятельно рекомендует Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов при решении таких вопросов считаться с мнением на местах.

Выборгский районный комитет РСДРП (б), обсудив вопрос о восьмичасовом рабочем дне, постановляет осуществить его

явочным порядком и настаивает перед Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов о рассмотрении его в ближайшее время и провести законодательным порядком, причем заработная плата не должна от этого понизиться. Также довести до сведения Центрального Комитета и Петроградского комитета».

Эта линия райкома была линией и райсовета рабочих и солдатских депутатов. Это решение пришлось не по душе меньшевистское эсеровским заправилам Петроградского Совета и Временному буржуазному правительству. Острый конфликт между выборжцами и Петроградским Советом произошел также в связи с захватом анархистами-синдикалистами зимней дачи бывшего царского министра Дурново, находившейся на Выборгской стороне, недалеко от Литейного моста. Временное правительство этот акт захвата дачи расценило как посягательство на священную частную собственность и потребовало от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов принятия самых энергичных мер против нарушителей порядка.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал этот вопрос и вынес постановление, в котором говорилось, что до созыва Учредительного собрания частная собственность остается священной и неприкосновенной и что дача должна быть немедленно возвращена ее владельцу. Лидер меньшевистской партии Церетели выступил с руганью и угрозами по адресу рабочих Выборгского района.

Имея активную поддержку со стороны меньшевиков, Временное правительство перешло к более решительным действиям. Оно послало отряд вооруженных юнкеров с заданием очистить дачу Дурново. Рабочие района, узнав об этом, решили дать отпор. Они хорошо понимали, что дача Дурново только предлог, а на самом деле это пробный шаг вооруженного наступления. Когда юнкера увидели, что им придется иметь дело не с кучкой лиц, захвативших дачу, а с готовыми к решительному сопротивлению рабочими, они решили убраться из района. Но вопрос принял еще большую остроту. Тогда Выборгский районный Совет, чтобы предупредить возможность вооруженного столкновения с Временным правительством, послал своих представителей к анархистам-синдикалистам, чтобы договориться с ними об освобождении дачи Дурново, на что они согласились и в тот же вечер перебрались в другое помещение. Ночью на дачу нагрянул крупный отряд юнкеров, вооруженных не только винтовками, но также пулеметами и ручными гранатами.

Но дача была уже пуста.

Так кончилась попытка Временного буржуазного

правительства навязать рабочим Выборгского района вооруженное столкновение.

Выборы в районную думу и встреча с А. М. Горьким

В нашем, Выборгском районе в первые дни Февральской революции наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов были созданы Временная районная дума и районная продовольственная управа. Так же как и Советы, они со дня своего возникновения попали в руки меньшевиков и эсеров. Даже тогда, когда в райсовете фактически большинство было уже за большевиков, в думе и в продовольственной управе оставалось засилье меньшевиков.

Среди большевиков начались разногласия. Одни считали, что, поскольку перед нами стоит задача обеспечить переход всей власти в руки Советов, тратить силы на завоевание большинства в районной думе нечего. Но были среди нас и такие, которые считали, что, поскольку власть еще не перешла в руки Советов, нам нужно завоевать думу, в руках которой находится народное образование, политпросветработа и все коммунальное хозяйство; кроме того, думе была подчинена продовольственная управа. В районную думу на должность председателя и его заместителя предлагалось послать крепких, опытных и авторитетных большевиков.

Эта точка зрения победила. На пост председателя наметили Льва Михайловича Михайлова, старого большевика, культурного, авторитетного среди рабочих района человека. Его заместителем наметили Николая Осиповича Кучменко, первого большевистского председателя Совета рабочих и солдатских депутатов нашего района, рабочего завода «Айваз». Он должен был занять пост председателя районной продовольственной управы.

На Ивана Чугурина, рабочего завода «Айваз», возлагалось заведование коммунальным хозяйством района.

Народным образованием и политпросветработой должна была руководить Надежда Константиновна Крупская.

Кажется, все было улажено и утрясено. Но споры развернулись в другом направлении. Некоторые товарищи были против развертывания предвыборной кампании, так как большинство рабочих Выборгского района были явно на стороне большевиков. Они не хотели видеть того, что вокруг избирательной кампании уже подняли вой газеты и журналы всех антибольшевистских направлений: черносотенная газета Пуришкевича «Трибуна», кадетские «Речь» и «Современное слово»,

эсеровская «Земля и Воля», плехановское «Единство», черновское «Дело народа» и суворинское «Новое время». Всей сворой они набросились на большевиков, поливая их самой грязной клеветой.

Особенно возмущала нас газета «Новая жизнь», активно включившаяся в общий антибольшевистский фронт. Ответственным редактором этой газеты был Суханов, причисливший себя к лагерю прогрессивной интеллигенции.

По ведь в составе редакторов числится и А. М. Горький. Не раз мы задавали друг другу вопрос: «Неужели А. М. Горький совсем отошел от нас?»

Один из членов районного Совета однажды задал Ленину этот вопрос.

— Нет,— сказал Владимир Ильич,— Горький не может уйти от нас, все это у него временное, чужое, наносное, и он обязательно будет с нами.

Мы решили пойти к Горькому и поговорить с ним. Посоветовались об этом с Лениным.

— И хорошо сделаете, если пойдете и холку ему натрете,— ответил Владимир Ильич.

Ободренные этим разговором, мы решили немедленно отправиться к Горькому. И вот мы втроем — Иван Чугурин, я и кто-то еще из членов райсовета — отправились к Горькому. Явились мы к нему на квартиру на Кронверской улице вечерком как земляки.

Алексей Максимович принял нас очень радушно, усадил нас на большой, обитый черной кожей диван, сам сел в середине, положил нам на плечи свои длинные, с широкой ладонью руки, улыбнулся и заговорил ласково, любовно. Он упрекал нас в том, что мы, земляки, совсем забыли его. Мария Федоровна накрывала на стол.

В это время в передней позвонили. Это был корреспондент английской газеты, который просил о встрече с Горьким.

— Сегодня меня нет дома, я никого не принимаю. Сегодня у меня вечер встречи с товарищами большевиками,— сказал А. М. Горький. Он посмотрел на нас, улыбнулся и начал крепко хлопать по плечам, приговаривая: — Крепкие, черти, ни усталость, ни работа вас не берет.

Я с нетерпением ждал случая, когда можно будет заговорить с Алексеем Максимовичем по тем вопросам, по которым мы пришли к нему, и очень боялся, что нужного разговора не получится. Но разговор получился, и очень хорошо.

Беседуя с нами, Алексей Максимович в глубоком раздумье сказал: «Трудно вам, ребята, очень трудно».

— А вы, Алексей Максимович, нам не помогаете,— ввернул я словечко.

— Не только не помогает, а прямо по рукам бьет,— сказал Иван Чугурин.

— И что это ты, Алексей Максимович, связался с чужими людьми? Мы на тебя даже Владимиру Ильичу жаловались.

— Владимиру Ильичу жаловались? На меня?

— На тебя, Алексей Максимович, на тебя.

— Ну и что же Владимир Ильич? — спросил Алексей Максимович.

— Велел тебя хорошенько выругать да за чуприну потаскать.

Алексей Максимович рассмеялся.

— Ну, что ж, давайте, если Владимир Ильич сказал потаскать за чуприну, значит, есть за что. Он зря не скажет. Вот вам моя чуприна.— И он склонился, подставляя нам свою голову.

— Эх, ребята, ребята, какие вы хорошие, жаль мне вас. Поймите, вы в море, нет, в океане мелкобуржуазной крестьянской стихии — песчинка. Сколько вас, вот таких крепких большевиков? Горсточка. Вы в жизни, как жирная капля в море, тоненькая, тоненькая пленочка, легкий ветерок дунет, и она разорвется.

— Вы, Алексей Максимович, зря это говорите.

Приезжайте к нам, в Выборгский район, посмотрите: было 600 большевиков, а теперь тысячи.

— Тысячи, но сырые, не подкованные, а в других городах и этого нет.

— То же самое, Алексей Максимович, происходит и в других городах и в деревнях, классовая борьба усиливается всюду.

— Вот за это я вас и люблю, за эту вашу крепкую веру, но поэтому я и боюсь за вас... Погибнете, и тогда на сотни лет все будет отброшено назад. Страшно подумать.

— А вы не бойтесь, пойдемте вместе с нами за Владимиром Ильичем.

— Владимир Ильич — величайший человек, но многие этого еще не понимают. Ему нужно верить, за ним нужно идти.

— Алексей Максимович, а у нас к вам просьба.

— Какая? — оживляясь, спросил он.

— Снимите вы свое авторитетное имя, которое знают не только у нас, но и за границей и к которому очень многие прислушиваются, с газеты «Новая жизнь». Ведь это же не «Новая жизнь», а какая-то меньшевистско-эсеровско-кадетская стряпня, только пожиже.

— Не обещаю, но подумаю... Я знаю, что политик я плохой, я литератор.

— Вот, вот, Алексей Максимович, как писателя, художника,

психолога человеческих душ мы вас очень любим, а как политик вы на нас нагоняете тоску, уныние, даже обиду.

— Не буду, не буду, ладно.

— Алексей Максимович, приезжайте вы к нам в район. Подышите настоящим, свежим, здоровым политическим воздухом, посмотрите на наши большевистские дела, послушайте наших рабочих, работниц. Ведь писать надо обо всем этом, а некому...

— Приеду, обязательно приеду, вот только с делами немного разделаюсь и приеду. Ты мне об этом, Мария Федоровна, напомни.

— Ладно, напомню, а теперь садитесь чай пить, будет вам спорить.

За чаем поговорили о литературных новинках, о театре, о Шаляпине. Алексей Максимович обещал Шаляпина как-нибудь затащить к себе, пригласить нас и побеседовать с ним. Мы пожаловались ему на Шаляпина. Ходили к нему, приглашали через Марию Федоровну в район к нам; обещал, а не пришел.

— Вот мы ему тут шею и намылим,— сказал Алексей Максимович.

Прошло недели две, и мы снова у Алексея Максимовича в том же составе. Были в центре города и заехали к нему после обеда, но на этот раз мы застали здесь Суханова и сормовского меньшевика по кличке Лопата, и разговор принял сразу острую, дискуссионную форму. Алексей Максимович опять ссылался на мелкобуржуазное крестьянское море, тужил, что нас, старых большевиков-подпольщиков, мало, что партийная молодежь неопытна. Суханов и Лопата (Десницкий, профессор Ленинградского университета) старались все эти рассуждения Алексея Максимовича подкрепить фактами. Они утверждали, что говорить о пролетарской революции в такой отсталой стране, как Россия, может только сумасшедший. Мы решительно протестовали. Говорили, что они под ширмой всенародной бесклассовой демократии защищают диктатуру буржуазии.

— Да поймите же вы, что в нашей, крестьянской стране иначе и быть не может,— кипятились Суханов и Лопата.— В этом вся наша трагедия. Крестьянство нас задавит.— И опять цифры, цифры и цифры...

Во время этого спора Алексей Максимович подошел к выходящему на улицу окну, а потом быстро подошел ко мне, схватил за руку и потащил к окну.

— Смотри,— со злом и обидой в голосе проговорил он. То, что я увидел, действительно было возмутительно. У клумбы цветов, на низко подстриженной зеленой траве, расселась группа

солдат. Они ели селедку, а все отходы бросали в цветочную клумбу.

— Вот и в народном доме так: полы натерты воском, по углам и у колонн поставили плевательницы, а посмотрите, что они там делают,— со скорбью сказала Мария Федоровна, которая заведовала народным домом.

— Вот с этим народом большевики и собираются творить социалистическую революцию,— ехидно произнес Лопата.— Учить, воспитать народ надо, а потом уже делать революцию.

— А кто ж учить и воспитывать их будет, буржуазия, что ли? — спросил кто-то из нас.

— Ну, а как вы хотите? — уже улыбаясь, спросил Алексей Максимович.

— А мы хотим иначе,— ответил я.— Вперед буржуазию свергнуть, а потом людей воспитывать. Настроим свои школы, клубы, народные дома.

Возражая, Суханов опять взялся за свои цифры. Я перебил его.

— Ваши цифры — мертвечина, они оторваны от жизни, от людей. Возьмите цифры Владимира Ильича, ну хотя бы в его труде «Развитие капитализма в России», их там уйма. И все они какие-то живые, настоящие, зовущие на борьбу. А у вас все строится на безжизненных цифровых выкладках о количестве паровозов, вагонов, пароходов, станков и других машин. Отсталая страна, говорите вы, а кто же сделает так, чтобы паровозов, вагонов, пароходов, станков и других машин было много? Буржуазия, что ли? Не буржуазия, а мы все это будем делать, и страна наша не будет отсталой.

— А знаете, мне этот спор нравится,— сказал Алексей Максимович,— право, нравится. На цифры должны действовать люди, а на людей будут действовать цифры. Это хорошо.

— Но это невыполнимо,— заявил Лопата.

— Для вас невыполнимо, а для нас выполнимо,— ответил я.

— А ведь выполнят, черти! А? — сказал Алексей Максимович.

— Обязательно выполним,— горячо отозвался кто-то из нас, — и вам же хуже будет.

— Ого! Угрожаете. Каким же образом нам хуже будет? — смеясь, спросил Алексей Максимович.

— А таким. С вами или без вас мы под руководством Ильича свое дело сделаем, а вас потом спросят, где и что вы делали, когда нам трудно было?

— А, пожалуй, спросят, и обязательно спросят,— задумчиво произнес А. М. Горький.

— Довольно вам спорить,— сказала Мария Федоровна,—

давайте чай пить. Завтра я у вас в районе буду.

— Вы-то, Мария Федоровна, часто у нас бываете, а вот Алексей Максимович все только обещает,— сказал я.

— Приеду, обязательно приеду, а то боюсь, что вы меня в меньшевики, в эсеры, а то и в буржуи запишете.

— А это от вас зависеть будет. Вот Владимир Ильич нас заверил, что вы с нами.

— А куда мне от вас деваться, вместе родились, вместе выросли, вместе и умирать будем, а что я немного ругаюсь, так это ничего.

Поздно вечером ушли мы от Горького и дорогой горячо обсуждали наш спор с Сухановым и Лопатой. Мы были твердо убеждены, что Алексей Максимович с нами, что все его сомнения в нашей правоте — явление временное.

После этого я еще несколько раз встречался с Алексеем Максимовичем, но встречи эти были уже после победы Октябрьской революции.

Районная дума, к выборам в которую мы готовились, не имела в нашем районе практического значения. Всю работу вел райсовет, но ликвидировать ее было нельзя, и допустить, чтобы в нее были избраны враждебные нам люди, было бы непростительной политической беспечностью.

Отказ от широкой предвыборной кампании, недооценка нашей агитационной работы, настроение «шапками закидаем» было очень опасно.

Большую работу против такого безответственного отношения к избирательной кампании вместе с другими большевиками-активистами провела Надежда Константиновна. Она же информировала обо всем этом Владимира Ильича.

В день выборов в районную думу В. И. Ленин обратился к рабочим Выборгского района со специальным открытым письмом, в котором писал:

> «Товарищи! Сегодня начинаются выборы в районную думу в вашем районе. Многие товарищи говорят: «В Выборгском районе мы сильны, здесь мы победим»... В избирательной борьбе нет ничего хуже беспечности и самообольщения... В Выборгском районе многие заводы стоят в своем большинстве на стороне нашей партии... На заводе «Новый Лесснер» мы имеем, например, несколько тысяч сторонников: все они должны стать агитаторами и организаторами на выборах... Мы должны победить в Выборгском районе. (Ленин)»[3].

В результате большой работы, которую провели в дни

подготовки и проведения выборов большевики района, рабочие послали в районную думу 85% большевиков к общему числу избранных.

Теперь в руках выборгских большевиков был не только районный Совет рабочих и солдатских депутатов, но и районная дума и районная продовольственная управа. Председателем районной думы стал старый большевик Л. М. Михайлов. Его заместителем и председателем продовольственной управы стал большевик Н. О. Кучменко. Аппарат продовольственной управы остался меньшевистско-эсеровским, и Кучменко взялся за изменение его. Он начал подбирать работников из среды партийцев и беспартийных рабочих, идущих за большевиками. И вскоре состав продовольственной управы был коренным образом изменен.

Продовольственная управа стала бесперебойно снабжать рабочих района хлебом. Хлеб выпекался из централизованных фондов муки в частных пекарнях. Его распределяли среди трудового населения района через частную торговую сеть под контролем инспекторов-общественников из среды рабочих и особенно работниц и домохозяек.

Продовольственная управа открыла большую сеть столовых при всех крупных фабриках и заводах района, прикрепила к этим столовым рабочих и работниц мелких предприятий, снабжала их овощами и другими продуктами, заготовленными на рынках столицы и за ее пределами.

Большую помощь районной продовольственной управе в деле снабжения заводских столовых оказывали заводские и фабричные комитеты. Они через свои продовольственные комиссии заготовляли мясо, жиры и другие продукты в глубинных пунктах страны и всякими правдами и неправдами доставляли в столовые.

Рабочая общественность, особенно работницы, домохозяйки всячески помогали районной продовольственной управе. Только им известными путями они находили припрятанные торговцами продукты.

Помню, в райсовет пришли два старика. Долго присматривались, переступали с ноги на ногу. Потом, обменявшись взглядами, подталкивая друг друга, подошли к председателю райисполкома Куклину и сообщили, что на барже, которая стоит на причале, недалеко от завода «Людвиг Нобель», и которую они стерегут, под дровами в мешках спрятаны сахар и сухие фрукты.

Вскоре мы отправились на баржу и разгрузили ее. Старики активно помогли нам.

— И дрова берите! — закричали они, когда мы, погрузив

сахар и сухие фрукты, хотели отъезжать.

Мы забрали и дрова, за что от Ивана Чугурина, заведующего коммунальным отделом района, получили благодарность.

С наступлением весны 1917 г. наша районная продовольственная управа развернула большую кампанию по организации индивидуальных и коллективных рабочих огородов на пустырях, дворах и окраинах района. Во главе этого дела стал беспартийный служащий почтового ведомства. Это был любитель-огородник, энтузиаст своего дела. Районная продовольственная управа обеспечила первых рабочих-огородников семенным картофелем и овощными семенами. Завкомы заготовили мелкий огородный инвентарь. И первая огородная кампания прошла удачно.

Рабочие и столовые, которые тоже имели свои огороды, осенью сняли обильный урожай картофеля и овощей. Костлявая рука голода была нам уже не страшна. Но не надо думать, что работа в нашей районной продовольственной управе шла совершенно гладко. Во-первых, ей пришлось столкнуться с городской продовольственной управой, аппарат которой состоял главным образом из меньшевиков и эсеров, старавшихся всячески умалить права нашей районной продовольственной управы. Товарищу Кучменко постоянно приходилось с ними воевать и брать, что полагалось для района, с боя. Если это не удавалось, Кучменко заявлял:

— Не дадите — не надо, я сейчас еду в район и пришлю к вам работниц и домохозяек нашего района, они с вами тут поговорят по-своему.

Зачастую эта угроза действовала. Но пользовался этим методом воздействия Кучменко только в исключительных случаях.

Неплохо работал под руководством Ивана Чугурина и коммунальный отдел. В районе действовали водопровод, канализация; рабочие дома бесперебойно снабжались топливом.

Большую и плодотворную работу в районе вела Надежда Константиновна Крупская. Она руководила комиссией по оказанию помощи солдатам, культпросветработой и народным образованием. По культпросветработе ею была создана комиссия, в состав которой входили и члены райсовета, и представители заводских культкомиссий, и активисты из населения района. Одним из активных членов этой комиссии был К. М. Кривоносов, член райсовета от рабочих завода «Старый Парвиайнен» и председатель его культкомиссий. Активно участвовала в работе комиссии жена А. М. Горького Мария Федоровна. Между Советом и думой в нашем районе не имелось больших противоречий. Это

было потому, что во главе обеих организаций были большевики. Отделы думы больше тяготели к райсовету, чем к районной думе, но это не огорчало ее председателя товарища Михайлова. Он прекрасно понимал, что будущее не за думой, а за-Советами. Вообще же отношения между Советами и думами, между большевиками и меньшевиками, между Временным правительством и Советами с каждым днем обострялись.

Как выборжцы охраняли квартиру Ленина

Большевики боялись за жизнь Ленина. И в конце мая 1917 г. по заданию Петроградского комитета Выборгский райком партии организовал для личной охраны товарища Ленина небольшой отряд из надежных партийцев и комсомольцев — рабочих завода «Старый Парвиайнен». В состав этого отряда входили Александр Петрович Ефимов (погиб на Пулковских высотах, под Ленинградом, в период Великой Отечественной войны), братья Михаил и Василий Васильевы, Кузьма Кривоносов, Митьковец, Александр Бубнов и с другого предприятия района в отряд входила комсомолка Эльза, фамилии ее я не помню.

В. И. Ленин в это время жил на Петроградской стороне, в доме № 48 по Широкой улице. Наши ребята зорко следили за тем, что происходило в этом доме и в домах, расположенных поблизости. Особенно тревожило их, что в доме, где жил Ленин, нижний этаж казался необитаемым, окна были заклеены, но в то же время по вечерам туда частенько заходили какие-то люди. Об этом было сообщено в Выборгский райком партии. Тогда отряду было дано задание без особого шума заглянуть в эту часть дома и произвести обыск. Наши ребята нагрянули, обыскали, но ничего подозрительного не нашли. Правда, они обнаружили там одного человека, но оказались настолько неопытными разведчиками, что отпустили его, даже не проверив документов. Когда в райкоме партии их выругали за это, они были страшно смущены и клялись в другой раз такой глупости не допускать.

Вечерами В. И. Ленин иногда выходил на улицу и торопливой походкой шел в редакцию газеты «Правда». Там он частенько засиживался, и ребята терпеливо ждали его на улице. Проводив его до дома, они оставались на посту и зорко следили за всем, что делалось вокруг. Всю работу по охране Ильича они проводили втайне от Ильича. Секретарь нашего райкома Егорова специально предупреждала товарищей, охранявших Ленина, чтобы они не смели показываться ему на глаза. «Заметит,— говорила она,— крепко попадет и вам и райкому». Большую тревогу переживали наши товарищи в то время, когда Ильич уезжал куда-нибудь на машине, а уезжал он часто. Все более острой становилась борьба между большевиками и меньшевиками, все сильнее проявлялись разногласия по вопросам о путях развития русской революции. Меньшевики и эсеры были господами положения в Петроградском Совете, а за их спиной орудовали и закрепляли свои позиции буржуазия, помещики. На заводах Питера одни митинги сменялись другими.

Меньшевики, эсеры клялись перед рабочим классом в верности революции. Они заявляли, что поддерживают стоящую у власти буржуазию только потому, что она «выполняет» их волю. Многие рабочие и солдаты еще верили меньшевикам и эсерам. Нужно было систематически разоблачать их предательскую политику. Местные члены партии не в силах были справиться с этим напором мелкобуржуазной стихии и обращались за помощью в Петроградский и Центральный комитеты. Иногда рабочие-большевики обращались прямо к Владимиру Ильичу с просьбой приехать на их завод и дать отпор обнаглевшим меньшевикам и эсерам. И Ленин ехал, а наши «сухопутные» охранники оставались у дома Ильича и с тревогой ждали его возвращения. Они прислушивались к каждому шороху. Шум, напоминающий ход легковой машины, оживлял их, и они, переглядываясь, говорили друг другу: «Едет». Иногда они угадывали. Машина подъезжала, останавливалась перед домом, из нее выходил Владимир Ильич и быстро шел к себе домой. Наши охранники облегченно вздыхали.

Об этой охране знала Мария Ильинична; командир отряда Ефимов был у нее частым и желанным гостем. За чашкой чая она вела с ним беседы по политическим вопросам. Все шло хорошо, но вскоре Владимир Ильич раскрыл их секрет. Как-то вечером, в воскресенье, когда секретарь парткома Шуняков и руководитель отряда Ефимов были у Марии Ильиничны, зашел Владимир Ильич. Узнав в разговоре, что оба они с Выборгской стороны и с одного и того же завода, он, прищурив глаза, в упор спросил:

— Ну-ка, выкладывайте, почему вы, как я заметил, частенько вертитесь около нашего дома? Не иначе, охранять мою особу вздумали? Ты, Мария, конечно, с ними в заговоре?

Ребята растерялись, посмотрели на Марию Ильиничну, она на них, пришлось во всем сознаваться. Они всячески старались убедить Владимира Ильича, что охрана совершенно необходима. Он внимательно выслушал их и потребовал, чтобы они сказали секретарю своего райкома Егоровой, что она расходует силы на пустяки, на совершенно ненужное дело. Товарищи решительно запротестовали. Владимир Ильич поблагодарил их за заботу о нем, но охрану предложил снять. Но в данном случае требование Ильича не было выполнено. Охрана его была сохранена, но велась она более осторожно, и Владимир Ильич о ней ничего не знал.

Так продолжалось до самых июльских дней, когда буржуазия в союзе с меньшевиками и эсерами подавила рабочую и солдатскую демонстрацию и перешла в наступление на рабочий класс. Началась жесточайшая реакция. Разгромлены были большевистские газеты, началось разоружение красногвардейцев;

солдат, замешанных в революции, отправляли на фронт. Шли повальные аресты.

Утром 5 июля наши ребята видели, как торопливо, почти бегом, к дому, в котором жил Ильич, подошел товарищ Свердлов и быстро скрылся за калиткой. Ребята насторожились. Вскоре товарищ Свердлов вышел на улицу, осмотрелся, повернулся к калитке и махнул рукой. На улицу вышел Ленин. На нем был плащ, в котором пришел Свердлов.

Ребята встревожились. Как быть? Следовать за Лениным и Свердловым или остаться у дома и ждать? Решили: двое побегут в Выборгский райком партии с сообщением об уходе Ленина из дома, один пойдет вслед за Лениным, остальные останутся, будут ждать на месте. В райкоме партии товарищи получили распоряжение вернуться на свой пост и следить за всем тем, что будет происходить у дома Ильича. Вернулся и тот товарищ, который пошел следом за Лениным и Свердловым. Он решил, что своим сопровождением может только помешать Ленину и Свердлову, которые могли его заметить и принять за шпика. А это только затруднило бы их действия. Товарищи признали, что он поступил правильно. Все были убеждены, что на квартиру Ленина будет налет. Так оно и произошло. Поздно вечером 5 июля к дому нагрянула охранка Керенского и юнкера. Об этом было немедленно сообщено в райком партии. Все были уверены, что партия сумеет так скрыть Ильича, что никакие вражеские силы не сумеют его найти.

Охрана квартиры Ильича была уже не нужна, и пост был снят. Но тревогу за жизнь Ильича снять было нельзя. Ею наполнено было сердце каждого большевика.

Моя работа с Н. К. Крупской

Надежда Константиновна оставалась в Петрограде и вела работу в райсовете. Работы было много, и меня послали в помощь ей. Ленин находился в глубоком подполье, и о месте его пребывания знали лишь несколько человек. Агенты Временного правительства рыскали повсюду, пытаясь напасть на след Ленина. Буржуазия и лакействующие перед ней соглашатели всех мастей и оттенков в своих печатных органах подняли такую злобную клевету на Ленина, что даже Надежда Константиновна, видевшая виды, теряла душевное равновесие. Страх за Владимира Ильича выбивал ее из колеи. «Просто дело из рук валится»,— иногда жаловалась она. Я видел, что ей очень тяжело. То она сидит у письменного стола и не может ни за что взяться, то начинает ходить из угла в угол нашей рабочей комнаты. В который раз она спрашивает меня:

— Неужели народ поверит всему тому, что пишут о Ленине наши враги?

Я старался ее убедить в том, что народ не обманешь, что он многому за последние годы научился и его не так уж легко обмануть. Он сердцем чувствует, где правда и где ложь. Слишком много им пережито, выстрадано и продумано. Особенно тяжело восприняла Надежда Константиновна резолюцию военного оркестра, встречавшего Ленина у Финляндского вокзала. Эта резолюция была опубликована во всех антибольшевистских газетах. В ней говорилось о том, что музыканты военного оркестра не знали, что Ленин — германский шпион и ехал в Россию в запломбированном вагоне, и поэтому приняли участие во встрече его и что теперь они об этом сожалеют и отмежевываются от большевиков и от Ленина.

— Резолюцию эту писали, конечно, не музыканты, им ее подсунули и от их имени напечатали ярые противники большевиков.

Мне захотелось отвлечь Надежду Константиновну от тревоживших ее мыслей, не дававших покоя ни днем, ни ночью. И я без ее ведома пошел в среднюю женскую школу и сказал заведующей школой, что их намерена посетить Надежда Константиновна Крупская, которая заведует народным образованием в райисполкоме и районной думе.

А Надежде Константиновне я сказал, что меня очень просила заведующая средней женской школы, с которой я давно знаком, чтобы она посетила их школу, и что я ей обещал это устроить.

— Простите, Надежда Константиновна,— сказал я,— что без

вашего согласия я это сделал, но не подведите, старушка заведующая очень обидится, если Вы не придете. Она там какие-то сюрпризы с девочками готовит. Не знаю, поверила ли мне Надежда Константиновна, но она посмотрела на меня долгим вопросительным взглядом, улыбнулась и сказала:

— Хорошо, я пойду, только надо подготовиться.— И она принялась за дело. Спрашивала, меня, как имя и отчество заведующей, кого я знаю еще из преподавателей этой школы, что они собой представляют и пр. Я несказанно был рад, что удалось хоть несколько отвлечь ее от тягостных мыслей.

В день посещения школы Надежда Константиновна прочла мне конспект речи, которую она хотела произнести перед преподавателями и учащимися, и просила, не стесняясь, сказать ей свое мнение. Тезисы мне очень понравились. В них Надежда Константиновна ставила вопрос о задачах школы на современном этапе.

Школа встретила нас блеском чистоты. В большой аудитории школы в две шеренги были выстроены одетые в синие форменные платья и белые, как свежевыпавший снег, передники ученицы.

Заведующая торжествовала. Она от имени всего школьного коллектива приветствовала нас. Потом представила нам каждого преподавателя в отдельности. Затем, обратившись ко всем присутствующим, сообщила, что с ними будет говорить Н. К. Крупская, заведующая народным образованием Выборгского района, и что она просит всех быть внимательными.

Надежда Константиновна сказала несколько слов о значении Февральской революции, о задачах, которые перед школой и преподавателями ставило самодержавие и какие ставят большевики, призвала преподавателей и учащихся к тому, чтобы мобилизовать свои силы на помощь рабочему классу. Надежда Константиновна сказала и о том, что старая школа давала ученикам много ненужного, от чего следует теперь отказаться, но перед школой вместе с тем возник ряд новых задач, которые нужно проводить в жизнь.

Все это, видно, не очень понравилось заведующей. Она кусала губы, тревожно поглядывала на учениц, на преподавателей. Меня тревожила складывающаяся обстановка, и я искренне обрадовался, когда Надежда Константиновна сказала:

— Так трудно разговаривать, давайте соберемся в кружок и поговорим по душам.

Заведующая школой, хотя и видела в этом нарушение правил приема школой официальных лиц, не препятствовала этому, и девушки шумной, веселой гурьбой окружили нас. Тут же были и преподаватели. Завязалась интересная, оживленная беседа.

Надежда Константиновна осталась очень довольна посещением школы.

Вечером ко мне пришел товарищ Кривоносов. Он дал мне черносотенную газету «Вечернее время» и молча ткнул пальцем в фотоснимок.

Я взглянул. Ленин и Крупская сидят в легковой машине. Внизу надпись: «Большевистский вождь Ленин и его жена Крупская бегут за границу с награбленным золотом и другими ценностями, переезжают финляндскую границу».

Утром я показал снимок Надежде Константиновне.

— Гадость какая, ничем не брезгают. Посмотрите, совсем изолгались. Меня и Владимира Ильича в зимнее пальто в такую жару вырядили. Ну, да пусть врут, чем явнее ложь, тем хуже для них же самих.

Работа наша в области народного образования становилась все живее и разнообразнее. Мы часто посещали школы, организовывали загородные прогулки со школьниками и даже создали первую детскую площадку в районе, которая затем была преобразована в детский сад.

Во всей этой работе активное участие принимали работницы и домохозяйки района. Но главная заслуга во всей этой работе принадлежит Надежде Константиновне Крупской, которая вложила много труда в развертывание культурно-просветительной работы Выборгского райсовета в первые месяцы его существования.

Под лозунгом «Вся власть Советам!»

Вернемся несколько назад.

18 апреля 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства Милюков от имени Временного правительства заявил, что обязательства старой, царской России, взятые перед союзниками, останутся в силе.

Война до победного конца.

20 апреля Центральный Комитет большевистской партии призвал массы к выступлению с протестом против империалистической политики Временного правительства. На фабриках, заводах, в партийных организациях, в райсовете закипела работа большевиков и их сторонников. Шла подготовка к демонстрации. 20 и 21 апреля Большой Сампсониевский и Безбородкинский проспекты снова, как и в дни февраля, были залиты демонстрантами. Вышедшие на улицу рабочие и солдаты требовали опубликования тайных договоров. Они шли с лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!» Временное правительство пыталось пресечь демонстрацию, некоторые из военных командиров уже отдали приказ о расстреле демонстрации, но революционные солдаты отказывались выполнять его.

Под напором революционных рабочих и солдат из состава Временного правительства ушли два министра-капиталиста — Милюков и Гучков. Но там осталось еще десять капиталистов, к ним прибавили двух меньшевиков (Скобелева и Церетели) и двух эсеров (Чернова и Керенского). Правительство стало коалиционным. Часть рабочих и солдат поверила, что это «новое» правительство осуществит их требования. И все как-то стихло. Как будто в бурлящий котел пустили холодную струю. Только большевики твердо знали, что политика «нового» правительства останется прежней, и упорно продолжали готовить народные массы к социалистической революции. Шаг за шагом они продвигались вперед, завоевывая на свою сторону широкие массы трудящихся. 30 мая состоялась Петроградская конференция фабзавкомов. Три четверти делегатов были сторонниками большевиков. Это была большая победа. И таких побед было немало.

3(16) июня 1917 г. в здании кадетского корпуса на Васильевском острове открылся I Всероссийский съезд Советов. Большевиков на нем было немногим больше ста человек, меньшевиков, эсеров и других — 700—800. Большевики Выборгского и Василеостровского районов получили задание от

своих районных комитетов партии всякими правдами и неправдами проникнуть в здание кадетского корпуса, с тем чтобы вести среди делегатов разъяснительную работу. На съезд удалось проникнуть многим, в том числе и мне. Во время заседания мы увидели, что меньшевикам и эсерам время на выступления не ограничивают, а большевикам дают не больше 3—

5 минут. Мы подняли шум.

— Позор!

— Почему вы не даете высказаться большевикам?!

Делегаты, особенно приезжие из провинции, переглядываются, перешептываются, некоторые возмущаются нашим поведением, но все хотят знать, чего добиваются большевики.

4 июня я увидел в зале Владимира Ильича. Его окружили делегаты съезда. Одни с напряженным вниманием слушают его, другие иронически улыбаются.

Открылось заседание. Делегаты разошлись по местам. Владимир Ильич все свое внимание сосредоточил на выступлении оратора. Выступал министр Временного правительства заядлый меньшевик-оборонец Церетели. Он доказывал необходимость коалиции меньшевиков, эсеров с кадетами, потому что Февральская революция является буржуазно-демократической революцией, и иной, другой революции в данное историческое время в России нет и быть не может и что в России нет такой политической партии, которая могла бы сказать: «Дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место».

Тут Владимир Ильич, все время внимательно слушавший оратора, подскочил, протянул вперед к трибуне руку и громко сказал:

— Есть такая партия! Это партия большевиков.

В зале поднялся шум. Мы, большевики, и многие сочувствующие нам бурно, радостно аплодируем. Церетели обрывает свою речь.

Выступает Ленин. Он раскрывает перед делегатами сущность Временного правительства и со всей силой своего логического мышления доказывает необходимость перехода всей государственной власти в руки Советов. В этом он видит выход из империалистической войны и надвигающейся на нас экономической катастрофы. В силу сложившегося исторического развития революции в России эту власть в настоящее время можно взять без единой жертвы со стороны пролетариата и трудового крестьянства. Надо идти к социалистической революции.

После ленинской речи уже не мы искали тех делегатов

съезда, с которыми хотели поговорить по душам, а они стали искать нас, большевиков. И теперь уже многие из делегатов вместе с нами стали требовать, чтобы большевикам не зажимали рот. А это уже много значило.

В районах Петрограда идет подготовка к массовой демонстрации, цель которой состоит в предъявлении требований съезду Советов. Меньшевистско-эсеровский Петроградский Совет решил использовать готовящуюся демонстрацию в своих целях и назначил ее на 18 июня (1 июля). Он хотел провести ее под антибольшевистскими лозунгами.

Большевики развернули энергичную работу по подготовке к демонстрации, с тем чтобы провести ее под большевистскими лозунгами. И. В. Сталин выступил в газете «Правда» со статьей, в которой писал, что «наша задача — добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами».

18 июня 1917 г. на Марсовом поле, возле могил жертв Февральской революции, началась демонстрация. Первыми выступили трудящиеся Выборгского района. Они шли с лозунгами: «Долой войну!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» За выборжцами с теми же лозунгами шли и другие районы столицы. Меньшевикам и эсерам не по себе: их попытка превратить демонстрацию в антибольшевистскую и провести ее под своими лозунгами провалилась. Но они делают вид, что ничего не случилось.

В тот же день, 18 июня (1 июля) 1917 г., по приказу коалиционного Временного правительства русская армия перешла в наступление. Буржуазия рассчитывала, что в случае победы на фронте ей удастся захватить всю власть в свои руки и покончить с большевиками, а в случае поражения — взвалить вину на большевиков.

Наступление провалилось, но свалить вину на большевиков правительству не удалось. Рабочие и солдаты знали настоящих виновников. Чаша терпения переполнилась, и в нашем Выборгском районе 3(16) июля стихийно началась демонстрация. Застрельщиком этой демонстрации оказался 1-й пулеметный полк, на который такие большие надежды возлагало Временное правительство. В момент возникновения этой демонстрации я сидел в большом зале дворца Кшесинской и вместе с представителями других районов столицы ждал приезда Михаила Ивановича Калинина, который должен был выступить здесь с докладом по текущему моменту.

Когда началась демонстрация, Литейный мост по указанию Временного правительства и военных властей города был

разведен. Рабочие и революционные войска нашего района двинулись на Невский проспект через Малый Сампсониевский мост. Волна демонстрантов докатилась до дворца Кшесинской и у Троицкого моста и

Петропавловской крепости залила Каменноостровский проспект. Сидеть не было никаких сил. Уйти тоже невозможно. Из района нас послали прослушать выступление Михаила Ивановича Калинина и обязательно потребуют отчета. Волнуемся, шумим, требуем сказать, будет ли Михаил Иванович. Оказывается, что Михаила Ивановича не будет и нам дано указание влиться в состав демонстрантов и все сделать для того, чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Подталкивая друг друга, выбегаем на улицу. Головная часть демонстрации уже на Троицком мосту. Нас около трехсот человек. Быстро перегоняем колонну, строимся по восемь человек в ряд и становимся во главе демонстрации. К Невскому подошли организованным порядком и без всяких эксцессов к вечеру вернулись в район. В других районах не удалось избежать столкновения с юнкерами и солдатами, поддерживающими Временное правительство. Демонстранты были разогнаны вооруженной силой. Имелись убитые и раненые. Временное правительство отодвинуло Советы на задний план и всю власть взяло в свои руки.

Конец двоевластию

Период двоевластия кончился. Начался разгул реакции. Ночью в наш Выборгский район прибыл отряд юнкеров и стал громить клуб рабочих завода «Людвиг Нобель». Мы быстро прибыли к месту погрома и разоружили юнкеров. Под конвоем красногвардейцев мы водворили их в милицейский участок на Большом Сампсониевском проспекте. Когда наутро буржуазия узнала, что целый отряд юнкеров попал в плен к большевикам Выборгской стороны, она подняла страшный вой. Большевики, видите ли, забрали ни в чем не повинных мальчиков. Всполошились меньшевики и эсеры. В райсовет идут гонец за гонцом, прибывает машина за машиной, требуют освобождения юнкеров, возмущаются, что их сынков, будущих господ офицеров, держат взаперти.

Из Смольного тоже звонят и спрашивают, когда будут освобождены юнкера.

— Когда будут покрыты убытки, нанесенные клубу рабочих завода «Людвиг Нобель».

— Это возмутительно! Это безобразие! — кричат заступники этих громил.

— А бить, ломать, хулиганить — не безобразие? — отвечаем мы.

Наконец получаем сообщение: Петроградский Совет и Временное правительство берут на себя обязательство восстановить клуб рабочих завода «Людвиг Нобель». От Центрального Комитета нашей партии мы получили указание освободить юнкеров. Под конвоем вооруженных красногвардейцев мы вывели их на середину Малого Сампсониевского моста и отпустили, предупредив, чтобы они не смели показываться в нашем районе. Юнкера перебежали на свою сторону и начали палить в красногвардейцев камнями. Красногвардейцы навели на юнкеров винтовки, и они разбежались. Таким образом, хоть власть и оказалась целиком в руках буржуазии, хозяевами положения в рабочих районах, в частности на Выборгской стороне, остались рабочие, руководимые большевиками.

Оценивая события июльских дней, ЦК партии большевиков в своем обращении к рабочим и солдатам писал:

> «Мы звали вас вчера на мирную демонстрацию. Мы ставили ее целью показать всем массам трудящихся и эксплуатируемых силу наших лозунгов, их вес, их

значение,

их необходимость для освобождения народов от войны,

от голода, от гибели. Цель демонстрации достигнута.

Лозунги передового отряда рабочего класса и армии

показаны внушительно и достойно... Выждем развития

кризиса дальше. Будем продолжать готовить свои силы.

Жизнь за нас, ход событий доказывает правильность

наших лозунгов».

7 июля, подводя итоги июльского выступления пролетариата и частей гарнизона, Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов в своем постановлении писал:

«Товарищи! События последних дней в Петрограде нарушили жизнь нашего революционного района и внесли тревогу в наши ряды. Темные силы контрреволюции напрягают все усилия, чтобы оклеветать недавнее выступление на улицу рабочих и революционного гарнизона.

Явные и тайные наши враги, враги пролетариата и всей демократии бросают семена ядовитой лжи и гнусной провокации. Они старались расстроить ряды демонстрантов 4 июля провокационными выстрелами. Потом они открывали провокационную стрельбу по солдатам, прибывающим в Петроград с фронта. Все эти дни обливали грязью партию революционного пролетариата. Они пустили ложные слухи и бесстыдно клеветали и клевещут на отдельных вожаков рабочего класса, которые годы отдали тюрьме и ссылке и не щадили своей жизни.

Наши классовые враги — капиталисты и помещики. Они богаты и организованны. Они не пожалеют средств... на то, чтобы сеять рознь между рабочими и солдатами. Они — опора контрреволюции. Они питают гнезда провокации. Но мы знаем, товарищи, и своих друзей. Обездоленные и угнетенные рабочие и крестьяне всего мира — вот наши друзья. Мы знаем и свой завет: в единении сила. У нас есть вера в то, что свое освобождение рабочий класс возьмет в свои мозолистые руки. На клеветнические обвинения рабочих мы можем ответить примером нашего революционного района, где

ни разу за все последние тревожные дни не было ни провокационной стрельбы, ни позорных погромов и насилий над гражданами.

На новый поход наших врагов мы ответим сплочением своих сил под красным знаменем революционного социализма и позовем вместе с нами всех рабочих, солдат и крестьян-бедняков. К нам прибыли теперь с фронта страдальцы капитала, которые брошены царской властью в союзе с капиталистами в братоубийственную войну.

Но это наши братья и члены нашей рабочей семьи. Наша обязанность привлечь их в наши ряды. Нам нужен крепкий союз рабочих и революционных солдат.

Долой ложь и клевету врагов освобождения народа!

Да здравствует братское единение рабочих, солдат и крестьян-бедняков всего мира!

Районный Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгской стороны»[4].

После июльских дней наша партия ушла в подполье. Она стала накапливать силы для вооруженного восстания. Теперь только силой оружия можно было установить Советскую власть.

Временное правительство старалось закрепить свои позиции. Оно начало выводить революционные войска из Петрограда с тем, чтобы вместо них ввести такие воинские части, на которые оно могло бы опереться. Районный Совет рабочих и солдатских депутатов еще в апреле обсуждал на своем заседании вопрос о выводе революционных войск из Петрограда и вынес следующее постановление:

«Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов, обсудив заявление представителя от Московского полка т. Смирнова об отправке маршевых рот на фронт из состава Петроградского гарнизона, находит, что поднятая кампания отправки маршевых рот ополчения есть поход буржуазии против петроградских рабочих. Цель этой кампании — ослабить революционные силы Петрограда. Серьезной помощи Петроградский гарнизон по своей малочисленности по отношению миллионной армии на фронте оказать не может. А поэтому все доводы за отправку не выдерживают серьезной критики ввиду проявления контрреволюционной деятельности в некоторых местностях, а также сильного натравливания буржуазной печати; ряд фактов указывает на то, что темные силы

> реакции не дремлют: арестовываются агитаторы, делаются попытки освободить арестованных городовых. Ввиду этого Совет рабочих депутатов Выборгского района считает отправку маршевых рот из Петроградского гарнизона преждевременной и предлагает Центральному Совету рабочих и солдатских депутатов немедленно принять соответствующие меры, дабы не ставить отдельные части перед вопросом о посылке на фронт к разрозненным действиям в частях»[5].

В наш район вскоре прибыла казачья часть. Ее передовой отряд в ожидании подхода остальных расположился на отдых в тени у Михайловского артиллерийского юнкерского училища. Чугурин, Кривоносов и я решили прощупать настроение казаков.

Подходим к двум сидящим на свернутых походным порядком шинелях, здороваемся. Отвечают коротко, сухо, разговор не вяжется. Подходит крепкий плечистый рослый бородач, спрашивает:

— Вы кто будете?

— Члены президиума районного Совета рабочих и солдатских депутатов.

— Документы есть?

Показываем документы. Долго вертит, рассматривает, потом говорит:

— Возьмите. Что ж это вы, советчики, беспорядок у себя в районе допускаете?

— У нас беспорядка нет, наоборот, полный порядок.

— Какой же это порядок,— поднимаясь, говорит молодой казак,— когда у вас буржуи-коммунисты бесчинствуют.

— Мы им, вашим буржуям-коммунистам, живо шею сломим, у нас шутки коротки.

Было ясно, что казаков специально накачивали перед отправкой в Питер и что они настолько политически неграмотны, что даже такая грубая брехня, как бесчинствующие буржуи-коммунисты, была принята ими за истину.

— Да у нас в районе нет буржуев-коммунистов,— сказал я.

— Рассказывай, нет,— говорит бородач и испытующе смотрит на нас.— А, может, вы тоже с ними? А?

— Что ты, с буржуями. Нет,— отвечаем.— Мы сами против них.

— То-то,— успокаиваясь, говорит казак,— а то — «нету». Мы их всех переловим, не зря нас с фронта сняли.

Толкаю легонько в бок Чугурина, даю понять, что надо

уходить. А то вдруг кто-нибудь крикнет: «Эй вы, коммунисты, что там делаете?» — и пропадешь ни за что. Товарищи поняли меня, и, перекинувшись с казаками еще одной-двумя фразами, мы ушли.

Через месяц казачья часть была нами настолько распропагандирована, что Временное правительство ее отозвало, а к нам в район прислало другую, более надежную. Но и эта часть подверглась нашей обработке. К октябрю в ней была уже хорошо сколоченная и неплохо политически подготовленная партийная ячейка большевиков.

На VI съезде партии

В конце июля — начале августа 1917 г. в Выборгском районе в нелегальных условиях в течение нескольких дней работал VI съезд РСДРП (б). Мы с напряженным вниманием следили за его работой. Охраняли его от постороннего глаза. Несколько раз на заседании Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов района мы слушали информацию о ходе его работы и на одном из таких заседаний единодушно приняли следующее коротенькое приветствие съезду:

> «Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района шлет представителям последовательной революционной социал-демократии Всероссийскому съезду свой товарищеский привет. Совет надеется, что съезд соединит в единую трудовую революционную пролетарскую армию рабочих и крестьян и поведет ее к торжеству свободы и социализма.
>
> *Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района.*
>
> *Петербург 11 августа 1917 г.»*

На одно из вечерних заседаний съезда я получил гостевой билет. В помещение, где происходил съезд, я вошел с волнением. Я знал, что Ленина на съезде нет,— он руководит им из глубокого подполья,— но я знал и то, что встречу тут других старых членов партии, соратников Ленина.

В передней накурено. Стоят и сидят делегаты, оживленно вполголоса обсуждают работу съезда. Захожу в зал заседания. Ни лозунгов, ни плакатов, ни портретов. На подмостках длинный — красным сукном покрытый стол, за ним несколько простых венских стульев. За столом товарищи Сталин, Свердлов и еще кто-то третий. На трибуне делегат Закавказской партийной организации. Он делает отчет о работе закавказских большевиков и жалуется на огромные трудности работы в Закавказье. Он говорит, что это страна мелкобуржуазного капитала, что это цитадель оппортунизма и ликвидаторства в прошлом и оборончества в настоящем. Февральская революция застала их, большевиков, в тюрьме.

— Выйдя из тюрьмы, мы с места в карьер взялись за работу,— говорит он.— Сейчас среди рабочих у нас 2675 большевиков.

Тифлис — это штаб Кавказского фронта. В Тифлисе сейчас находятся войска, 80 тысяч штыков и сабель, и мы отлично понимаем, что победит тот, в чьих руках будет эта военная сила. Мы двинули все свои силы в эти войска, но нам не легко вести там работу.

Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов Тифлиса состоит из оборонцев. Наша большевистская газета «Кавказский рабочий» не дает им покоя. Вот уж несколько раз Исполком пытался ее закрыть, и только потому, что наша газета стала любимой в нашем крае. Но мы не унываем. Мы собираем митинги по 25—30 тысяч человек солдат и рабочих, и, несмотря на бешеную травлю оппортунистов всех мастей, наши резолюции принимаются абсолютным большинством.

Я слушаю и смотрю на возбужденные лица товарищей, они очень скупы на похвалу, на аплодисменты. Товарищ Сталин не спускает глаз с докладчика, он то улыбается, то смотрит с холодной строгостью, как будто боится, что докладчик вот-вот на чем-нибудь сорвется и это ему будет очень неприятно.

Рядом со мной сидит Серго Орджоникидзе. Он весь поглощен докладом и, как видно, всем своим существом переживает горести и радости революционной работы закавказских товарищей. Внимательно слушают докладчика и другие делегаты съезда.

Заседание закрылось в 10 часов вечера. Делегаты и гости расходились не торопясь, по два-три человека. Находящиеся в зале оживленно обменивались мнением о проделанной и предстоящей работе.

Враги и друзья

В Мариинском театре шло Всероссийское демократическое совещание, созванное Временным правительством. Это «соломинка», за которую хватается обанкротившееся коалиционное правительство. Представляю себе, с какой театральной позой выступает Керенский; как бьют себя в грудь и клянутся в верности народу и революции Чернов, Авксентьев; с какой кошачьей повадкой и елейным смирением говорит Чхеидзе; с каким воинственным азартом мечет громы и молнии против большевиков и всех инакомыслящих, непокорных меньшевикам, похожий по внешнему виду на Дон Кихота Церетели. Мы быстро мчимся вперед. Пронеслись по Литейному проспекту, выскочили на Невский и свернули направо. Вдруг колесо машины попадает между трамвайных рельс и застревает. Шофер вертит руль направо, налево, колесо выскакивает, и машина налетает на трамвайный столб. Удар не сильный, но мотор заглох.

Со всех сторон нас окружили любители поглазеть.

— Господа, смотрите, смотрите,— вдруг раздается чей-то голос,— как они обращаются с народным добром.

Я оглянулся. Это был молодой, элегантно одетый господин. Его с разных сторон поддерживают.

— Давно вы, господин, радетелем за народное добро стали? — обращаюсь я к зачинщику начавшегося шума.— Наверно, с тех пор, как у вас эту машину отняли.

В толпе раздался смех. Но элегантно одетый господин не унимался. Он подошел к нам вплотную и мешает шоферу исправлять машину.

— Отойдите,— говорю я господину,— не доводите до греха.

— Что же это такое, он еще угрожает! На фронт его, негодяя, надо отправить.

— А ты сам-то, с такой рожей, почему сидишь в тылу? — спрашивает кто-то господина.

— Не берут меня, не берут,— с пеной у рта шипит господин.

— Не берут? — раздается сзади толпы чей-то громкий голос. — А ну-ка, расступись!

Толпа дрогнула, расступилась. Подошли вооруженные винтовками матросы, и один из них спрашивает господина:

— Не берут, говоришь. Пойдем с нами. Мы попросим, и тебя возьмут.

— Господа, что же это? — орет насмерть перепуганный господин.

— Мы давно уже стоим, слушаем тебя, молодчик, видим, что

ты так и рвешься на фронт. Вот и решили помочь тебе попасть туда.

Чем все дело кончилось, я не знаю. Мотор застучал, и мы сели в машину. Но не успели мы тронуться, как к нам подошли товарищи из нашего района и, узнав, что мы едем в Мариинку, сказали, что мы уже опоздали и там нечего делать. Совещание закончилось выбором предпарламента. Большевики в выборах его не участвовали. Товарищи сели с нами в машину, и мы поехали к себе в район.

В дни Октября

Рабочий класс Петрограда, застрельщик Февральской революции, идя под лозунгами большевиков, прекрасно понимал, что для победы над буржуазией ему необходимо вооружение. И он использовал все для приобретения оружия. На складах большевистских подпольных организаций можно было увидеть все, начиная от старого дробовика и кончая трехлинейной винтовкой и даже пулеметом. Вооружались рабочие и индивидуально, кто чем мог и кто как мог. Они использовали для этого оружие, которое отбирали у жандармов, тюремных надзирателей, городовых и пр. Старые и молодые рабочие, женщины и девушки создавали вооруженные отряды и проходили военную подготовку.

Начальниками этих заводских отрядов чаще всего были сами же рабочие, лучше других знающие военное дело. По обмундированию эта воинская сила рабочего класса была так же пестра, как по вооружению и по возрасту. Объединяло всех одно — смертельная ненависть к классовым врагам, угнетателям.

Большевистская газета «Правда» в передовой статье, от 5(18) марта 1917 г. писала:

> «Пролетариат должен помнить, что только с оружием в руках он может упрочить свои завоевания и довести дело революции до конца. Задачей момента является образование пролетарской и демократической гвардии, которая вместе с революционными войсками в нужный момент могла бы защищать завоевания революции... Итак, товарищи, создавайте кадры пролетарской и демократической гвардии!» Меньшевики смотрели на это дело иначе. Их «Рабочая газета» из кожи лезла вон, чтобы доказать, что рабочему классу нет никакой необходимости создавать свою вооруженную милицию или гвардию, когда имеется армия, и что организация особой вооруженной силы рабочего класса есть злостная выдумка «ленинцев». Но на рабочих эта меньшевистская агитация мало влияла. Они отлично понимали необходимость вооружения и вооружались, кто чем мог. Большую помощь в вооружении и военной подготовке оказывали рабочим наиболее политически зрелые солдаты. Солдат инженерного батальона первой саперной роты Гавриил Забродин, обращаясь к рабочим, писал: «Все рабочие теперь же вооружайтесь. У вас нет

винтовок? Вооружайтесь дробовиками, маузерами, берданками, винчестерами. Товарищи, солдаты с вами, а вы найдете два часа в день для того, чтобы пройти необходимую военную школу... И мы с гордостью и любовью будем смотреть на вас, верить вам и надеяться на вас»[6]

Большую роль сыграли рабочие отряды в укомплектовании милицейских кадров. Когда Исполнительный комитет Выборгского района обратился к ним за помощью при организации милиции, они дали для района начальника милиции, его двух помощников, начальников для подрайонов и участков, а также укомплектовали почти весь рядовой состав милиционеров, на которых была возложена охрана общественного революционного порядка в районе.

За собой гвардейцы оставили охрану революционных завоеваний и военную подготовку рабочих. Временное правительство не раз пыталось найти повод для разоружения рабочих, но это ему не удавалось. Оно не осмеливалось применить решительных мер против рабочих, так как боялось их. Фабриканты и заводчики наседали на Временное правительство, требуя ликвидации вооруженных рабочих отрядов. «Вооруженная сила нам совершенно не нужна,— кричали они,— и мы отказываемся платить ей жалованье».

Владимир Ильич придавал громадное значение вооруженной рабочей милиции. Он говорил: *«Введение рабочей милиции, оплачиваемой капиталистами, есть мера, имеющая огромное — без преувеличения можно сказать: гигантское, решающее — значение, как практическое, так и принципиальное. Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее невозможно, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране»*[7].

Следуя указанию В. И. Ленина, мы всемерно укрепляли рабочие отряды. Вооруженные рабочие отряды не имели еще определенного названия, и этот вопрос возник у нас на заседании президиума Выборгского райсовета. Газета «Правда» называла их Пролетарской гвардией, мы — Рабочей милицией. Райсовет решил называть их Рабочей гвардией. Но сами рабочие назвали свои отряды Красной гвардией. Это название за ними впоследствии и привилось. Мы взялись за выработку проекта основ и устава Рабочей гвардии, составили план ее работы и все это рассмотрели на заседании президиума райсовета.

В первых числах мая 1917 г. вопрос об основах организации

Рабочей гвардии был поставлен на утверждение пленума районного Совета рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики, эсеры подняли вой:

— Есть Временное революционное правительство! Есть революционная армия! Это будет армия в армии, а мы — правительство в правительстве; это неизбежно приведет нас к гражданской войне! К ненужному кровопролитию! Мы протестуем!

Вопреки яростному сопротивлению меньшевиков и эсеров, пленум райсовета абсолютным большинством голосов принял постановление об основах организации Рабочей гвардии. Вот это постановление:

«ПРОЕКТ ОСНОВ УСТАВА «РАБОЧЕЙ ГВАРДИИ»

Цели

I. Рабочая гвардия ставит своей задачей:

а) борьбу с контрреволюционными, протизонародными происками господствующих классов;

б) отстаивание с оружием в руках всех завоеваний рабочего класса;

в) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан, без различия пола, возраста и национальности.

Состав

II. Членом Рабочей гвардии может быть всякий работник и работница, состоящие членами социалистической партии или членами профессионального союза, по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской.

План организации

III. а) Все члены Рабочей гвардии объединяются по «десяткам» и имеют во главе выборного «десятского»;

б) «десятки» составляют «сотни», во главе которых стоят «сотские»;

в) десять «сотен» составляют «Батальон Рабочей Гвардии» с выборным начальником и двумя помощниками во главе;

г) сотские каждого батальона вместе с помощниками начальника батальона и под председательством начальника образуют Батальонный совет;

д) Батальонный совет получает все инструкции и приказы от Совета рабочей гвардии, выбираемого районным Советом рабочих и солдатских депутатов в количестве пяти лиц: председателя, двух товарищей председателя и двух членов;

е) в служебное время члены Рабочей гвардии поддерживают строгую сознательную и товарищескую дисциплину.

Вооружение

IV. Вооружение Рабочей гвардии обязательно за счет военного министерства: винтовками, револьверами и прочим снаряжением.

Средства

V. Средства Рабочей гвардии составляются из:

а) специальных сборов, пожертвований и от предприятий;

б) поступлений из средств Городского управления, отпускаемых на полицейские (милиционные) нужды города»[8].

Приняв это решение, пленум райсовета избрал штаб Рабочей гвардии в составе пяти человек и поручил ему разработать подробную инструкцию Рабочей гвардии в духе принятого проекта устава, а также подготовить всеобщую конференцию Рабочей гвардии Выборгского района. Эта конференция состоялась только в октябре 1917 г.

«Проект основ и устава Рабочей гвардии» с уведомлением о том, что пленум райсовета создал временный штаб по руководству Рабочей гвардией и поручил ему подготовку всеобщей конференции представителей Рабочей гвардии района, немедленно был разослан по заводам, фабрикам района.

2 октября районный Совет вынес решение о созыве конференции на 7 октября.

И вот 7 октября, в 6 часов вечера, в помещении общества трезвости по Большому Сампсониевскому проспекту, в присутствии большого количества гостей от заводов и руководителей района открывается первая конференция Рабочей гвардии Выборгской стороны.

На конференции присутствовали 29 делегатов от фабрик и заводов Выборгского района, по одному представителю от райкома партии большевиков, от Союза социалистической молодежи, от Исполкома Выборгского райсовета и от центральной комендатуры Рабочей гвардии.

При обсуждении проекта устава на конференции было утверждено всеми давно уже признанное название вооруженных рабочих отрядов — Красная гвардия. Общее количество красногвардейцев в это время в районе достигало пяти тысяч человек. Конференция приняла устав Красной гвардии и потребовала срочного созыва конференции Красной гвардии всего

Петрограда.

Устав Красной гвардии, принятый этой конференцией, значительно отличается от того проекта устава Рабочей гвардии, который в свое время принял райсовет. По новому уставу перед Красной гвардией ставилась задача защищать «рабочих, крестьян и всех угнетенных капиталом граждан общества от гнета, насилия и произвола буржуазии».

Конференция выбрала штаб Красной гвардии Выборгского района в составе шести человек. Устав Красной гвардии, принятый на этой конференции, в измененном виде был затем утвержден на общегородской конференции Красной гвардии всего Питера, которая состоялась 22 октября 1917 г. К этому времени вопрос о вооруженном восстании превратился в практическую задачу рабочего класса. В отрядах Красной гвардии шли систематические военные занятия. Одновременно с изучением материальной части винтовки и боевыми занятиями с винтовкой начали изучать пулемет, ручные гранаты и производить боевые занятия с этими видами оружия. Более ценное оружие было укрыто от постороннего взгляда. Его тщательно чистили, смазывали, упаковывали в ящики и зарывали в землю или прятали в различных укромных уголках.

Интересен сам по себе факт. Чем больше становилось красногвардейцев и чем больше фабрикантам и заводчикам приходилось выплачивать им жалованья, тем реже жаловались они на это. Не рискнуло и Временное правительство провести свою угрозу в нашем районе о разоружении рабочих, хотя об этом много и громко кричали по всякому поводу и без всякого повода. Видимо, как власти, так и предприниматели понимали опасность такого мероприятия.

— Боятся нас трогать,— говорили рабочие.

За несколько дней до Октябрьского восстания мы получили письмо от В. И. Ленина, адресованное руководителям Выборгского района.

Письмо это нам принесла Надежда Константиновна Крупская. Вечером мы собрались в маленькой комнатушке райисполкома на Лесной улице, дом № 13, для ознакомления с этим письмом. Совещание это было совершенно секретным. Я помню, что на нем участвовали Куклин, Н. Кучменко, И. Чугурин, А. Скороходов, К. Орлов, Ильин и некоторые другие. Всего человек 15. Проводила его секретарь райкома Е. Егорова.

В письме В. И. Ленина говорилось о том, что рабочие и солдаты Выборгского района, в частности 1-й пулеметный полк, 3—5 июля вышли на улицы Петрограда с тем, чтобы сбросить ненавистное рабочему классу и трудовому крестьянству

Временное правительство — правительство помещиков и капиталистов. Вышли, не учитывая того, что рабочий класс других промышленных городов России и солдаты в тылу и на фронтах к захвату власти и к установлению диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства не были готовы. А вот теперь этот исторический момент настал. Плод созрел, и настолько созрел, что сорвать его можно без больших усилий. Надо только действовать внезапно, твердо и решительно... 99% трудового населения страны с нами, армия, если тыловая часть не полностью, то фронтовая вся с нами... казачество на первых шагах серьезного сопротивления нам не окажет... Мы захватим власть сейчас или вовсе не захватим. Все сроки подготовки к вооруженному восстанию прошли, надо начинать вооруженное восстание, и начинать его немедленно.

Несмотря на то, что письмо Ленина не застало нас врасплох, все же его предупреждение о том, что срок вооруженного восстания настал, нас сильно взволновало.

Вначале мы даже как-то приумолкли. Потом начали обсуждать вопрос о практических мероприятиях по подготовке к восстанию.

Первым делом нужно было правильно расставить свои силы. Взять под свою охрану посты, связывающие наш район с другими районами Питера. Оградить наш район со стороны Финляндии: там стояли какие-то пехотные части, поддерживающие Временное правительство. Подготовить к выступлению добровольческие красногвардейские рабочие отряды, часть пехоты Московского полка и пулеметчиков 1-го пулеметного полка. Руководство всей военной операцией решили возложить на штаб Красной гвардии во главе с его начальником К. Орловым.

Снабжение фронта и населения продовольствием возложили на Кучменко, связь со Смольным — на Юркина. Руководство всем делом вооруженного восстания в районе было возложено на председателя райисполкома Куклина, в помощь ему дали Скороходова и меня. Комендантом мостов был назначен Ильин.

Так мы распределили между собой обязанности по руководству вооруженным восстанием в районе, наметили первые шаги по его осуществлению.

На следующий день я отправился на Васильевский остров. В магазине, принадлежащем Петроградскому географическому обществу, приобрел большую карту Петрограда и вывесил ее на стене той самой комнаты, где вчера вечером было прочитано письмо товарища Ленина. Становов, я и товарищ из штаба Красной гвардии, командиры военных частей, расположенных в районе, держим военный совет и на карте синим и красным

карандашом отмечаем, где выставить трехдюймовки, которые отнимем у юнкеров, где поставим надежные, крепкие заслоны из красногвардейцев и пулеметчиков.

О сне и отдыхе в эти дни мы просто забывали. По заводам даны секретнейшие указания о подготовке к вооруженному восстанию. И там кипит работа: из тайников достают припрятанное оружие, готовят его к действию. Вся эта работа проводится под руководством опытных инструкторов, выделенных Московским 1-м пулеметным полком и другими воинскими частями района. Приведена в боевую готовность вся милиция района. Все готово. Нужен только сигнал.

И сигнал был дан.

Отряд за отрядом мы посылаем в Смольный. Красногвардейцы нашего района участвуют в штурме Зимнего дворца. Обезоружены юнкера Михайловского артиллерийского училища. Выставлены орудия в сторону Финляндии. Туда послана разведка, которая донесла, что войска, стоящие в Финляндии, с нами. Но мы не твердо в это верим и находимся начеку.

Скоро в район под конвоем наших красногвардейцев стали поступать защитники Временного правительства, в том числе бойцы женских батальонов, или, как их в шутку называли красногвардейцы, «солдатки потешных полков». У Керенского их было много. Все они были молоды и плохо разбирались в политических событиях. Многие из них шли защищать родину, не понимая того, что защищают буржуазию и помещиков. Характерно, что среди них не было ни одной работницы с фабрики или завода...

Сопротивление Временного правительства продолжалось недолго. 24 октября (6 ноября) восстание началось, а утром следующего дня, то есть 25 октября (7 ноября) 1917 г., было опубликовано обращение большевиков «К гражданам России!». Вот этот исторический документ:

> «К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!
>
> Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.
>
> Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства,

это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов

25-го октября 1917 г. 10 ч. утра»[9].

Временное правительство укрылось в Зимнем дворце, который охраняли юнкера и ударные батальоны. В ночь на 26 октября красногвардейцы совместно с солдатами и матросами штурмом взяли Зимний дворец. Временное правительство было арестовано. Керенский тайно выбрался из Зимнего дворца и сбежал.

Вооруженное восстание победило. Революционный народ под руководством большевистской партии, возглавляемой великим Лениным, приступил к закреплению завоеванных позиций и построению новой жизни.

Глава третья СОВЕТЫ У ВЛАСТИ

В первые дни после победы революции

26 октября 1917 г. Керенский с генералом Красновым во главе казачьих полков появились у Пулковских высот под Петроградом. Выборгский район в эти дни превратился в военный лагерь. Улицы полны вооруженными отрядами рабочих-добровольцев и красногвардейцев. Развеваются сотни красных знамен, повсюду стяги, плакаты, на которых крупными, подчас корявыми буквами написаны боевые лозунги.

Здание районного Совета, помещение штаба Красной гвардии полны народа. Выбранные начальники получают оружие, обмундирование. Инструктора формируют боевые отряды. Создаются отряды сестер Красного Креста. Ко мне подбегают две девушки.

— Здравствуйте,— кричат обе сразу.— Вы не узнали нас? А мы вас сразу узнали. Вы у нас в школе с Надеждой Константиновной Крупской были. Помните?

— Помню, как же.

— Мы тогда школьницами были, а теперь вот в рабочем отряде. Вон наш отряд пошел.— И бросились бегом догонять свой отряд, отправившийся к Пулковским высотам.

А у стен штаба райисполкома формируется уже новый отряд и под звуки «Марсельезы» уходит туда же. Его замыкает небольшой отряд сестер Красного Креста. Настроение товарищей, отправляющихся на защиту революции, бодрое, боевое. Жены, дети пришли проводить родных. Не видно слез, не слышно причитаний.

Энергичный и неутомимый работник — начальник районного штаба Красной гвардии К. Орлов поспевает всюду. Дает указания, выступает перед уходящими на фронт. Он призывает к защите родины, вселяет веру в победу. Его коротенькую напутственную речь покрывает громкое, долго не смолкающее «ура». В маленькой комнатке районного Совета идет заседание исполнительного комитета. Старые большевики, испытанные в боях и на подпольной работе, обсуждают вопрос о том, как обеспечить отряды патронами, снарядами, медикаментами, продовольствием.

По заданию райисполкома я в автомашине еду на фронт для ознакомления на месте с нуждами бойцов. По пути все время встречаются конные и пешие отряды.

Тянутся обозы. Идут отряды женщин с кирками и лопатами. На фронте идет сражение. Грохочет артиллерия, рвутся снаряды. В пяти шагах от меня падает товарищ. Схватившись руками за

бок, он не стонет, только мелкие морщинки и выступивший пот на лбу выдают его страдания. Подбегают санитарки, быстро перевязывают и уносят раненого. Захожу в командный пункт, который помещается в крестьянской избе. Она уставлена полевыми телефонными аппаратами. Молодой, энергичный командующий знакомит меня с боевой обстановкой. Врывается высокий, худой, с разодранной штаниной матрос и сообщает: противник отступает, матросы и красногвардейцы преследуют врага и беспощадно истребляют его. Командующий радостно улыбается, жмет матросу руку и тут только замечает, что тот ранен в ногу. Он предлагает матросу отправиться на перевязку, но тот только махнул рукой и направился к выходу. Заметив меня, он остановился: «Я вас помню. Вы приезжали в Кронштадт в первые дни после Февральской революции. Вот видите, опять встретились».

И я вспомнил этого худого, высокого матроса. Он приезжал тогда к нам на Выборгскую сторону. Я обрадовался встрече, но не успел и слова сказать, как матрос, кивнув нам, быстро вышел из избы.

Командующий, весело улыбаясь, посмотрел ему вслед и сказал: «С такими бойцами можно не только разбить Керенского и генерала Краснова, но и завоевать весь мир».

13 ноября 1917 г. боевые действия прекратились. Войска Керенского были разбиты. Сам Керенский бежал.

Петроградцы победителями возвратились домой. Но эта победа стоила немалых жертв. Через несколько дней мы, большевики Выборгского района, хоронили в парке Лесного института товарищей, павших под Петроградом, на Пулковских высотах.

Работа в Выборгском районном Совете и мои встречи с В. И. Лениным

В Выборгском районе я занимался военными делами и одновременно выполнял обязанности казначея исполкома районного Совета рабочих и солдатских депутатов. Вскоре после Октябрьской революции я принял кассовую книгу, сделанную из общей тетради, и пустой несгораемый шкаф. Денег — ни копейки. По совету председателя райисполкома я отправился в городскую думу на Невский проспект к Михаилу Ивановичу Калинину и нашел его съежившимся от холода в одном из кабинетов нетопленного здания думы.

— Михаил Иванович, денег надо,— сказал я.— Людям жалованье нечем платить.

— Деньги есть, а выдавать сейчас не могу,— сказал Михаил Иванович.— Некому документы оформить. Видишь, швейцар да машинистка остались. Остальные бросили работу и ушли, не хотят с большевиками дело иметь.

— А как думаете, Михаил Иванович, надолго у них хватит этого форса.

— Сказать трудно, но, думаю, не надолго.

Пришлось уйти ни с чем. Но тут на помощь нам неожиданно пришла районная чрезвычайная комиссия. Ею было изъято у фабриканта Рябушинского на несколько миллионов всевозможных акций и 30 тысяч рублей наличными деньгами. Это была серьезная поддержка. Я принял деньги и пустил их в дело. Но деньги были изъяты на территории Городского района, и Совет этого района запротестовал, обвиняя чрезвычайную комиссию и райисполком Выборгского района в самочинных действиях на территории чужого района. Он требовал передать в их кассу изъятые у Рябушинского деньги. Дело дошло до Смольного. Оттуда прислали предписание: «Деньги возвратить Городскому райисполкому». Но возвращать уже было нечего; деньги были израсходованы.

Отправился я в Смольный на переговоры. Договориться не удалось, и меня отправили к товарищу Ленину.

Я слово в слово рассказал В. И. Ленину все, как было. Владимир Ильич улыбается, и, чем ближе к концу мой рассказ, тем шире его улыбка и больше веселых искорок в его глазах. «Ну, — думаю,— все обойдется хорошо. Поругает немного, тем дело и кончится». Рассказ окончен.

И вот Ленин говорит мне:

— А протоколом провели?

Я не понял.

— Что протоколом? — спрашиваю.

— Да то, что деньги, взятые у капиталиста Рябушинского, конфискуются и объявляются народным достоянием.

Я, по правде сказать, опешил и виновато сказал:

— Не-ет, Владимир Ильич, не провели.

— Как же это так? Забрали деньги, израсходовали, а документов у вас нет никаких. Да он с вас судом взыщет.

«Как это,— думаю,— судом? Революция, экспроприация экспроприаторов, а он «судом». Не может этого быть».

Но Владимиру Ильичу говорю:

— А мы можем и теперь провести протоколом.

— Как же это?

— Да задним числом. Рябушинскому все равно, а деньги будут наши.

Владимир Ильич хлопнул меня ладонью по лбу и громко засмеялся.

Я понял, что дело кончено и 30 тысяч наши. Выскочил из кабинета Владимира Ильича и на вопрос дежурной молча махнул рукой. Через полчаса я уже диктовал постановление президиума районного Совета рабочих и солдатских депутатов о том, что «деньги в сумме 30 тыс. руб., принадлежащие гр. Рябушинскому, конфискуются и зачисляются в народное достояние».

Однажды в исполнительный комитет Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов пришел лет 40 юркий, среднего роста человек. Он торопливо отрекомендовался, сообщил о своем отношении к Февральской революции, к Временному правительству, к Октябрьской революции, к большевикам, умеющим разрушать старое и строить новое. Сказал, что сам он тоже человек живого, творческого дела, поэтому и пришел к нам на Выборгскую сторону, хотя сам житель не этого района. У него есть деньги и добрые намерения: он решил передать нам один миллион рублей на организацию рабочего университета, но с условием, что мы даем ему совершенно готовое и годное для этого дела здание, в котором для него лично отводится в пожизненное пользование квартира в две-три комнаты. Председатель райисполкома нашел предложение приемлемым и сказал, что поставит этот вопрос на заседании президиума.

Мы очень довольны жертвователем. Угощаем его чаем с сухим серым хлебом и твердыми, не очень сладкими конфетами. Он смотрит на нас, потирает коротенькие ручки, улыбается, старается быть с нами запросто, как со старыми знакомыми. У нас

закрадывается сомнение: юркий, довольно нахальный коммерсант — и вдруг жертвователь на культурно-просветительные цели пролетариата.

— Ясное дело, у него какие-то задние мыслишки,— говорят товарищи,— но нам его бояться нечего. А миллион рублей на улице не валяется.

На президиуме разгорелся спор.

— К черту его и его миллион. Тоже благодетель нашелся,— говорят одни товарищи.

— Дает миллион, и надо брать,— настаивают другие.

— Мы не дадим себя обмануть. Голосуем, большинство за то, чтобы принять предложение «жертвователя».

Для ведения дела создается комиссия в составе трех товарищей, куда вхожу и я.

Написали договор. Когда «жертвователь» просмотрел его, то сказал:

— Я согласен со всем, что тут написано, но я не вижу того здания, в котором будет помещаться университет.

— За зданием дело не станет,— заявили мы.

— Деньги я даю, но я хочу видеть здание,— отвечает «жертвователь».

В нашем районе подходящего свободного здания не было, но в Городском районе их было сколько угодно.

Решили обратиться к правительству с просьбой дать одно из них для нашего района. Ответственный секретарь райисполкома, я и «жертвователь» отправляемся к народному комиссару по просвещению Анатолию Васильевичу Луначарскому. Выслушав, Луначарский обещал поставить этот вопрос в Совете Народных Комиссаров. Но это нас мало устраивало, нам надо было получить здание немедленно, и мы решили сходить к Ленину.

И вот мы у Ленина. Докладываем ему о цели нашего прихода.

— Миллион? — переспрашивает Владимир Ильич и, прищурив глаза, смотрит на нас, на «жертвователя», улыбается чуть заметной улыбкой и, не погашая ее, слушает дальше.

— Да, миллион,— отвечаем.

— Если дело пойдет хорошо, я не остановлюсь на одном миллионе,— деловито ответил «жертвователь».

— Но мы в затруднении, Владимир Ильич,— говорит один из нас,— деньги есть, желание есть, нужда в этом огромная, а подходящего здания в районе нет. Нам нужен дворец и нужен в собственность.

— Что, что? — торопливо спросил Владимир Ильич.

— Нужен дворец, и дворец в собственность,— повторяет тот.

Владимир Ильич прищурился, смотрит на меня,

спрашивает:

— Слышишь, что он говорит?

— Слышу, Владимир Ильич, но он говорит не только свое мнение, но и мнение президиума райисполкома. Нам нужен дворец.

— Ив собственность?

— Да, Владимир Ильич, в собственность.

— Что-то у нас с вами насчет собственности не вяжется, мы частную собственность уничтожили, декреты насчет этого издали, а вы за собственность.

— Мы, Владимир Ильич, не за индивидуальную собственность, а за общественную, за советскую.

— Кто это вас надоумил? — вместо ответа спрашивает Ленин и смотрит на нас прищуренным улыбающимся взглядом.— Откуда это у вас в райисполкоме такая любовь к собственности?

— Это мое обязательное условие,— отвечает «жертвователь». Ему явно не по себе.

— А-а, тогда понятно, а то я смотрю: большевики Выборгского района за собственность!

— Владимир Ильич, мы ведь для общего дела. В нашем районе дворцов нет, а в Городском районе их вон сколько.

— Это верно, там их много. Ладно, дворец дадим в ваше распоряжение, но не в собственность.

— А нам все равно, лишь бы получить,— говорю я.

Поднимаемся, Владимир Ильич идет с нами до дверей, спрашивает у секретаря.

— Там меня еще кто-то ждет?

- Делегация от рабочих Сормовского завода.

— Так вы подождите,— останавливает меня и другого представителя райисполкома Владимир Ильич,— послушаем, что нам земляки скажут.

«Жертвователь» ушел.

— Вы знаете, что это за человек? — спрашивает Владимир Ильич.

— Фабрикант, текстильщик из Лодзи.

— Миллионы его при нем или в банке?

— Вот этого мы не знаем.

— Поезжайте в ВЧК и узнайте.

Прямо от Владимира Ильича поехали туда и узнали, что у нашего «жертвователя» был не один, а целых пять миллионов рублей, но эти деньги находились в банке. Узнали мы также и то, что все эти пять миллионов объявлены народным достоянием.

Так кончилась эта неудачная операция, которая затеяна была нами по неопытности. Да откуда мог быть опыт у нас, рабочих,

только что ставших у руля государственного управления? Но на ошибках, отдельных неудачах мы учились.

А ошибок и неудач было немало. Хочу рассказать об одном казусе, случившемся со мной лично на первых порах моей деятельности в качестве одного из руководящих работников районного Совета.

Председатель нашего райисполкома как-то пожаловался в Смольном, что у нас некому составлять инструкции, писать приказы, объявления и пр. И вот к нам прислали расторопного парня. Я обрадовался. В воскресенье исполком районного Совета решил провести санитарный день в казармах Московского полка. Для этого мы решили мобилизовать на один день нетрудовой элемент в возрасте от 18 до 50 лет ряда кварталов района. Явиться мобилизованные должны были в казармы, в распоряжение начальника штаба полка к восьми часам утра. Мы поручили новому работнику оформить это как распоряжение райисполкома, указав в нем, что тот, кто не явится на работу, будет наказан. Товарищ сел за стол, быстро написал распоряжение о проведении санитарного дня и отнес его в типографию. На другой день он принес нужное количество напечатанных объявлений.

— Уже? — спросил я, удивившись быстроте исполнения задания.

— Готово! — по-военному отрапортовал парень.

Я поблагодарил его, взял одно объявление, стал читать, вижу написано хорошо, четко, ясно, понятно и повелительно. До конца я и читать не стал. Велел разослать эти объявления милицейским участкам с препроводилкой, чтобы расклеили на видном месте.

Подбодренный моей похвалой присланный товарищ быстро выполнил и это распоряжение. Объявления появились на самых видных местах района. А поздно вечером председатель райисполкома вызвал меня к себе и, держа экземпляр объявления, спросил:

— Ты составлял?

— Нет, товарищ из Смольного.

— Но ты читал его?

— Читал, а что? Написано хорошо.

— Значит, ты согласен, что за невыполнение этого распоряжения расстрел.

— Какой расстрел? — крикнул я и, выхватив из рук председателя листок, прочел: «Лица, не выполнившие настоящего распоряжения, будут расстреляны». «Что же это такое?» — в ужасе подумал я и еще раз прочел:

«...будут расстреляны».— Что же теперь делать?

— Первое,— сказал товарищ Куклин,— освободи этого не в меру революционного гражданина от работы в райисполкоме; второе — надо свои распоряжения внимательно читать, прежде чем их рассылать на места; третье — сандень проведем, но, если где-нибудь будет допущено нарушение законов, ты будешь отвечать.

Было немало и других сложных дел в практике моей работы в райисполкоме на первых порах его деятельности.

Однажды дверь моей комнаты приоткрылась и я увидел пожилую женщину с тревожно-вопросительным взглядом.

— Вам что? — спросил я.

Женщина открыла дверь, переступила порог, ведя за руку девочку лет восьми, обернулась к открытой двери и крикнула:

— Ну, что ж ты, ирод, иди!

«Ирод» с распухшим от вина лицом нехотя переступил порог, нахмурился, виновато посмотрел на меня.

— Сил моих больше нету,— начала женщина,— угомоните вы его, пьет, ругается, дерется. Ну, пусть при старом режиме я терпела, а теперь, что же это, и при нашей Советской власти от него житья нет. Мое слово вот какое: если он не исправится, я с ним жить не буду, развод мне дайте! Хватит, намучилась, теперь не старый режим.

— Как же, товарищ, жена ведь права, теперь не старый режим, чтоб над человеком издеваться,— говорю мужику.

— Ну, что ж молчишь? — спрашивает жена мужа и толкает его локтем в бок.— Тебя спрашивают.

— Отстань,— буркнул тот и отодвинулся от жены.

— Не отстану, отвечай вот тут передо мной, перед дочкой и перед нашей Советской властью: как жить будем?

Я не знал, что делать. Отпустить эту семью ни с чем я не мог. И вот я решил взять от мужика обязательство, что в дальнейшем он будет жить в мире и согласии с женой и дочкой. Я дал ему это обязательство на подпись.

— Я неграмотный,— буркнул тот.

— Неважно, ставь вот здесь внизу три крестика.

— Не поставлю.

— Почему?

— Не желаю.

— Ладно, тогда мы вопрос о твоем поведении в семье обсудим на общем собрании рабочих завода. Пусть они тебя прохватят, как следует.

— Давай ручку.

И крестики были поставлены.

Мужик хмуро посмотрел на меня, на жену, на дочку.

— А вы ей скажите, пусть не донимает. Черт, а не баба.

— Слышите его просьбу? — спросил я.

— Да уж я... да уж я...— торопливо заговорила женщина.

Рабочий взял дочку за руку.

— Ну, идем, уж ты, уж мы...

Позже эта женщина несколько раз забегала ко мне, приносила горячие пирожки и все твердила:

— Спасибо, вот спасибо, человек прямо другим стал. Вначале по старой привычке гаркнет было, кулак поднимет, а я ему про крестики да про общее собрание рабочих напомню — в миг одумается.

Рухнул самодержавно-капиталистический строй, рухнули и все его учреждения, но старое давало себя знать на каждом шагу.

Первый народный суд в районе

В райсовет начали поступать заявления от населения, протоколы из милиции по поводу неблаговидных и преступных действий отдельных граждан. Мы оказались в очень тяжелом положении: старых законов мы не хотели признавать, а новые еще не были разработаны.

Требовалось создание новых органов революционной законности. И вот райсовет решил из числа членов районного Совета создать революционный народный суд в составе трех человек; ему было поручено заняться разбором этих заявлений и протоколов. «Судите на основании пролетарской совести и пролетарского чутья, именем революции, справедливо, но строго»,— сказали народным судьям в Совете. И вот на входной двери райисполкома Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов появляется, если можно так выразиться, писаный закон первого революционного суда. Этот закон был напечатан на пишущей машинке и гласил, что «районный Совет рабочих и солдатских депутатов Выборгского района создал революционный народный суд в составе председателя и двух членов, которому районный Совет и поручает рассмотрение всех уголовных и гражданских дел в пределах своего района и его окраин, суд будет выносить свои решения именем революции, на основе пролетарской совести и чутья. Революционный народный суд рассматривает все судебные дела на открытых заседаниях в присутствии всех граждан, желающих присутствовать при. разборе дел судом. Свои решения революционный народный суд выносит тут же после разбора дела.

Решение суда выносить только в присутствии привлеченного к суду гражданина. По каждому разбираемому делу из состава присутствующих на суде допускаются выступления двух граждан по линии обвинения и по линии защиты. Вопросы по разбираемому делу как суду, так и привлеченному к судебной ответственности гражданину могут быть заданы всеми желающими. Решение революционно-народного суда может быть обжаловано в трехдневный срок с момента его вынесения в президиум Совета рабочих и солдатских депутатов, решение президиума окончательное и обжалованию не подлежит».

Внизу извещения была приписка:

«Революционный народный суд Выборгского района заседает три раза в неделю: по понедельникам, четвергам и пятницам с 10 часов утра до 2 часов дня, в помещении райсовета, в зале заседаний райсовета».

Это извещение было подписано председателем революционного народного суда и членами суда, утверждено райисполкомом Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я передаю этот первый писаный закон революционного народного суда на память, но за точность его содержания ручаюсь, так как сам принимал активное участие в его выработке.

Первое дело, которым открыл свое заседание народный суд, было небольшое: привлекался к ответственности 14-летний юноша Андрей Белый, беспризорник, за мелкую кражу, совершенную им у торговки не то семечками, не то конфетами. Обвинения никто из присутствующих не поддержал, и защищать никто не взялся. Суд удалился на совещание и вынес решение: «Андрея Белого-, как беспризорного, отдать на воспитание исполнительному комитету Выборгского районного Совета и из-под стражи освободить». Это решение революционного народного суда граждане, присутствовавшие в зале заседаний, встретили дружным одобрением.

Но президиум райисполкома попал в трудное положение: куда девать парня? А сам он умоляет оставить его в райисполкоме, обещает все делать, что заставим. И мы решили сделать его нашим общим сыном.

Андрей Белый стал жить при райисполкоме. Работал в качестве рассыльного и связиста. Позже выехал из Петрограда с продотрядом на Волгу, затем был на Восточном фронте в качестве ординарца начальника политотдела 5-й армии. О дальнейшей судьбе Андрея Белого я не знаю.

Вспоминается мне еще одно судебное дело, кажется третье по счету, которое возникло по моей инициативе и при моем живейшем участии.

Однажды вечером ко мне в комнату вошел владелец бакалейной лавчонки, помещавшейся в этом же доме (он же был хозяином квартиры, в которой я жил), и сообщил мне, что утром к нему явился деревенский парень лет двадцати двух на вид, поставил ящик из-под гвоздей с отверстием сверху и наклеенной бумажкой, на которой кривым почерком крупными буквами было написано: «Граждане, жертвуйте для революции кто сколько может», а мне, говорит, велел напоминать об этом всем покупателям.

Дело было явно жульническое.

— Он и в булочной поставил такой же ящик и сказал, что придет завтра в 11 часов утра,— добавил хозяин.

Утром я обо всем сообщил председателю райисполкома.

— Задержи его,— сказал он.

Я зашел в назначенное время в лавчонку и застал парня на месте преступления. Привлек его к судебной ответственности.

На суде высказались два обвинителя, два защитника и еще добрый десяток граждан просили слово.

— Слыханное ли дело — использовать слово «революция» в корыстных целях. Этим настроением жили все присутствовавшие на суде.

Суд, учтя советы защиты, вынес решение: «Просить исполнительный комитет Выборгского районного Совета выделить одного члена Совета и в сопровождении его отправить парня на родину, в его деревню. Поручить этому члену Совета собрать там крестьян этой деревни и доложить им о совершенном их земляком по отношению к революции преступлении и настоять перед крестьянами, чтобы они воспитание земляка взяли в свои трудовые, мозолистые руки».

Президиум райсовета выделил не одного, а двух своих членов и отправил с ними парня в деревню. Ими было выполнено все, о чем говорилось в решении революционного народного суда Выборгского района. Весть о работе нашего народного суда быстро дошла до других районов столицы. К нам начали приезжать их представители для ознакомления с работой нашего суда. Судебные заседания иногда посещали старые судебные работники, и многие из них принимали активное участие по линии обвинения и защиты. Но скоро жизнь потребовала внести в работу революционного народного суда значительные изменения и поправки. Уголовные элементы попытались использовать наши широкие демократические принципы обвинения и защиты на суде и стали захватывать эту область в свои руки. Пришлось в судопроизводство народного суда внести поправки. Обвинителей и защитников мы уже не вызывали из числа желающих, а назначали сами и только после их выступления давали слово по одному для обвинения и защиты из публики.

Много, очень много трудностей пришлось нам испытать на первых порах работы райсовета. Но так или иначе, а эти трудности мы преодолевали.

Встреча Нового года и приезд в гости к выборжцам В. И. Ленина

Районный Совет большое внимание уделял культурно-просветительной работе. Исполнительный комитет Совета после Октября переехал в помещение бывшего Михайловского артиллерийского училища и получил в свое распоряжение большой актовый зал. Мы широко использовали его для устройства спектаклей и концертов. В этой работе активное участие принимала жена Алексея Максимовича Горького Мария Федоровна Андреева. Ей был хорошо знаком артистический и музыкальный мир Петрограда, и она со свойственным ей жаром взялась за это дело. Артисты шли к нам с большой охотой, и мы старались предоставить им все условия для их творческой работы.

Устраиваемые нами концертные вечера проходили с неизменным успехом. Не раз наши представители обращались с просьбой выступить перед рабочими к Ф. Шаляпину. Он обещал, но не приходил. Однажды в числе представителей, отправившихся к Шаляпину, был и я. Мы приехали к нему в Мариинский театр. Шаляпин в гриме Мефистофеля встретил нас как старых знакомых, но мне показалось, что смотрел он на нас как-то свысока, с улыбкой и чувством собственного превосходства. Выслушав нашу просьбу, он пообещал приехать и выступить, но своего обещания так и не сдержал.

Первый советский Новый год мы решили встретить в актовом зале, где устроили самую настоящую, большую, как в театре, сцену. Во все концы мы разослали пригласительные билеты, собрали весь актив района.

В программу вечера входили: доклад о текущем моменте, опера «Сорочинская ярмарка», живая картина «Проводы Старого и встреча Нового года» и в заключение— танцы. Правда,.на танцы мы пошли не без споров и колебаний, но молодежь настояла.

В зале собралось полным-полно рабочих. Пришли с женами, детьми.

Короткий доклад о текущем моменте выслушали с большим вниманием. Оперу «Сорочинская ярмарка», разыгранную под аккомпанемент пианино, прослушали с удовольствием. Отдельные сцены сопровождались веселым смехом. Провожали старый и встречали Новый год шумно, весело.

Незадолго до конца вечера председатель, секретарь и другие члены райисполкома отправились к нашему старому товарищу —

подпольщику Павлову на Сердобольскую улицу, дом № 35, квартира 4, где не раз бывал Ленин, чтобы в кругу товарищей по большевистскому подполью встретить Новый год.

Я и Костя Лебедев, слесарь с завода «Айваз», через некоторое время также должны были пойти к Павлову.

Когда в зале начались игры и танцы, мы, вручив бразды правления Борису Шишкину, решили уйти. Спускаемся по лестнице, навстречу нам медленно поднимаются мужчина и женщина. Вглядываемся и узнаем Владимира Ильича и Надежду Константиновну в запорошенных снегом пальто, с поднятыми воротниками.

— А мы к вам в гости,— дружески говорит Надежда Константиновна.

Владимир Ильич радушно жмет нам руки, спрашивает, как дела, какое настроение, весело ли встретили Новый год.

Мой приятель, волнуясь, отвечает, а я, улучив минутку, выбегаю из-за кулис и кричу:

— Товарищи! К нам пришли Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская!

В это время они также вышли на сцену. Оркестр грянул «Интернационал». Все бросились к сцене. Аплодисменты, крики «ура!»

— Да здравствует Ленин! — раздается из зала.

А Владимир Ильич и Надежда Константиновна стоят на краю сцены, откинули воротники, стряхнули снег, улыбаются.

«Ура!» — раскатисто переливается по всему залу. Мой приятель стоит позади Ленина, машет руками, шапкой, жестами просит успокоиться, но его не слушают, даже как будто и не замечают.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна пришли запросто, без предупреждений, в свою родную, рабочую семью, и семья шумно ликует, а приятель мой, поборник порядка и спокойствия, волнуется. Он снова и снова машет рукой, просит, умоляет, призывает, настаивает — все напрасно. Но вот Владимир Ильич поднял руку — стало тихо, все подались вперед.

Владимир Ильич коротко сказал о пройденном героическом этапе Октябрьской революции, о трудностях, стоящих перед рабочим классом, о способах их преодоления. Потом извинился, что нарушил отдых и развлечения и попросил возобновить игры и танцы. Молодежь окружила Владимира Ильича и Надежду Константиновну, наперебой приглашая их принять участие в играх. Но пожилые рабочие оттеснили молодежь и увели за собой Владимира Ильича и Надежду Константиновну.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна сняли пальто и

сели на принесенные нами стулья. Молодежь окружила Владимира Ильича, подхватила его вместе со стулом, на котором он сидел, и под громкие, торжественные крики «ура!» начала качать. В комнате, где во время спектаклей и концертов гримировались артисты, девушки, уезжающие утром на фронт, из своего пайка решили накрыть стол. Неизвестно откуда появились белоснежная скатерть, разного размера и разной формы тарелки, вилки, эмалированные и простые походные кружки, большой эмалированный чайник с кипятком. На столе лежали черный хлеб, масло, колбаса и печенье.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, приглашенные к столу, посмотрели на присутствующих.

— Откуда у вас этакое обилие? — спросили они.

— Из наших общих запасов,— хором ответили девушки и, видя, что Владимир Ильич все еще недоумевает, пояснили ему, что они едут на фронт и получили продукты на дорогу.

— Вот, если бы мы с вами могли сейчас дать в каждую трудовую семью хотя бы такой завтрак и ужин, наша Советская республика была бы крепка, как гранит. И вы, молодые, полные сил и веры в наше правое дело, идете на фронт не только защищать завоевания Октября, но и добывать лучшую жизнь для себя и своих близких. Пожелаем же больших успехов в вашем благородном деле. Ваши подвиги не затеряются в веках.

Слова Владимира Ильича были покрыты дружными аплодисментами.

Посидев за столом, Владимир Ильич и Надежда Константиновна уехали.

Я и мой приятель отправились к товарищу Павлову, и там нас здорово выругали за то, что мы не привезли с собой Ленина и Крупскую.

На следующий день, 1 января 1918 г., Владимир Ильич Ленин снова был в нашем районе. Он приехал в манеж Михайловского артиллерийского училища на проводы первых эшелонов красногвардейцев, едущих на фронт. С ним были Мария Ильинична Ульянова и кто-то из иностранных товарищей. Бойцы встретили Владимира Ильича долго не смолкаемым «ура!» Владимир Ильич обошел строй. Поздоровался с командирами подразделений и обратился к отъезжающим с краткой речью. Он назвал их героями-добровольцами, идущими защищать пролетарскую социалистическую революцию, и закончил свое выступление пожеланием больших успехов в ратном деле: «Будьте такими, какими вы были в Октябре». Затем Владимир Ильич повернулся к провожающим и сказал: «Ждите своих отцов, братьев, сынов, они скоро к вам вернутся — и вернутся с победой.

Это же выборжцы, они идут защищать свою родную Советскую власть, свою пролетарскую диктатуру». И снова долго не смолкаемое «ура!» Строй нарушился. Бойцы, командиры, провожающие окружили Владимира Ильича и проводили его до автомобиля. Затем воинские части построились и с распущенными красными знаменами, с боевыми революционными песнями под командованием Исидора Петровича Воробьева отправились на Варшавский вокзал. Ко мне подошел торжественно возбужденный товарищ Становов, крепко пожал мне руку и сказал:

— Эту встречу с Владимиром Ильичем я никогда не забуду.

Я ответил ему:

— Да, встречи с такими людьми не забываются.

И никто из нас не знал, что в это время чья-то подлая рука поднялась на Ильича. На обратном пути его автомобиль подвергся обстрелу, и кабина в нескольких местах была пробита револьверными пулями. Не было конца нашему возмущению и негодованию, когда мы на следующий день узнали об этом подлом покушении.

Учредительное собрание и поддержка его со стороны меньшевиков

18 января 1918 г. было назначено открытие Учредительного собрания, выборы в которое прошли в конце ноября 1917 г.

Открытие Учредительного собрания меньшевики и эсеры решили отметить грандиозной демонстрацией. В нашем Выборгском районе, как и в других, меньшевистские демонстрации имели жалкий вид: собралось около ста человек. Но нам, райкомовцам-большевикам, и это обидно.

— Пойдем,— говорю я председателю,— и если не удастся их уговорить, то хотя часть беспартийных рабочих от них оторвем.

Идти было не далеко. Меньшевики собирались вблизи бывшего юнкерского Михайловского артиллерийского училища, где помещался теперь райсовет.

Вышли. Уговариваем меньшевиков разойтись.

— Подумайте, сколько вас тут. Вам же стыдно будет показать свою немощь, бессилие,— обращаемся мы к собравшимся.

Руководитель сердито и грубо отругивается. Кажется, он и сам понимает, что мы правы, но отступить уже не может и действует наперекор здравому смыслу.

Беспартийные же рабочие и даже некоторые члены меньшевистской партии стараются незаметно, по одному, по два, отойти от демонстрантов. Нам удалось оттянуть человек двадцать, но тогда шла борьба за каждого отдельного рабочего.

Вокруг нас собралась большая группа рабочих, сторонников большевиков.

— Арестуйте их, или давайте мы их разгоним! — кричали они.

Теперь нам уже приходится уговаривать и удерживать от неправильных действий своих товарищей.

Руководители меньшевистской демонстрации, видя, что их ряды тают, развернули два лозунга с приветствиями Учредительному собранию и под смех и острые шутки наших сторонников двинулись в путь. Не знаю, сколько их дошло до Таврического дворца, скажу только, что такой жалкой, ничтожной демонстрации наш район никогда не видел.

В день открытия Учредительного собрания зал и хоры Таврического дворца были переполнены. В партере сидели депутаты. Слева — большевики, справа — меньшевики, эсеры, кадеты. На хорах — гости. Это истинные хозяева страны — представители фабрик, заводов, революционных полков,

флотских экипажей, рабочие, работницы, солдаты, матросы. Эти люди отлично понимают, что не может наше законодательное учреждение состоять из представителей победившего революционного народа и ставленников свергнутой пролетарской революцией буржуазии. Все с напряженным вниманием ждут исторической развязки. Ко мне подошла секретарь нашего райкома Егорова и сообщила последние новости: из 700 с лишним избранных в Учредительное собрание депутатов явилось немногим больше 400. Из них примерно 250 человек — правые эсеры, меньшевики и представители других мелкобуржуазных партий.

Фракция большевиков поручила открыть Учредительное собрание Якову Михайловичу Свердлову. Я много слышал от товарищей о революционной деятельности Свердлова в Сормове, Саратове, на Урале, знал, что он несколько лет просидел в царских тюрьмах, много раз подвергался арестам и ссылался в самые отдаленные районы Сибири и неоднократно убегал из ссылки. Мне много о Свердлове рассказывали Кучменко и Чугурин, но сам я его еще не видел. Поэтому я с нетерпением ждал появления Свердлова на трибуне. Каково же было наше удивление, когда ровно в четыре часа дня на трибуну взобрался представитель правых эсеров престарелый Швецов. Дрожащей рукой он взял председательский колокольчик. Хоры и левая сторона зала зашумели. Их гневные крики слились с торжествующими голосами правых эсеров, меньшевиков и кадетов. Я и сосед мой неистово топали ногами. Егорова вся горит от негодования.

«Что же это такое, что случилось, где же Свердлов?» — шепчет она. Вдруг рядом с Швецовым, точно из-под земли, вырастает худощавая, стройная фигура Якова Михайловича. Он легким, но твердым движением руки отодвигает Швецова, берет из его руки председательский колокольчик и громким голосом объявляет:

— Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания.

Растерявшиеся в первый момент правые эсеры, меньшевики, кадеты поднимают вой. Мы горячо аплодируем Якову Михайловичу Свердлову.

— Центральный Исполнительный Комитет,— продолжает Яков Михайлович,— выражает надежду на полное и безоговорочное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров.

Это заявление хоры и часть партера встречают бурными

аплодисментами и гулом одобрения, правая сторона — глубоким молчанием. Свердлов оглашает текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». На хорах громко запели «Интернационал». Его подхватывают большевики и им сочувствующие в партере. Все встали, и никто не посмел нарушить порядка, пока звуки пролетарского гимна заполняли своды Таврического дворца.

Большинством голосов Учредительное собрание отклонило Декларацию. Заседание Учредительного собрания было прервано, и, когда оно возобновилось, Яков Михайлович от имени большевистской фракции огласил следующую Декларацию, написанную В. И. Лениным:

> «Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
>
> Всероссийский ЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России»[10].

Эта Декларация заканчивалась словами: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

Огласив эту Декларацию, большевики покинули Учредительное собрание. Мы остались на хорах. Правые эсеры, меньшевики и другие депутаты Учредительного собрания подняли настоящий вой. Некоторые из них лезли на трибуну и пытались выступать, но долгое время никто никого не слушал.

В четыре часа утра, когда депутаты злосчастного Учредительного собрания охрипли от посылаемых на голову большевиков всяческих проклятий, на трибуну поднялся матрос Анатолий Железняков, начальник караула Таврического дворца, и спокойно сказал: «Караул устал, прошу очистить помещение». Поднялся крик, шум, но помещение Таврического дворца было очищено. На следующий день, 19 января 1918 г., Всероссийский

Центральный Комитет, заслушав доклад В. И. Ленина, принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

На III Всероссийском съезде Советов

23 января 1918 г. в том же Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И снова на трибуне Яков Михайлович Свердлов. Слова его: «Объявляю III Всероссийский съезд открытым»,— тонут в мощных торжественных приветствиях собравшихся депутатов и гостей и мощно звучит «Интернационал». Меня охватывает неописуемый восторг, и я невольно сравниваю то, что вижу и слышу, с тем, что видел и слышал здесь всего четыре дня назад. Огромная разница! Ликует победивший народ. Один за другим на трибуну поднимаются рабочие, работницы, солдаты, матросы, крестьяне, их сменяют представители иностранных делегаций. Вот на трибуне журналист Джон Рид, дающий крепкое товарищеское слово делегатам съезда, что он по возвращении в Америку расскажет американскому пролетариату правду про революционную Россию. Его сменяет матрос Анатолий Железняков, четыре дня назад попросивший депутатов Учредительного собрания очистить помещение. Он приветствует съезд от имени революционных отрядов Петрограда. Его сменяют посланцы норвежских, шведских, английских рабочих.

Радостным овациям нет конца.

24 января 1918 г. съезд с глубоким вниманием и в напряженной тишине заслушал доклад товарища Ленина о деятельности Советской власти за два с половиной месяца. Какой короткий срок, а какая сделана гигантская работа, но еще больше надо сделать, чтобы молодая Советская республика крепко стала на ноги. Съезд абсолютным большинством одобрил политику Совнаркома и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и выразил им свое полное доверие; и снова зал и хоры наполнились ликующими голосами и громкими рукоплесканиями.

Яков Михайлович Свердлов предложил делегатам съезда утвердить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», отвергнутую Учредительным собранием. В зале и на хорах водворилась торжественная тишина, а когда он своим могучим басом произнес слова Декларации, провозглашавшие Россию республикой Советов, все встали и бурной овацией приветствовали создание первого в мире Советского социалистического государства.

Съезд утвердил Декларацию и провозгласил Советскую республику свободным союзом свободных наций, федерацией Советских национальных республик.

Красногвардейская артиллерия

Мы, большевики, хорошо понимали, что молодая Советская республика находится под угрозой, что выступление Краснова и Керенского было только первым наскоком контрреволюционных сил на Советское государство, что за ним могут последовать и последуют другие, еще более опасные. У себя в Выборгском районе мы решили организовать красногвардейский артиллерийский дивизион. Орудия, лошади и все снаряжение у нас было. Не было только опытного артиллериста, который возглавил бы это дело. Мы обратились к Военно-революционному комитету, и вскоре нам прислали старого артиллериста, имеющего богатый боевой опыт, Василия Становова. Ему и была поручена организация в нашем районе артиллерийского дивизиона.

Василий Становов три года бил немцев под городом Люблино, за рекой Вислой, под Варшавой и в других местах. За отвагу и боевые успехи он был награжден Георгиевским крестом всех четырех степеней и столькими же Георгиевскими медалями. Во время Февральской революции В. Становов вместе со своей частью, посланной на усмирение восставших, присоединился к восставшим войскам и боролся против самодержавия. Он горячо взялся за организацию артиллерийского дивизиона. Этого требовала вся обстановка, складывавшаяся в стране. На Украине появились банды махновцев, петлюровцев, григорьевцев, тютюниковцев. На Дону генералы собирали контрреволюционные казачьи силы. А тут еще немцы готовили удар. Не дремала Антанта. Контрреволюция, внутренняя и внешняя, сколачивала и вооружала свои силы.

23 февраля 1918 года в полночь петроградцев разбудили тревожные призывные гудки фабрик, заводов и паровозов.

Я побежал в райисполком. Оказывается, к Пскову и Нарве подходили немцы. Над Петроградом нависла прямая угроза. На отпор врагу были мобилизованы все силы, и молодая, еще не окрепшая Красная Армия не только остановила, но и разбила немецкие войска. Этот день вошел в историю, как праздник Советской Армии и Военно-Морского Флота. Артиллерия наша под руководством Становова росла и крепла. И труды наши были не напрасны: она хорошо себя показала в боях под Псковом и Нарвой.

Из воинских частей нашего района мы выделили ряд отрядов для посылки на Украину, на Дон и в другие места, где поднимала голову контрреволюция.

В марте 1918 г. Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов назначил меня военным комиссаром Выборгского района, моим заместителем был назначен И. П. Воробьев, токарь с завода «Айваз». Основная задача состояла тогда в том, чтобы укрепить только что созданную Красную Армию. С этой целью часть красногвардейцев была переведена в казармы. Некоторые командиры, выбранные в первые дни Февральской революции и оказавшиеся неспособными понять задачи, стоявшие перед вооруженными силами пролетариата, были заменены.

Близилось 1 Мая 1918 г., первая маевка при Советской власти. Мы к ней усиленно готовились и решили, что демонстрацию на Марсовом поле откроют воинские части и впереди пойдет 1-й артиллерийский особый дивизион под командованием товарища Становова. Вооруженные силы района должен был вести я. Но как? По военной специальности я пехотинец, верхом никогда не ездил, а идти командиру пешком перед артиллерией невозможно. Помог мне в этом товарищ Становов, обещая за две недели сделать из меня настоящего наездника. Пришлось настойчиво заняться верховой ездой, и, действительно, через две недели я стал прилично держаться в седле.

Первого мая я ехал впереди районной команды, через плечо у меня была повязана широкая красная лента.

За хорошую выправку при прохождении мимо братских могил на Марсовом поле, мимо трибуны членов Советского правительства я получил благодарность от военного командования Петрограда.

Наше посещение Н. К. Крупской и новая встреча с В. И. Лениным

Я жил в том особняке, где помещался райком партии Выборгского района, только этажом выше, и вечером каждый день кто-нибудь из товарищей заглядывал ко мне, чтобы поделиться заводскими или районными новостями.

Однажды ко мне зашла товарищ Егорова и сообщила, что Надежда Константиновна серьезно больна. Мы решили ее проведать. На другой день вечером мы втроем отправились в Смольный, где жили в то время Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Оформили пропуск, поднимаемся по широкой лестнице, проходим мрачным коридором и оказываемся в квартире Владимира Ильича. Простая обстановка: письменный стол, этажерка с книгами, несколько стульев, две узенькие, односпальные кровати. На одной из них лежит Надежда Константиновна с завязанной головой, укрытая одеялом. На столике у кровати резиновая грелка, лекарства.

Владимир Ильич дома, он радушно встречает нас, жалуется на Надежду Константиновну:

— Бегала из района в район без калош, а обувь худая, вот и добегалась — насморк, кашель, головная боль.

Надежда Константиновна тоже рада нашему приходу. Мы ставим на стол пол-литра молока, кладем комочек сливочного масла, печенье, сахар и где-то секретарем добытый лимон. Надежда Константиновна растрогана, но журит нас:

— И что это вы, как так можно? Масло, молоко, ну зачем все это?

— Надежда Константиновна, ведь тут одна капелька, это мы так, от себя, ведь принято больному приносить гостинцы,— говорю я.

Надежда Константиновна улыбается.

— Ну спасибо, садитесь, а на этого ворчуна не обращайте внимания. На меня ворчит, а сам день работает, ночь пишет. Вот и сейчас перед вашим приходом писал.

— А мы помешали,— говорит кто-то из нас с оттенком тревоги.

— Что вы, что вы,— заторопился Владимир Ильич.— Ничуть вы мне не помешали, хорошо, что пришли, вот и Наде с вами веселей будет, отвлечется от своей хвори и скорей поднимется. Да только она опять начнет бегать и снова свалится,— при этих

словах Владимир Ильич нагнулся, взял из-под кровати ботинки Надежды Константиновны, повернул их вверх подошвами, ткнул в один ботинок пальцем, палец скрылся внутри ботинка.

— Вот видите, можно ходить в таких ботинках без калош по весенней грязи?

Владимир Ильич посмотрел на ботинки, на нас, на Надежду Константиновну.

— Слушай, Надя,— сказал он,— врач запрещает ранее чем через неделю покидать постель. За это время мы и отремонтируем ботинки, у вас ведь есть сапожники в районе?

— Ну как им не быть — сколько угодно.

— Вот и хорошо, отдайте их там в починку,— и Владимир Ильич полез в карман за деньгами.

— Потом, Владимир Ильич, потом, починим, принесем и с вас, сколько полагается, получим.

— Нет, нет, зачем же, вот возьмите, мало будет, тогда еще доплачу.

Мы взяли ботинки, взяли деньги, посидели еще немного, попрощались и ушли.

На другой день я с ботинками Надежды Константиновны пошел к сапожнику, но он не взялся их чинить.

— Новые покупать надо,— сказал он.

Так мы и сделали. Достали новые ботинки, а к ним и калоши. В следующее посещение отнесли их Надежде Константиновне и незаметно поставили под кровать,

Левоэсеровский мятеж в Москве и мероприятия по разъяснению контрреволюционной сущности выступлений левых эсеров

4 июля 1918 г. открылся V Всероссийский съезд Советов. На этом съезде левые эсеры повели ожесточенную борьбу против Ленина, против нашей большевистской партии, в защиту кулаков. Они требовали прекращения борьбы с кулачеством и отказа большевиков от посылки рабочих продовольственных отрядов в деревню. И когда убедились, что их линия не только не встречает сочувствия, а получает единодушный отпор со стороны абсолютного большинства съезда, подняли в Москве вооруженный мятеж. Они захватили Трехсвятительский переулок и оттуда начали обстрел Кремля. Мятеж продолжался недолго. Он был подавлен через несколько часов. Когда весть о мятеже левых эсеров в Москве дошла до Петрограда, мы, у себя в Выборгском районе, приняли необходимые меры против возможности таких явлений в нашем районе.

Двух эсеров (один из них по фамилии Шашлов), входивших в состав президиума райсовета, мы пригласили на экстренное заседание президиума и потребовали от них ясного ответа на вопрос о занимаемой ими позиции. Они заявили, что осуждают действия мятежников, считают их пагубными для дела революции и рабочего класса, что они стоят за союз рабочего класса с крестьянской беднотой и против кулаков.

Им было предложено выступить в печати с письмом, излагающим их позицию и осуждающим действия их зарвавшихся руководителей.

Всем заводам райкомом партии и фракцией большевиков райсовета было дано указание — опросить эсеров, выяснить их позиции и предложить им, в случае осуждения контрреволюционных действий своих вожаков, открыто отмежеваться от них. Самим же всемерно повысить бдительность.

Товарищ Шашлов выступил в печати с разоблачением эсеровских вожаков, как кулацких защитников, и отрекся от партий эсеров, заявив о том, что он стоит на позиции большевиков. Эсеровская банда отомстила Шашлову. Он был убит из-за угла, в спину, разрывной пулей.

Хоронить товарища Шашлова пришли представители всех фабрик и заводов района. Это была грандиозная демонстрация

протеста рабочего класса нашего района против его классовых врагов — буржуазии и их прихвостней эсеров и меньшевиков.

На кладбище у открытой могилы мы дали клятву самоотверженно бороться за дело рабочего класса, против его заклятых врагов, от руки которых погиб товарищ Шашлов.

Глава четвертая ПО ЗОВУ ЛЕНИНА

Письмо В. И. Ленина питерским рабочим и организация первого рабочего продовольственного отряда

Вечер. В большом квадратном зале барского особняка, в котором помещался районный партийный комитет, собрался партийный актив. За длинным столом, покрытым тяжелым красным сукном, сидят члены бюро райкома. Секретарь райкома Егорова читает обращение Владимира Ильича к питерским рабочим. Это обращение привез из Москвы один из членов Выборгского райсовета. Он был в гостях в своей родной деревне, на обратном пути остановился в Москве, зашел к Владимиру Ильичу Ленину и рассказал ему обо всем, что слышал и видел в деревне.

Владимир Ильич с большим вниманием выслушал его, подробно расспросил обо всем и в результате написал обращение к питерским рабочим.

В этом обращении говорилось, что ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего не может быть сомнения в том, что

> «кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы разбить наголову кулаков прежде, чем они успели объединиться.
>
> Сознательные рабочие могут в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, если передовые отряды рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют массовый поход в деревню.
>
> Сделать это некому, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — глупо и преступно. Это — гибель всей нашей революции.
>
> Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где

много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь»[11].

Тут же была открыта запись добровольцев в рабочий отряд. Желающих ехать в деревню оказалось очень много.

Бюро райкома для комплектования отряда выделило тройку, в которую входил и я. Нам было поручено составить список отряда с учетом того, чтобы в нем были не только коммунисты, но и беспартийные рабочие, и представить этот список на утверждение бюро райкома.

И вот список составлен и утвержден. В него вошли старые и молодые партийцы, комсомольцы и беспартийные — всего 40 человек. Учтены и специальности, нужные как для самого отряда, так и для деревни. В отряде были бухгалтер, машинистка, кузнецы, столяры, плотники, жестянщики, слесаря. Ехать мы должны были в приволжские губернии.

Началась подготовка к отъезду. Мы знакомились с географией и экономикой Поволжья. Еще и еще раз перечитывали обращение В. И. Ленина. Владимир Ильич в то время не ограничился обращением к питерским рабочим о поездке в деревню. Вскоре после этого послал руководящим партийным работникам питерской организации телеграмму по вопросу о посылке питерских рабочих на укрепление армии.

Настал день нашего отъезда. Нам предстояла остановка в Москве, где мы должны были встретиться с Лениным.

Приезд продотряда в Москву и встреча с В. И. Лениным

В Москву мы прибыли утром. По телефону сообщили в Кремль о нашем прибытии и затем мы шумной ватагой вышли на привокзальную площадь. Нас встретил разноголосый гомон торговцев и торговок, на все лады расхваливавших свой товар: — Белые румяные горячие с рисом, с изюмом, сладкие пирожки. Табак, папиросы, рассыпные и пачками. Старые серные безопасные спички фабрики Лапшина.

Мы первым делом взялись за пирожки, потом запаслись табаком, папиросами, спичками. Скоро прибыли две грузовые машины, и мы поехали по улицам Москвы. Вот Сухаревская башня. Она расселась на перекрестке двух многолюдных широких улиц, как толстая баба с квашней на базаре, и горя ей мало, что людям около нее тесно.

Вот большое черное, копошащееся пятно толкучки. Машины пронеслись мимо, пересекли Самотечную площадь, поднялись на косогор, повернули вправо и остановились у подъезда бывшей духовной семинарии, теперь 3-го дома Советов.

Быстро сгружаем и складываем в двух больших квадратных комнатах вещи и — на улицу, по Петровке спускаемся к гостинице «Метрополь». Здесь помещаются Центральный Комитет нашей партии и Совет Народных Комиссаров. Размещаемся в длинной узкой комнате. За столом В. И. Ленин. Смотрю на Ильича. В его прищуренных глазах и в уголках рта чуть заметная улыбка. Он проводит ладонью по широкому выпуклому, покрытому мелкими морщинами лбу и, подавшись всем корпусом вперед, как бы желая быть ближе к нам, начинает свою речь. В. И. Ленин говорит о тяжелом положении, которое переживает наша страна, об огромной опасности, нависшей над нашей Родиной, о необходимости нашей поездки в деревню. Наша цель, говорит В. И. Ленин,— вырвать бедноту из цепких рук кулака, пробудить ее классовое самосознание, привлечь на сторону бедноты середняцкую массу крестьянства, иначе нас захлестнет мелкобуржуазная стихия. Владимир Ильич раскрывает перед нами картину ожесточенной классовой борьбы в деревне и четко определяет задачи, стоящие перед нами. После выступления Владимира Ильича с кратким словом выступил Я. М. Свердлов.

Решили отряд наш не дробить и отправить его в распоряжение Народного комиссара по продовольствию товарища Цюрупы, с тем чтобы он нас направил на продработу в

прифронтовую полосу.

Мы рассказали Владимиру Ильичу о том, что при обсуждении его письма об организации продотряда среди питерских большевиков возникла оппозиция. Ее сторонники выступили против посылки питерцев в деревню, так как это будто бы ослабляет силы самого Петрограда и ставит его под угрозу.

Владимир Ильич сказал, что по этому вопросу он сегодня же свяжется с питерскими товарищами и разъяснит им их ошибку. В тот же день он послал в Петроград телеграмму, в которой говорилось:

> «Мы объяснились с прибывшей сюда агитационно-продовольственной группой Выборгского района. Такого рода группа несомненно очень нужна и сыграет крупнейшую роль в Казанской губернии, куда она направляется. Но сейчас есть не менее острая потребность в партийных работниках, которые могли бы на чехо-словацком фронте просвещать, объединять и дисциплинировать советские войска. Продовольственная задача не может быть разрешена без подавления чехо-белогвардейского мятежа. Сюда необходимо сейчас направить многочисленных активных, боевых партийных работников. Жалоба Петрограда на то, что мы обезлюживаем Петроград, неосновательна. Где же брать лучших агитаторов и организаторов для общегосударственных задач, как не в Петрограде?
>
> Москва дала нам уже около 200 агитаторов-комиссаров на чехо-словацкий фронт. Петроград должен дать не меньше. Желательны бывшие военные, но не обязательно: достаточно быть твердым, преданным революционером, чтобы оказать неоценимые услуги делу борьбы против волжской и уральской контрреволюции.
>
> Ждем вашей энергичной и скорой поддержки, товарищи!
>
> *По поручению ЦК Российской партии коммунистов Ленин. Свердлов»*[12].

Кроме того, Владимир Ильич по прямому проводу передал в Смольный письмо, в котором писал, что «Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас, осуществляя план соединенного натиска чехословаков, англичан и алексеевских казаков». И дальше в письме говорилось, что Питер мог бы дать вдесятеро больше, если бы не оппозиция питерской части Цека. *«...Ввиду этого,— писал В. И. Ленин,— я категорически и ультимативно*

настаиваю на прекращении всякой оппозиции и на высылке из Питера вдесятеро большего числа рабочих. Именно таково требование Цека партии.

Категорически предупреждаю, что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела.

Ленин»[13]

Из ЦК мы отправились в Наркомпрод, оформили документы и сразу же поехали на Казанский вокзал. Нас направляли в Казань в распоряжение губпродкома. Ехали мы долго, с длительными остановками на станциях. Но вот, наконец, и Казань.

В Казани

— Гостиницу «Сарай» знаешь? — спрашиваю я старика татарина, кряхтя увязывающего на подводе наши вещи.

Старик удивленно посмотрел на меня и ответил: ««Сарай» гостиница все знают». Он взял в руки вожжи, чмокнул и, когда телега, скрипя и покачиваясь, тронулась, заговорил:

— Гостиница «Сарай» — хорошая гостиница. Много купец там гулял, из Нижнего с ярмарки приезжал, шибко гулял.

— Теперь купец больше гулять не будет,— говорю я.

Старик даже остановил лошадь. В упор посмотрел мне в глаза.

— Не будет?

— Нет, не будет.

Старик как-то по-особому подобрал вожжи, сердито прикрикнул на лошадь и молча пошел рядом со мной.

У базарной площади, обнесенной со всех сторон торговыми лавками, у длинного двухэтажного здания гостиницы «Сарай» старик оживился. И, развязывая веревки, опять стал хвалить гостиницу, но про купцов ни слова.

Мы сложили вещи в нескольких больших номерах гостиницы и отправились на реку Казанку купаться. Оттуда я вместе с Чугуриным зашел в гости к председателю губчека — нашему питерскому земляку Лацису — Дяде, бывшему парторганизатору Выборгского районного комитета партии. Он принял нас радостно и тепло.

Утром мы собрались в губпродкоме и здесь встретились с москвичами, прибывшими, как и мы, на заготовки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Совещание проводит заместитель особоуполномоченного по заготовкам.

— Урожай в этом году,— говорит он,— ожидается хороший. Хлеба будет много, но голыми руками его не возьмешь, кулак так просто его не отдаст. Крепкий середняк пока что тянется за кулаком, маломощный середняк колеблется, а беднота очень плохо организована.

— До нас,— продолжает он,— на продработе здесь находились меньшевики и эсеры. Они подорвали доверие к нашей торговле. «Товарообман у вас, а не товарообмен»,— говорят не только кулаки, но и крепкие середняки. Хлеб попадает в руки спекулянту, мешочнику, но не государству.

— Стало быть, есть какие-то пути получить хлеб, раз его спекулянты и мешочники получают,— говорит Чугурин.

— Нам за ними не угнаться,— отвечает руководитель совещания.— Мы не можем идти таким путем, каким идут они.

Положение, как выяснилось, было очень серьезное: кулак потянул за собой крепкого середняка. Маломощный середняк и бедняк получили помещичью землю, а обрабатывать, засевать ее было нечем, и они вынуждены были идти на поклон к кулаку. А тот почувствовал свою силу и попер напролом. В деревнях распространились слухи, будто весь кулацкий хлеб будет распределен между бедняками и середняками. Те верили в эти слухи и превращались в ярых противников наших заготовителей. В деревню идти было просто опасно. Но нам нужен был хлеб, и мы должны были его взять.

Нам предстояло развернуть большую разъяснительную работу среди бедняков и середняков с тем, чтобы высвободить их из-под влияния кулаков и повести за собой в борьбе против кулачества, поставившего своей целью костлявой рукой голода задушить молодую республику.

Руководитель совещания развернул перед нами большую географическую карту и показал районы с большими излишками хлеба. Ехать нужно было туда. Но в связи с тем, что в губкоме ждали прибытия еще нескольких продовольственных отрядов, распределение по районам оставили до их приезда.

Чтобы использовать свободное время, мы решили побывать на местных предприятиях. Это было необходимо, так как среди рабочих было немало таких, которые были тесно связаны с деревней и являлись противниками хлебозаготовок. Нам нужно было поговорить с ними и попытаться мобилизовать их на борьбу за наше общее пролетарское дело.

Утром следующего дня согласно разработанному вечером в горкоме партии плану мы рассыпались по предприятиям города Казани.

Я с двумя товарищами попал к железнодорожникам. Пожалуй, наиболее передовой частью из них были рабочие депо. Они хорошо понимали происходящее вокруг и от всего сердца приветствовали Октябрьскую революцию.

Другое дело — движенцы. Среди них было немало таких, которые высказывали недовольство тем, что Советская власть принимает такие строгие меры борьбы с мешочничеством.

— Был бы тут грабеж, другое дело, а тут честная торговля: в одном месте купил — в другом месте продал, заработал детишкам на молочишко. Почему это нельзя?

— Потому,— говорим мы,— что этим загружается транспорт, вздуваются цены, нарушается работа заготовительных органов, а главное — от всего этого выигрывает кулак, наш классовый враг.

Мы читаем рабочим обращение В. И. Ленина «К питерским рабочим». Рабочие депо явно на нашей стороне.

Они вступают в горячие споры с движенцами, заинтересованными в свободном провозе продуктов по железной дороге.

В гостиницу мы вернулись поздно. Все были довольны проведенным днем.

Товарищи, побывавшие на других предприятиях, были менее довольны результатами своих бесед с рабочими Казани. «Будете вывозить от нас хлеб для Питера и Москвы — у нас начнется голод. Другое дело Украина, Дон, Сибирь — оттуда вези хлеба сколько хочешь».

— Но там же немцы, белогвардейцы, чехи, казаки,— говорят питерцы.

— Ну так что же, прогоните их, и хлеб будет.

В общем настроение у рабочих было неважное. Нужна была серьезная работа, чтобы смыть с них эту потребительскую, обывательскую шелуху.

На следующий день с утра десять человек молодежи из нашего отряда ушли на Волгу, часть товарищей пошла на базар за продуктами, остальные, прячась от зноя, обсуждали удачи и неудачи нашей первой вылазки к рабочим города Казани. Неожиданно грянул орудийный залп. Мы умолкли, прислушались. А звуки выстрелов, точно боятся, что их вот-вот кто-то остановит, катятся один за другим, временами соединяются по два-три выстрела вместе. Взлетели галки, голуби и в тревоге кружатся над базарной площадью, над лавками и домами.

Мы тревожно переглядываемся.

— Не чехи ли?

Стрельба продолжается. Над городом рвутся снаряды.

— Идем в штаб. Надо узнать, что случилось.

У штаба взад и вперед снуют красноармейцы, вооруженные рабочие. Подкатывают мотоциклы, легковые машины. Подхожу к хмурому на вид часовому и спрашиваю:

— Что случилось? Чьи стреляют?

Около часового собираются группы людей.

И оттого ли, что он сам не знает или знает, но ему велено молчать, он поднимает винтовку и орет:

— Разойдись!

Но нашим товарищам все же удается проникнуть в штаб, где им сказали, что идут учебные стрельбища.

Идем домой. Ушедшие на Волгу еще не вернулись. Мы все в тревоге за нашу молодежь. Грянули пушки из крепости,

задрожали стены, жалобно задребезжали стекла окон, и, как в лихорадке, забилась крышка стоявшего на столе фарфорового чайника.

— Чехи на Волге! — крикнул пулей влетевший в комнату Прохоров.

Все бросились к винтовкам.

— Постойте, товарищи,— говорим мы.— Надо в губпродком сходить. Самостоятельно мы действовать не можем.

Пошли. На полпути встречаем Чугурина, он возбужденно рассказывает,

— Чехи с белогвардейцами прошли на баржах под красными знаменами, обманув нашу береговую стражу, и открыли огонь по городу.

— Почему же наша артиллерия молчала?

— Артиллеристы забастовали.

— Как забастовали? — вырвался крик возмущения у всех нас.

— А так. Гарнизон крепости — это осколок старой, царской армии. Ну и забастовали. «Давайте жалованье за месяц вперед и новое обмундирование — без этого воевать не будем!»

— Предатели! — крикнул кто-то.

— Нет, они не предатели,— сказал Чугурин.— Это результат политической темноты и нашей плохой работы.

— А почему штаб скрывал от населения города и от нас настоящее положение дела и говорил о какой-то учебной стрельбе?

— Должно быть, чтобы избежать паники в городе, надеялся быстро наладить дело обороны и дать отпор налетчикам, но дело, как видите, затянулось.

Мы молча вошли в губпродком.

— А, легки на помине,— кричит заместитель особоуполномоченного.— С нами едете или как? Мы на подводах. Нам тут больше делать нечего. Пусть военные расправляются.

Нас это озадачило. Вдруг входит товарищ Хомяков, наш старый питерец, давно перекочевавший в Казань на продработу. Мы окружили его.

— Что же это значит?

— Бегут,— ответил он.

— А склады, продукты, товары?

— Остаются.

— Так. А ты тоже бежишь?

— Нет,— ответил он.— Остаюсь.

— Мы тоже остаемся,— заявил я.

— Вот и отлично. А москвичи? Как они?

Решаем привлечь москвичей — организовать боевой отряд.

Вечером, вооруженные винтовками, с порядочным запасом патронов, идем в губпродком. Жуткая тишина еще жилого, но уже покинутого дома окружает нас.

В доме ни души.

Ждем 20—30—40 минут, никто не приходит, и мы отправляемся в губисполком.

Оттуда нас, как коммунистов, направили в губком партии. Беспартийных товарищей из нашего продотряда мы берем с собой.

В губкоме партии нас записали и велели в саду ждать вызова. По деревянным ступенькам крутой лестницы спускаемся в небольшой сад.

Садимся под тенистым деревом и уплетаем хлеб и до горькоты соленую сухую колбасу. На террасе то и дело появляется вестовой. Он выкрикивает отдельные имена, фамилии, названия предприятий.

Нас долго не вызывают.

— Забыли, что ли?

Решили справиться. Говорят, что о нас сообщено в штаб и что нам надо ждать. А ждать нет сил.

Пошли в штаб сами.

Там нашему приходу очень обрадовались.

— Вот хорошо, что пришли. Только что звонили из губчека, просили подмогу. Отправляйтесь туда.

— Мы хотим на фронт.

— На фронте и без вас справимся, а председателю губчека товарищу Лацису надо помочь, он же ваш земляк — питерец, да еще и из вашего Выборгского района.

Мы получили пароль и отзыв и отправились в губчека. По пути заглянули в гостиницу. С Волги так никто и не пришел.

Командование нашим небольшим боевым отрядом было поручено мне. Когда мы вышли на улицу, было уже темно. Где-то недалеко застрекотал пулемет. Прошли деревянный мост, переброшенный через безводную канаву Буелак. Узенькими кривыми переулками поднимаемся в гору.

— Стой! Кто идет? — раздается в темноте окрик. От телеграфного столба отделяется тень, другая, третья.

— Свои,— машинально отвечаю я.

— Пароль,— тихо спрашивает патруль. Подхожу, шепотом сообщаю пароль, получаю отзыв. Идем дальше, подбодренные первым шагом военно-боевой жизни.

У ярко освещенного белого особняка, окруженного с трех сторон густыми вековыми деревьями, останавливаемся.

В тени стоят грузовики, вооруженные пулеметами.

Находящиеся тут же красноармейцы быстро окружают нас. Через некоторое время мы входим в большую квадратную комнату. На голом полу, прижавшись друг к другу, спят красноармейцы. Тут же пристраиваются товарищи из нашего отряда.

Входит начальник караула губчека.

— Кто старший питерских рабочих? — спрашивает он.

Я поднимаюсь и иду ему навстречу. Он просит выделить несколько человек в помощь работникам губчека. И через две-три минуты десять товарищей под командованием чекиста ушли на операцию. Через час они вернулись. Операция не удалась.

— Ускользнули гады,— ставя в угол винтовку, говорит Попов.

По просьбе старшего мы сменяем уставшую за эти тревожные дни команду красноармейцев и опоясываем часовыми примыкающие к ярко освещенному дому улицы и переулки.

Сменили мы и внутренние посты.

Вернулись в дом. Здесь все по-прежнему. Спят объятые тяжелым сном красноармейцы. Под головами шапки, вещевые мешки. Крепкий, дурманящий запах насытил воздух комнаты. Усаживаюсь на подоконнике приоткрытого окна.

— Пустите, пустите! — кричит во сне и бьется точно в припадке спящий у печки молоденький красноармеец.

— Вот так почти каждую ночь,— говорит старший.— Мать его в Симбирске растерзали белогвардейцы. Когда чехи занимали город, белогвардейцы организовали манифестацию, на которую случайно она и натолкнулась.

«Вот мать большевика!» — крикнул кто-то, и не успела она слово сказать, как взлетела над толпой, упала на мостовую, еще раз взлетела и опять ударилась о землю. А сын в это время стоял у открытого слухового окна на чердаке своего дома и все видел, но он не знал, что это глумятся над его матерью. Когда он это узнал, то застрелил белогвардейского офицера и бежал. Теперь он в нашем отряде и почти каждую ночь кричит, бормочет и бьется, как в припадке.

Я всматриваюсь в лицо юноши-красноармейца. Он ворочается, отбивается кулаками, ногами, что-то торопливо бормочет, холодный пот покрывает его возбужденное лицо.

Утром загрохотали орудия, с Волги им ответили пушки крепости. Мы идем по притихшим улицам.

Подходим к штабу.

— От командования есть указание,— сказал начальник штаба,— направить вас в помощь комендатуре города для патрулирования на центральных улицах города.

Пробую возражать, настаиваю на отправке нас на фронт, но из этого ничего не выходит. Нам приказано выполнять

порученное задание.

На берегу Волги пылают лабазы, склады, город обстреливают. По крышам и мостовой рассыпаются осколки снарядов. Бренчат стекла окон. Мы ходим по центральным улицам, вглядываемся в лица прохожих, в окружающую жизнь. Заходим в губком партии. Там по-прежнему деловитая суета и движение. Становимся в очередь, получаем хлеб, соленую сухую колбасу, папиросы, наливаем в котелки чай. Подкрепившись, снова идем на улицу.

Грохот орудий усилился. Слышней стала стрельба из пулеметов и винтовок.Видно, белые получили подкрепление и развивают наступление. Подошли к особняку, в котором провели прошедшую ночь,— в нем ни души.

— Эвакуировались,— говорит Прохоров. Неожиданно появились москвичи, и не успели мы с ними обменяться приветствиями, как к нам подлетели два вооруженных всадника.

— Кто старший? — кричат они.— Берите курс на Волгу, там наши отступают, нужна помощь!

«В штаб нам теперь не пробраться»,— думаю я и даю распоряжение ребятам собрать остальные группы. Вскоре все мы в сборе. Стрельба все приближается. Решаем, как только приблизится фронт, включиться в бой, а пока выполнять свое задание.

Неожиданно к нам подбегает какой-то парень в студенческой форме.

— Вы коммунисты? — спрашивает он.

— Коммунисты,— отвечаю я.

— Бегите скорей вон туда, к обрыву, там вас ждут подводы и машины.

Москвичи и часть моих ребят срываются с места. Я останавливаю товарищей.

— Куда вас несет? Слышите, там пулемет стрекочет. Хватились студента. Он как в воду канул. Понимаем, что нас толкали в ловушку. И обидно, что оказались такими беспечными.

Идем по улице, нас нагоняют красноармейцы. Они сообщили нам, что тот же студент указал им место, где будто бы красноармейцев ждут подводы, машины, а на самом деле направил на засаду.

Нам надо быть начеку и смотреть в оба. Но как будешь смотреть, если хлещет густой, непроницаемый ливень. Глубокими потоками несется по улицам вода. Рвет и мечет ветер. Раскаты грома сливаются с пушечной стрельбой и трескотней пулеметов. Перед нами река Казанка. Мы бежим на деревянный мост и перебираемся через реку. Попадаем в какую-то трясину, с трудом взбираемся на высокую насыпь железнодорожного полотна.

Гром стих, дождик слабеет. Город в густом сером тумане. Там пылают жилые дома, склады, лавки. Даже страшный ливень не может погасить этого пожарища.

Из сорока человек нас осталось на железной дороге всего шесть. Остальные, видимо, где-то с Чугуриным, а десять человек — на Волге. Что с ними, мы не знаем. Надвигалась ночь. Нужно было подумать о ночлеге, и мы двинулись в неизвестный нам путь...

Разговор по душам

На железнодорожном разъезде будка. Подле нее высокий тонкий журавль колодца. Я бегу к нему. С лютым лаем меня встречает курчавая собачонка. Из открытого окна будки раздается строгий окрик, и собачонка, поджав хвост, отступает. Я припадаю сухими, воспаленными губами к холодному краю бадьи. Подошли товарищи, подталкивают.

— Давай скорее, другим тоже надо.

Знаю, что надо, но не могу оторваться, пью торопливыми большими глотками.

— Умаялся? — спрашивает будочник.

— Есть малость,— отвечаю.

— Из Казани, что ли?

— Оттуда.

— Что там?

— Горит,— отвечаю.

— Горит,— повторил сторож, посмотрев в сторону города.— Давеча пушки здорово стреляли, а теперь что-то не слыхать. И что это на белом свете творится,— говорит сторож.— Жили-жили себе люди, и ничего, а тут, на тебе, пошли брат на брата, сын на отца, отец на сына. Должно быть, конец света пришел.

— Да, пришел конец света,— говорю я,— только не для нас, а для бар. Наш свет только начинается.

Будочник почесал рыжую бороду и, пытливо посмотрев мне в лицо, спросил:

— Так ли?

— Да уж так.

— Что-то не верится.

— Это почему же?

— Да как тебе сказать. Вот в пятом году тоже с красными флагами ходили, песни эти самые пели, листовки там разные разбрасывали, а все, видишь, повернулось на старое.

— Теперь не повернется. Пятый год даром не прошел, дело теперь острее стало. Вот только бы взяться нам дружнее, чтоб не вразброд.

— Это ты верно говоришь, вразброд не годится, вразброд — это самое плохое дело. Скопом надо. А то, видишь, чехи или как их там город-то взяли.

— Отнимем город и все отнимем, что они у нас взяли,— ответил я и, вспомнив о городе, спросил:

— Из города много идут?

— И-и-и, страсть сколько. И куда только идут. Одни —

скучные, другие — злые, а которые — ничего, вот так, как вы,— веселые, смеются.

— А чего же унывать? Нынче они нас поколотили — завтра мы их колотить будем, и наша все же возьмет.

— Стало быть, драчка эта долго еще будет?

— А пока на земле будет богатый и бедный, хозяин и работник.

— Ишь ты,— протянул будочник и, посмотрев на меня, на мою винтовку, на винтовки товарищей, тихонько сказал:

— Вы бы их бросили.

— Это зачем же?

— А затем, что мужики в деревне винтовками вашими вас же и порасстреляют.

— За что?

— За обиду — вот за что,— сказал будочник.— Ты вот говоришь: дружней, дружней, чтобы всем вместе, чтобы раздору не было,— а сами хлеб, скотину и всякую всячину у мужика берете.

— Мы же за все это платим.

— Как же, держи карман шире.

— Это все кулаки-мироеды мутят да натравливают на нас середняка и бедняка.

— Вот видишь, как у тебя получается. Кулак, середняк, бедняк, а они этого не желают. Они желают, чтобы было как есть одно крестьянское сословие, а то, видишь, дележ начинается, вот и идет дело вразброд.

— Нет, брат, людей надо делить на бедных и на богатых, на хозяина и на работника, иначе запутаемся и не будем знать, кто свой и кто чужой. Вот, возьми кулака, куда ты его притулишь? К беднякам он не подходит и к работникам тоже, а к богатеям, к хозяевам он как раз подойдет. Стало быть, с ним у нас и разговор особый будет, и без драчки тут не обойдешься. Нам только разъяснить эту штуку беднякам да середнякам надо, а там дело пойдет.

— Оно, может, и так, парень, я вижу, ты толковый, а винтовки все же бросьте. Для вас же вернее будет, растолковать там или что.

— Это мы посмотрим,— ответил я и отошел к товарищам, сидящим на старых шпалах.

У Кривоносова в корзине оказался кусок колбасы и размокший хлеб. Подкрепились, еще раз напились и, попрощавшись с будочником, двинулись дальше.

Идем по узенькой пешеходной дорожке, советуемся о ночлеге. За поворотом полустанок, но там ночевать опасно: чехи

могут нагрянуть. В лесу холодно, сыро, а мы еще не обсохли. И тут наше внимание приковывают стога сена, стоящие налево от нас, на скошенном лугу. Спускаемся с насыпи и, точно кроты, зарываемся в глубь пахучего сена. Кто-то чихнул, товарищи желают ему доброго здоровья. Шорох и возня быстро сменяются мертвой тишиной. Вспоминаю совет будочника о винтовке и, придвинув ее ближе к себе, быстро засыпаю.

Первым проснулся Кривоносов.

— Пора подниматься,— говорит он,— дорога подсохла, крестьяне могут приехать за сеном, тогда шума не оберешься.

Нехотя, полусонные выползаем из нор. Только-только светает. Мимо проносится пассажирский поезд с ярко освещенными окнами.

— Как там сухо и тепло,— думаю я и, съежившись от холода и сырости, смотрю поезду вслед.

— Будь мы на полустанке, может быть, и нас подобрали бы,— говорит Прохоров.

Мы сочувственно вздохнули, а шум поезда слышится где-то уже вдалеке.

Выбираемся на насыпь железной дороги. Дрожим, ноги одеревенели, зубы выбивают мелкую дробь.

Обнесенный густым колючим кустарником лес в полудремоте, ни одного звука, как будто все притихло и следит за нами неласково и неприветливо. Вдруг раздается торопливый стук колес и шипение бегущего по рельсам паровоза. Мы скатываемся с насыпи, царапая себе руки и лицо, падаем в кустарник. Из-за поворота вылетает паровоз, заполненный вооруженными винтовками людьми. Штыки, как иглы ежа, ощетинились со всех сторон. Кажется, малейший шорох — и нас осыпет градом пуль. Мы плотнее прижимаемся к земле.

Паровоз со свистом и шипением проносится мимо.

Покидаем свое убежище и выходим на широкую дорогу, мощенную белым камнем и обнесенную по обеим сторонам ровно подстриженными высокими кустами.

На повороте встречаем крепкого, прошедшего военную муштровку старика.

— Куда идет эта дорога? — спрашиваем его.

— В помещичью усадьбу,— отвечает.

— Далеко эта усадьба?

— Верст семь-восемь будет. Да она вам ни к чему. Вы из Казани, что ли?

— Из Казани.

— Переходите на проселочную дорогу. Она приведет вас в небольшую деревушку, там и узнаете, куда вам идти.

Мы поблагодарили старика и пошли указанным путем. От утренней усталости не осталось и следа. Доберемся до Козьмодемьянска, оттуда — в Нижний, из Нижнего — в Москву. Лес кончился, и мы идем полем. День жаркий, прячемся от палящего солнца в тень высокого дощатого забора кладбища. Приятная истома обнимает усталое тело, смыкаются глаза.

Деревня уже близко. Но она скрывается за перевалом, и видны только две крайние избы да бани, расположенные на косогорье. Из деревни доносится какой-то разноголосый шум. Это тревожит нас. На углу одной из халуп появляются ребятишки, исчезают и вновь появляются. Неизвестность пугает и манит. Решаем идти. Из-за косогора показывается вооруженная вилами, топорами, дубинками и охотничьими ружьями толпа, которая движется по направлению к нам. Толпа в большинстве состоит из женщин и подростков. Впереди на коротких толстых ногах, в широкой ситцевой на выпуск рубахе, с расстегнутым воротником и засученными выше локтей рукавами стоит предводитель. Окаймленная рыжими редкими волосами, его лысина покрыта крупными каплями пота, покатая грудь дышит порывисто и часто, в руках тяжелый кол.

Прохоров отстегивает гранату.

Поровнялись, проходим мимо. Строго, начальническим взглядом смотрю в глаза предводителю. Он не выдержал моего взгляда и отвертывается.

Ребята и бабы с любопытством смотрят на нас.

— Не оглядывайтесь, не прибавляйте шагу, гранаты не убирайте,— шепчу я товарищам. Все дальше и дальше отходим мы от грозной опасности и незаметно для себя прибавляем шагу.

Гомон, шум возобновился, но теперь он уже позади. Мы за околицей, из груди вырывается вздох облегчения. Опасность столкновения миновала.

«А сколько нам еще предстоит таких встреч, это только первая деревня на нашем пути»,— думаю я.

— Вот кому надо сказать спасибо,— говорит Прохоров и трясет над головой ручной гранатой.

— Не только этому, а и тому, что толпа неоднородна, много в ней было бедняков, а кулак только предводительствовал,— отвечаю я.

Перед нами в балке раскинулось большое село.

Как встретят нас здесь? Входим в тихую, безлюдную улицу.

— Будем играть в молчанку,— говорит Кривоносов,— но прислушиваться и всматриваться в жизнь большого села. Мы с этим согласны.

Проходим мимо крестьянина, который просеивает большим

решетом зерно; рядом стоит высокий, худощавый поп в длинной черной рясе.

— Овца и пастух,— бормочет Прохоров, а мужик, косясь на нас, кричит:

— Кышь, кышь, проклятущие, послетелись на чужое зерно.

Поп ехидно улыбается и тоже косит глазами на нас. Никакой птицы около зерна нет, и я понимаю, что в роли птиц, налетевших на крестьянское зерно, мужик представляет нас.

— Дурень,— говорю крестьянину,— вот около тебя стоит коршун, он не только пожрет твое зерно, но и тебя самого слопает.

Перепуганный поп, как аист, вытянул шею и переступает с ноги на ногу.

Через несколько шагов крутой поворот, и мы теряем из виду попа и крестьянина.

Идем мимо старой, но еще крепкой большой избы, на ней красуется позеленевшая от времени вывеска с полинявшей надписью сельского правления и с царским гербом, а над ним развевается красный флаг.

Под зеленым шатром мощного дуба сбились в кучу мужики, о чем-то громко спорят. Я замедляю шаг и с напряженным вниманием вслушиваюсь.

— Что им в зубы-то глядеть, хлеб на корню гниет, зерно осыпается, а у них жатки без дела стоят, нешто это порядок.

— Ходим, просим — не дают.

— И нечего просить, брать надо. Мы три года на войне гнили в окопах, а они тут жирели. Хватит. Жатки и лошадей надо забрать и установить порядок, когда у кого хлеб убирать. Всеми семьями убирать будем, и дело быстро пойдет.

— Вот бы с ними поговорить,— думаю я и, взглянув на своих товарищей, направляюсь к крестьянам.

— Куда,— одергивают меня товарищи,— забыл уговор о молчанке. Нехотя подчиняюсь, и мы выходим из села.

По пыльной глинистой дороге спускаемся в неглубокую балку, делаем привал на высокой сочной траве.

— Слыхали разговор? Это фронтовики помогают разгореться костру революции.

— Молодцы ребята. Вот бы им наша подмога пригодилась.

— Смотрите,— вдруг говорит Попов.

Глядим, в балку скатываются одна за другой телеги.-

— Эх, жаль не по пути,— бормочет Кривоносов.

Но крестьяне, заметив нас, торопливо стегают и без того бойкой рысцою бегущих лошадей.

Проехали, и снова тихо.

— Еще едут,— шепчет Кривоносов.

Я поднимаюсь, прислушиваюсь к скрипу телеги, стуку лошадиных копыт, гомону торопливой татарской речи и иду к дороге.

Телега с грохотом и скрипом вваливается в балку.

— Добрый день,— говорю я кривому татарину лет сорока, сидящему в телеге. Тот, не отвечая на приветствие, придержал сытого коня и спрыгнул с телеги. Бросив вожжи мальчонке, сидевшему на телеге, он хлестнул вороного кнутом, любовно посмотрел ему вслед сощуренным глазом, молча подал мне широкую ладонь крепкой руки и как давно знакомому сказал:

— Сам растил, молоком поил, хорошая лошадь, много работает. А вы из Казани? Горит? Шибко горит?

— Горит,— отвечаю.

Татарин покачал низко остриженной головой, покрытой неглубокой тюбетейкой, вздохнул, пошел к товарищам. Смуглое лицо его спокойно, а зрячий глаз, чуть-чуть прищуренный, как мышь, вышедшая на охоту, шныряет по сторонам,— увидел кисет с табаком, протянул руку.

— Можно?

— Можно, бери,— ответил Прохоров.

Татарин извлек из кармана шаровар обгорелую трубку, обтер ее грязным рукавом рубахи, туго набил табаком, прикурил, затянулся и, как бы думая вслух, заговорил:

— Возил красноармейцев. 18 верст возил. Хорошие ребята, много нам рассказали. Зачем теперь война, зачем революция. Мы так понимаем: у нас две лошади, одна корова, пять овец, мало-мало земли, сами работаем, значит мы — середняк, у кого меньше — тот бедняк, а у кого много земли, лошадей и скотины, нанимает работников — кулак.

— Верно,— отвечаю я.

— А вот у нас староста не так понимает. Почему?

— А как же он понимает? — спрашиваю.

— Все одинаково, по очереди давай лошадь, давай корову, барашка давай, давай то, давай другое, и все поровну, и все по очереди. Почему так?

— А у него много лошадей, скота? Работников нанимает?

— Всего у него много, и работников нанимает.

— Стало быть, он кулак,— говорю я.

Татарин быстро заморгал зрячим глазом и посмотрел на нас. Широкой шершавой ладонью он с корнем вырвал пук травы, помял его и с силой швырнул в сторону.

— Красноармейцы нам говорили: мы у помещиков землю, скот, инвентарь забрали, кулак много себе захватил, теперь надо

забрать у кулака, дать беднякам и середнякам.

— Вот, вот, но кулак добром не отдаст, а норовит захваченное у помещиков за собой закрепить. Мы — рабочие, Красная Армия не даем кулаку этого сделать. Жмем на него, а он против нас у вас, середняков и бедняков, опору ищет, вот и говорит: «Мы все равные, все крестьянское сословие». Понял? Все поровну.

— Так, так,— шепчет татарин, кивая головой, затем бросает на нас острый взгляд единственного глаза, спрашивает:

— Он кулак, это верно. А зачем вы лошадей, хлеб берете, жен, девок обижаете, над богом смеетесь?

— Кто же это делает?

— Да вы, коммунисты.

— Нет, коммунисты безобразий не творят; хлеб, мясо, лошадей задаром не берут.

Татарин торопливо перебил меня.

— Делают. Тут близко в село приезжали коммунисты, всю ночь гуляли, жен, девок трогали. Я сам все это видел.

— А откуда ты узнал, что это были коммунисты? Может, тебе об этом поп да кулаки сказали. Им это выгодно. Они хотят натравить середняков да бедняков на коммунистов.

Татарин пытливо посмотрел нам в лицо и спросил:

— Не коммунисты это делали?

— Нет, не коммунисты.

— А почему во всех деревнях говорят, что это были коммунисты?

— А потому, что во всех деревнях есть враги Советской власти. Вот они и врут на коммунистов.

— Так, так,— прошептал татарин и, опустив голову, задумался.

— Ну, что же, отдохнули, побеседовали, пойдем,— говорит Прохоров. Мы поднялись.

Вдруг татарин вскакивает, хватает меня за руку.

— Пойдем со мной, пожалуйста, пойдем, все пойдем.

— Куда,— спрашиваем,— пойдем?

— Ко мне пойдем. Вот здесь, с краю. Никто не увидит, никто не знает. Понимаешь, пойдем, все пойдем.

— Что же мы там будем делать?

— Рассказывать будете, вот как мне рассказывали. Я соберу нужных людей, им будете рассказывать.

Мы переглянулись. Решили пойти. Халупа татарина оказалась совсем близко. Мы подошли к ней никем не замеченные. Хозяин пропустил нас вперед.

— Садитесь вот здесь,— суетясь вокруг нас, говорил он.

Потом позвал мальчугана, по-татарски что-то ему сказал, тот живо тряхнул головой и исчез. Вошла жена татарина. Она поставила перед нами большой кувшин молока, хлеб.

Через несколько минут в избу стали заходить крестьяне — русские и татары. Когда собралось человек тридцать, хозяин подошел ко мне.

— Говори, пожалуйста.

В избе водворилась тишина, все с затаенным любопытством смотрят на нас, ждут, что мы им скажем.

Я прочел письмо товарища Ленина к питерским рабочим. Один потянулся ко мне, взял письмо в руки, стал внимательно просматривать его. Затем, поглядев на собравшихся, сказал:

— Нам нужно как можно быстрее создать комитет бедноты.

— Разве у вас до сих пор нет комитета бедноты? - спрашивает Попов.

— Был да развалился. Председателя ночью из-за угла убили, а остальные сами собой разошлись.

— Вот еще, товарищи, скажите нам, кого считать кулаком. У нас тут споры большие.

Мы объясняем, как нужно подходить к определению кулака.

— Есть у нас такие,— говорят крестьяне и начинают, перебивая друг друга, называть имена местных кулаков.

Собравшиеся долго спорили между собой и договорились завтра же организовать комитет бедноты, объединить вокруг него всех преданных Советской власти людей и развернуть борьбу против кулака.

Когда все эти вопросы были обсуждены, крестьяне обратились к нам с просьбой рассказать о Ленине.

Мы начали рассказывать про Ленина. Все сбились вокруг нас в тесный кружок и с таким вниманием и интересом слушали, что казалось, будто они впитывают в себя каждое слово.

— Спасибо, большое вам спасибо,— говорили крестьяне, провожая нас. — Теперь не сомневайтесь, кулаков мы больше бояться не будем, всю силу возьмем в свои руки. Все будет как полагается, и насчет помощи государству побеспокоимся. Если доведется вам снова увидеть товарища Ленина, передайте ему от нас низкий, земной поклон.

Мы торжествовали.

— К черту молчанку, больше играть в нее не будем.

Перед вечером мы вошли в расположенную в стороне от большой дороги деревню. В какой двор зайти? К нам подбегает голубоглазая девочка лет десяти.

— К нам идите, мама кличет.

— А хлеб, молоко мы у вас сможем купить?

Девочка утвердительно кивает головой.

— Милости просим,— с поклоном встречает нас хозяйка, пропуская через темные, хламом заваленные сени в горницу.

— Поставила бы стол на крыльцо, что им тут париться,— говорит хозяин, спокойным, твердым шагом переступая порог.

Мигом вытаскиваем стол, стулья на широкое скрипучее крыльцо. Хозяйка принесла две крынки молока и хлеб.

Поели и отправились отдохнуть к риге, где толстым слоем расстелили ржаную солому.

К нам подсел хозяин.

— Рабочие, что ли? — спросил он.

— Рабочие.

— Откуда?

— Из Питера.

— Что же так далеко забрались?

— Да так, по разным делам,— уклончиво ответили мы.

— На земле, стало быть, не сидели?

— Есть такие, что и сидели.

— Стало быть, жизнь крестьянскую знаете.— Он подождал немного, о чем-то подумал и напрямик спросил: — За кого же мне держаться?

— Ясное дело, за кого — за рабочего, если хочешь, чтоб жизнь твоя и наша лучше стала.

— У меня вот в пятом году отца по царской милости запороли. Сын на фронте погиб. У самого неспокойная кровь, бурлит, знаю, что за Советскую власть нам всем, вот таким, как я, держаться надо, да боязно что-то.

— Сам-то ты кто, середняк?

— Ни богат, ни бедняк, надо полагать — середняк.

— Много у вас тут таких с неспокойной кровью?

— Есть, да что толку, все вразброд, кто в лес, кто по дрова.

— А ты организуй. У тебя отец был в передовых, вот и ты становись и веди.

— Говорю ж тебе, боязно. А ну, как не удержится Советская власть, тогда сам себе веревку надевай на шею.

— Да ты что, в своем уме? Все рабочие за Советскую власть, беднота, батраки тоже, середняку, видишь сам, податься некуда, а ты не веришь в прочность Советской власти. Берись-ка за дело. Организуй народ. Придут люди из города, помогут.

Хозяин поднялся, внимательно посмотрел на нас.

Я подаю ему руку, спрашиваю:

— Ну что, договорились?

— Да, видно, договорились, куда же деваться. Десяти смертям не бывать, а одной не миновать.

— Спасибо, что поверил.

— Спасибо и вам, что надоумили.

Когда мы, отдохнув, собрались уходить, хозяин проводил нас за ворота. Вышла к воротам и хозяйка. Она сложила руки на груди и в такт каким-то грустным мыслям качает головой.

Мы поклонились хозяину, хозяйке, поблагодарили еще раз за хлеб-соль и лугом по скользким кочкам вышли на большак.

Небо нахмурилось. Притихли птичьи голоса и стрекотня кузнечиков.

— Будет гроза,— говорит Кривоносов.

— Прибавим шагу,— предлагает шагающий впереди Прохоров.

Небо как бы поняло наше намерение скрыться от грозы и еще больше нахмурилось.

Ослепительно ярким лучом блеснула молния, ей вдогонку прокатился раскат грома; откуда-то, точно из засады, выскочил ветер и закрутил, как ошалелый, в своих объятиях пыль дороги.

— Бежим, ребята, вон мельница недалеко.

— Не успеем,— говорит с тревогой Попов.

Вблизи видно село. Но кто нас там ждет? Кому мы там нужны? Правда, там должен быть трактир, может быть, есть и постоялый двор, но как его искать в такую погоду? Решаем укрыться от ливня у мельницы. Бросаемся к ней. Наталкиваемся на черные стены ветряной мельницы, прижимаемся к ним, но косые струи густого ливня забегают со всех сторон. Блеснула молния и осветила железную крышу большого здания школы или больницы. Мы бросились туда. Вбежали в открытые ворота огромного двора. Здесь большой сарай. Беру у Прохорова электрический фонарь и иду на разведку. Дверь со скрипом открывается. Сарай большой, заполнен телегами, санями, экипажами, колесами. Славная квартира. Во всяком случае дождь не мочит. Устраиваемся в санях, телегах и шепотом делимся впечатлениями за день. Вскоре все стихло. Я проснулся уже на рассвете.

С крыши падают тяжелые капли стихшего дождя. За перегородкой, в соседнем сарае, вздыхает и жует жвачку корова. Рядом со мной скрипнули сани. Это проснулся Прохоров и тщетно пытается зажечь промокшие спички.

Проснулись остальные. Обсуждаем положение. Неслышно кто-то подошел к дверям. Замерли, ждем. Заскрипела дверь соседнего сарая и тихо, ласково говорит с коровой женщина. Потом тонкие струйки молока ударили о жестяное дно ведра. Снова скрипнула дверь, щелкнул затвор. Мы припали к небольшим щелям стены сарая. Медленно, спокойно шагает

босыми ногами по густой грязи с ведром в руке женщина лет тридцати, и, как только она скрылась за углом большого квадратного дома, мы покидаем свое убежище и выходим на широкий, толстым слоем грязи покрытый двор.

Село еще в полудремоте. Проснулись жаворонки и трепещут крылышками над спокойно задумчивыми полями, чирикают воробьи, проснулись галки, зашевелились, заговорили на разные лады домашние животные. А мы, еще плохо согретые утренним солнцем, сидим под навесом двухэтажного дома, посматриваем на квадратную небольшую вывеску с двумя нарисованными чайниками и ждем, когда откроется дверь сельского трактира.

Наконец заветная дверь открылась, и мы очутились в большой квадратной полутемной комнате. Около русской печки ворчит ведерный самовар, а на печи в тряпье копошится что-то живое. Кругом носятся стаи встревоженных мух.

— Ничего, не осталось, все вчера поели ваши,— говорит дородная хозяйка.— Вот только остались одни яички.

— Спасибо. А молока и хлеба нет?

— Все вчера съели,— божится она.

Отправляемся на село и достаем хлеба. С улицы одна за другой в трактир потянулись бабы, выгонявшие в стадо скотину. Тут узнаешь все новости.

— Ишь ты, как сердечные проголодались,— шепчет старушка.— Почем хлеб-то брали?

— 15 рублей буханка.

— Поди и пяти фунтов не будет?

— Ровно пять, бабушка, на безмене вешали,— говорит Прохоров.

Старушка зашевелила губами и обратилась к круглолицей молодухе.

— Это почем же за фунт будет?

— По три рубля,— ответила та.

— По три? — переспросила старуха, недоверчиво посмотрев на молодуху.

Та подтвердила.

— А я-то, старая дура, вчера по рублю продала.

— Эх ты,— говорю.— Одной ногой в гробу стоишь, а все жадничаешь да убиваешься, что по рублю за фунт с голодного человека взяла, а с него и по пять можно было содрать.

— Что ты, что ты, господь с тобой. Я это так, к слову пришлось. Пусть ест себе на здоровье.

— Ты не больно шибко нас ругай: — свое продаем,— отозвалась бойкая молодуха.— Хлеба не дадим — так с голоду сдохнете. Не очень-то без нас проживете.

— А вы без нас проживете?

— Проживем. Серп, косу кузнец сделает, а ткань, мыло, самогон — и учить не надо.

— Это ты, молодуха, сгоряча от нас так отмахиваешься. Без рабочих вам тоже долго не продержаться. Глянь-ка, сколько тут добра, нами сделанного. Вон в печи, на полке, под полкой, стальные, железные, медные, чугунные — все нами сделано.

— Ну и что же, что вами. А вот хлеба не дадим — сдохнете.

— Это верно, без хлеба жить невозможно. Да понять вам надо: вы нам — хлеба, мяса, шерсти; мы вам — сапоги, гвозди, ведра, кровати, кастрюли, машины разные, ситцы.

— Сами сделаем, а хлеба не дадим.

— Нет, это так не выйдет. У таких, как ты, мы хлеб возьмем, хлеб нам нужен для рабочих, для Красной Армии.

— Возьмешь, пойди попробуй! — угрожающе произнесла бабенка и вышла. За ней потянулись и остальные.

Мы забрались в чулан и разлеглись на старом тулупе.

— Поехать бы нам теперь, может быть, и своих нагнали бы,— говорит Попов.

— Что ж, давайте,— подхватил Прохоров. Я тоже поддержал. Позвали хозяйку. Поговорили с ней на эту тему.

Накинув на голову платок, она пошла искать подводчиков и вскоре вернулась с двумя мужиками. Мы долго торговались, наконец поладили, и нам подали две тачанки, наполненные свежим, пахучим сеном. Мы разместились, попрощались с хозяйкой трактира и тронулись в путь.

Лицом к лицу с классовым врагом

По извилистой дороге, покрытой липкой грязью, мы спустились в небольшую, на откосе расположенную деревушку. За дворами внизу откоса расстилались луга, прорезанные неширокой голубоватой лентой речонки. Местами берега были покрыты высокими зелеными камышами, за рекой стояли темные стройки пивоваренного завода.

Мы выезжали из деревушки, и перед нами точно из-под земли появилось большое, в одну длинную широкую улицу село с остроконечной мечетью.

— Татарское? — спрашиваю возчика.

— Татарское. Малые Битоманы называется,— говорит возчик.

— Должно быть, богатое: ни одной захудалой избушки,— говорю я.

— Богатое, здесь почти все торговлей занимаются,— говорит возчик.— По соседним деревням скупают яйца и в крупные города отправляют.

Я с любопытством осматриваю село. Вдруг наперерез нам быстро выходит богато одетый татарин и хватает нашу лошадь под уздцы.

— Стой! — повелительно орет он.

Возчик смотрит удивленно на него, но лошадь не останавливает. В это время к нам подбегают богато одетые татары и останавливают лошадь.

— Документы! — обращаясь к нам, говорит один из них.

Я протягиваю мандат Наркомпрода.

И вдруг с быстротой вихря татары бросаются на нас. Я пытаюсь вытащить револьвер, но это мне не удается. Нас зверски избили и ограбили. Все в крови, в грязи и полураздетые вырвались мы из рук напавшего на нас кулачья. С товарищами растерялись. На другом берегу реки оказались втроем — Прохоров, Кривоносов и я. Куда ушли остальные и удалось ли им уйти, мы не знали.

У беженцев

Мы смыли с себя кровь, грязь и направились к ближайшей избе. Нерешительно останавливаемся перед закрытой дверью. За ней слышны голоса взрослых и плач ребенка. Вошли.

Здесь живут беженцы. Четверо женщин и двое мужчин недоуменно смотрят на нас. Просим разрешения присесть и рассказываем, что с нами произошло.

- Мы ничем не можем вам помочь,— говорит одна из женщин и как бы в подтверждение своих слов обводит взглядом пустую квадратную комнату.— Идите к управляющему пивзаводом. Он человек хороший, обязательно поможет вам.

Решили послать к управляющему Прохорова. Сами остались у беженцев.

Вскоре он вернулся, оправляя на себе до невозможности измятый костюм. На голове у него была драная фуражка с широкими полями.

— Сходите еще к бондарям,— говорят нам,— может, у хлопцев что найдется.

Я и Кривоносов отправляемся к бондарям. Те уже узнали от кого-то о нас и не удивились нашему виду.

— Иди, поищи,— сказал один из трех парней низенькой девушке, стоящей на пороге.

Та исчезла за дверью. Долго ждали. Парубки возились у бочек, мы переступали с ноги на ногу и смотрели больше на закрытую дверь, чем на бондарей. Наконец девушка вышла и вынесла нам пиджак, штаны и две шапки.

Мы вернулись к беженцам.

— Одному только и хватило,— скорбно шепчет молодая женщина и вопросительно посмотрела на мужа.

Потом быстро подошла к люльке и подняла спящего ребенка.

— Нате, может, подойдет хоть это,— говорит она, протягивая мне сильно поношенные штаны и пиджачишко. Но я несказанно рад и этому.

Как бы то ни было, но мы уже не в одном белье. Стоим, смотрим друг на друга, улыбаемся. Рады за нас и беженцы.

— Дорогу бы нам теперь кто показал, чтобы поменьше на пути кулацких сел попадалось,— говорю я.

— А вы к управляющему,— в один голос подхватывают беженцы.— Он местный и лучше нас знает, как вам пройти.

Идем к управляющему. Он указывает нам маршрут, по которому мы могли бы быстрее и безопаснее пробиться к своим.

Ночевали у беженцев. Утром нас напоили чаем и пожелали

нам доброго пути.

Снова в пути

Мы идем по узенькой тропинке. Поднялись на косогор. Малые Битоманы перед нами как на ладони.

Прохоров грозит кулаком: — Подождите, отплатим мы вам и за себя и за товарищей.

Идем молча, изредка оглядываемся. Деревни уже не видать. Не видно и стен корпусов завода. Видна только труба, которая как будто качается законченной верхушкой. Но вот и она исчезла. Нас окружает густой кустарник и хлебные поля.

Впереди шум водяной мельницы. А вот и она сама, окруженная высокими деревьями. В тени их стоят пустые и нагруженные мукой и зерном телеги. В стороне по чахлой опаленной солнцем траве бродят спутанные лошади.

Мельница — это источник всех новостей. А новости для нас неотрадные: где-то близко появились какие-то казачьи разъезды, вот-вот появятся их главные силы.

Одни мужики ждут их с нескрываемой радостью, другие — с настороженностью, третьи — с неприязнью.

Хочется вмешаться в разговор, но вид у нас не внушающий доверия, и мужики зорко следят за нами. Все же я обращаюсь к одному из крестьян, по виду бывшему фронтовику, и спрашиваю у него о казаках и о настроении крестьян.

— Про казаков не знаю, болтают разное, а настроение скверное. Пришел с фронта и вот еще не разобрался, кто за кого и кто с кем. Богатые мутят, ждут казаков. У нас в деревне убили двух комитетчиков бедноты. Во многих деревнях верховодят кулаки.

Вода с шумом падает на лопасти большого деревянного колеса мельницы.

— Вы здесь не очень задерживайтесь. Кулаки могут наделать вам всяких неприятностей, а их на мельнице немало,— сказал фронтовик.

Да нам и незачем здесь задерживаться.

Попрощавшись с фронтовиком, мы двинулись в путь. Перешли запруду и медленно идем вдоль высокой стены густого леса.

Перед нами две дороги. Выбираем ту, которая шире и больше укатана. Вскоре перед нами вынырнуло из-за пригорка большое торговое, похожее на уездный город село.

Выходим на его широкую тихую улицу. Все живое спряталось в тень, прохладу. На улице ни души.

Надо искать сельсовет. Но его нигде не видно. От жары,

усталости и жажды мы еле передвигаем ноги. За поворотом улицы у первого встречного спрашиваем, где сельсовет. Оказывается, он помещается неподалеку, но до шести часов вечера там никого не будет. Усаживаемся у палисадника на скамейке.

— Из Казани? — спрашивает подошедший к нам человек.— Много вас идет оттуда,— говорит он.— Которые так совсем голые.

— И нас кулаки избили и раздели,— говорим мы.

— Вот, вот многих так. Куда же вы теперь денетесь? Кругом казачьи отряды. Не сегодня-завтра их разведка здесь будет. А главные их силы в 35—40 верстах отсюда. Один вам путь — на Вятку. Да и то не знаю, успеете ли прошмыгнуть.

— В исполком думаем обратиться за помощью. Нам бы какие-нибудь документы и небольшую поддержку продуктами,— говорю я.

— Документов вам в Совете не дадут,— заявляет твердо и решительно человек.

Рядом скрипнула калитка. Из нее вышел молодой парень и тоже подтвердил, что скоро прибудут казаки и что документов нам в Совете не дадут. Оба они советовали нам поскорее уходить.

Но мы все же идем к исполкому. Там, кроме сторожа, ни души. Ждем, но возможность скорого появления казаков тревожит нас. По совету сторожа отправляемся к старшему милиционеру, жившему рядом с сельсоветом, но его тоже нет дома — уехал в деревню производить расследование. Там в эту ночь кулаки убили не то красноармейца, не то своих односельчан-активистов, и он раньше завтрашнего дня дома не будет. Так сообщила нам его жена. Возвращаемся в Совет. За перегородкой сидят два уже знакомых нам человека и что-то пишут. Мы садимся на длинную, приставленную к стене скамейку. Мимо спокойно проходят и садятся за столы служащие, пишут, читают.

— Вот как их кулаки в Малых Битоманах обработали,— обращается к одному из них сторож.

— Ловко,— говорит тот, подходит к шкафу, берет папку, садится за стол, копошится в бумагах.

А вот и председатель с загорелым скуластым лицом и маленькими, быстро бегающими по сторонам прищуренными глазами.

— Иди,— толкает меня сторож и скрывается в свою каморку. Он целиком с нами и за нас, но председателя побаивается.

Подхожу, здороваюсь, рассказываю наши приключения. Он слушает и не слушает и, кажется, ничего не понимает. Обидно и зло берет, как это люди, да еще стоящие у власти, не хотят

выслушать и вникнуть в наше положение. Хочу снова начать ему свой рассказ, но он заявляет:

— Денег у нас нет, шесть месяцев служащие жалованья не получают.

— Нам денег не надо, нам нужны документы.

— А документов я вам дать не могу, требуйте их там, где прописаны.

Председатель был настолько безразличен к нашей судьбе, что даже не спросил, кто мы и как сюда попали.

Нас поддержали служащие исполкома; при помощи сторожа они собрали между собой деньги, чтобы мы могли купить лапти. На наши ноги было страшно смотреть. Сторож дал нам три мешка, чтобы сделать онучи.

Ночевать мы остались в караулке. Худой, высокий, с прищуренными глазами мордвин-караульщик встретил нас равнодушно, как человек, видавший на своем веку и не таких скитальцев, как мы.

Ходит он по караулке, как плетьми, размахивает длинными руками. Плести недоконченную корзину, лежащую у закопченной печи,— темно, а другой подходящей работы, видимо, нет. Жена, круглолицая загорелая мордовка, сидит на широкой вдоль трех стен протянутой скамейке и забавляется маленьким сыном. На ее засаленном чепчике бренчат почерневшие от копоти и грязи серебряные монеты. Пытался я с ней заговорить, но она совершенно не понимает по-русски.

— Как вы тут живете? Тесно, грязно и каждую ночь постояльцы,— говорю я хозяину.

— А так и живем, что же делать? Когда-то в батраках был, да надорвался, хворь пришла, что было — проели.

Теперь в батраки не гожусь: вот тут что-то болит,— указывает он на грудь,— дышать трудно. Вот и поступил к этим живодерам за 60 рублей в месяц. А пуд муки стоит 150 рублей. Днем — на посылках, а ночью сторожем. А чуть что — штраф или выговор.

— Какой штраф? — удивился я.— Это в Совете-то?

— Да в Совете-то кто? Сынки тех же богачей-мироедов, и правят они так, чтобы им было хорошо.

— А председатель кто у вас? — спросил Прохоров.

— Да кулак, кто же он.

— Вы грамотный? — слушая его трезвые и правильные рассуждения, спрашиваю я.

— Так себе, учился, когда в солдатах был, а теперь, должно быть, забыл все.

Прохоров и Кривоносов собираются идти в село, добыть хлеба на ужин. Сторож дает им наставления.

— По главной улице не ходите — там богатеи. Они вас не накормят.

Прохоров и Кривоносов ушли. Я ложусь на лавку у дверей и быстро засыпаю. Просыпаюсь от шепота Кривоносова, он пришел с хлебом.

— А где же Прохоров? — спрашиваю.

— Остался там, сейчас придет.

Вскоре пришел и Прохоров, да не один, а с широкоплечим, крепким парнем, который оказался питерским, с Выборгского района. Он коммунист, работал молотобойцем на металлическом заводе, но вот уже три месяца живет в деревне и помогает отцу по хозяйству. Этот товарищ рассказал нам, что местное кулачье подняло было голову, да недавно в соседнем селе беднота при поддержке и помощи фронтовиков и части середняков забрала у кулаков хлебные излишки и отправила их на ссыпной пункт. Кулаки вооружились и двинулись вдогонку за обозом. Завязалось настоящее сражение. Не справиться бы бедноте с кулачьем, да тут подоспели отступающие из Казани красноармейцы и всыпали кулакам как полагается. Кулачье на селе перепугалось и притихло, а беднота приободрилась. Недавно без особого сопротивления удалось забрать у кулаков часть излишнего хлеба и вывезти его на ссыпной пункт. Рассказал он и о том, что их тут три партийца, организована ячейка.

— Вы вот его втяните в общественную работу,— говорю я, указывая на сторожа,— мужик он толковый.

Сторож махнул рукой, улыбнулся.

— Да он у нас и так активно работает, член комитета бедноты.

— А что же он у вас по кулакам ходит, поклоны им отбивает, за пуд муки по 150 рублей платит?

— Больше не пойдет,— сказал товарищ.— Вчера мы отобрали у мешочников и спекулянтов целый обоз муки. Часть его будет роздана солдаткам, вдовам, инвалидам войны, многосемейным беднякам и вот таким активистам, как он, а часть останется про запас. Зерно же, которое хотели раздать бедноте как помощь, будет сдано на ссыпной пункт. Кулаки нам грозят. Ждут казаков, чтобы с их помощью рассчитаться с нами. Но мы, чтобы не попасть врасплох, установили связь с ближайшими селами и в случае нужды будем помогать друг другу.

Дальше товарищ из Петрограда рассказал нам, что в селе идет подготовка к перевыборам Советов, что большую работу ведут комитеты бедноты, что в подготовке к перевыборам коммунисты ставят-своей целью очистить Советы от кулаков и подкулачников.

— У себя мы вот его изберем председателем,— указал он на сторожа.

«Вот бы везде так»,— подумал я.

Легли мы в этот вечер радостными, бодрыми и твердо уверенными в нашей победе.

Утром нас разбудил шорох хозяйки, возившейся у печки. Холодной водой освежили лица, поели остатки вчерашнего ужина, сердечно простились со сторожем, его женой и тронулись в путь-дорогу.

День выдался тихий и жаркий. Вся забота теперь в том, чтобы незаметными проскользнуть сквозь казачьи разъезды. Идем и держимся начеку.

К полудню входим в деревню. Надо подумать и о еде. Кривоносов идет на одну сторону улицы, Прохоров — на другую, а я плетусь сзади и никак не осмелюсь попросить в той или другой избе хлеба. Через несколько минут вижу, что мои товарищи стоят у открытого окна и беседуют с рыжим мужиком средних лет.

— По-моему, хоть ты черту служи. Никто тебя не неволит,— говорит мужик.— Вот вы, скажем, служили у красных. Деньги получали. А откуда эти деньги, неизвестно, может, германские, а может, и нет. На деньгах не писано. Или возьмем чехов, что за люди, нам неизвестно. Сказывают, что у них вера такая же, как и у нас. Церковь, поп и всякое такое прочее. А все же народ чужой. Что у него на уме, неизвестно. Но им тоже кто-то деньги платит. А кто — неизвестно, может быть, тоже германские, а может, английские или американские, один бог только и знает. А только даром-то воевать не станут. Так я говорю, что ли?

— Нет не так, совсем не так. Красные не за деньги, а за свое кровное дело дерутся и с чехами и с белыми,— ответил Прохоров.

К окну подходят женщины, прислушиваются. Подходит еще крепкий старик с широкой седоватой бородой и тоже прислушивается. Кривоносов, рассчитывая получить хлеба, сказал, что на голодный желудок трудно спорить, а у нас нет ни хлеба, ни денег.

— Ничем не могу вам помочь,— развел руками рыжий мужик. — Хлеба нет ни крошки, баба вот квашню поставила, а сама в поле ушла жать.

— А сам дома в холодке «бедняжка мается»,— с укоризной и злобой произнесла стоящая у окна молодая крестьянка.

— А что же, мое ли дело жать? Я вспахал, засеял и с меня хватит. А баба пусть жнет. Это ее дело.

— Тьфу,— сердито плюется бабенка,— в глаза бы твои бесстыжие не глядела, урод рыжий,— добавляет она и уходит.

За ней уходят и остальные. Рыжий мужик еще раз посмотрел на пустой стол, развел руками и угостил нас крепким русским квасом.

— К нам идите, дедушка кличет,— говорит подбежавший к нам шустрый мальчуган.

Подходим к самой крайней, крепко сколоченной избе.

По скрипучим ступенькам взбираемся на высокое крыльцо, через сени входим в большую чистую квадратную, небогато обставленную комнату. Дедушка, тот самый, что вместе с другими подходил к окну, встретил нас с поклоном, усадил за непокрытый стол, разрезал большой плоский ржаной хлеб, выдвинул на середину стола большую деревянную посудину с вареной в мундире картошкой, поставил соль, пригласил.

— Кушайте.

Мы набросились на еду. А дедушка режет все новые и новые ломти хлеба, присматривается к нам и явно хочет завязать разговор. Но он как-то у нас не клеится.

— Советская власть — хорошая власть, а только вот смуты много,— говорит дед.— А оттого порядку нет никакого. Нужно сойтись всем, договориться на чем бы то ни было, навести порядок, законы новые написать, и всем было бы хорошо.

— Так дедушка ничего не выйдет,— говорю я.— Люди мы разные. Одни — богатые, другие — бедные, у одних — много земли, у других — мало, а у третьих — и совсем нет. Поэтому мирно договориться обо всем никак нельзя. Богатый добровольно бедному земли не даст, силой брать надо. Вот и выходит, что без драки нельзя.

— А я думал, что миром можно,— говорит дед.

— Миром не выходит, дедушка.

— Да я уж и сам вижу, что не выходит, не уговоришь богатого, жаден он, ему все мало, а бедняку совсем невмоготу стало. Надо драться — так деритесь. Помогай вам бог.— Дед встал, посмотрел на образа, что-то прошептал и трижды перекрестился.

Он проводил нас до околицы и показал дорогу. Как-то особенно тепло пожал нам руки и покачал головой в такт своим тревожным мыслим. Высокий, широкоплечий, с гордо поднятой головой, он твердой, спокойной походкой пошел домой.

Снова перед нами широкие поля и пыльная дорога.

Проходим мордовские и чувашские деревни. Питаемся, как «птицы небесные», зерном поспевающих хлебов. К вечеру попадаем в небольшой лесок. Кругом задумчивая тишина. Скоро деревня, об этом говорит долетающий до нас лай собак. Ускоряем шаг, торопимся, чтобы до заката солнца найти пристанище на

ночь.

Пришли раньше, чем хотели, и остановились перед закрытой поскотиной. Недалеко от нее сторожка. В ней и заночуем. Но в деревню входить еще рано, и мы ложимся на густую зеленую траву. Солнце уже за лесом, легкий ветерок пробегает по траве, верхушкам деревьев.

Мимо лениво, нехотя проходит стадо коров.

— Пора и нам на покой. Завтра пораньше встанем,— говорит Кривоносов.

Поднимаемся и в недоумении застываем. В деревне шум. Он ширится, нарастает. Из-за крайней избы выходят с винтовками в руках четыре красноармейца, они озираются по сторонам, как затравленные волки. В деревне засилье кулаков, и отбившиеся от своих красноармейцы не нашли приюта.

Мы решаем в деревню не заходить, а вместе с красноармейцами идти дальше.

Перед нами чуть виднеется маленькая деревушка. Направляемся к ней. Первыми в деревню пошли красноармейцы. Мы же издали наблюдаем. Видим, что они остановились у самой деревни, о чем-то посовещались и вошли в нее. Отправились и мы. Пока дошли, совсем смерклось. Не успели мы войти в деревню, как нас остановил негромкий окрик: «Стой! Кто идет?»

— Свои,— машинально отвечаем мы и пятимся назад. Со всех сторон нас плотным кольцом окружают вышедшие из укрытия люди. Один с солдатской выправкой подходит к нам вплотную и требует документы.

— У нас их нет. Кулаки отняли в Малых Битоманах,— говорим мы.— Здесь должны быть наши товарищи красноармейцы.

— Красноармейцы здесь,— отвечает все тот же крестьянин с солдатской выправкой и указывает нам на тускло освещенные окна большого дома.

— Вам здесь ночевать нельзя,— заявил он. — Идите вот этой дорогой через лес, на второй версте есть село, в нем вы и заночуете.

Ничего не понимая, мы отправляемся в указанное нам село. По бокам — объятая дремотой высокая рожь, впереди — лес.

И вот мы среди вековых, толстых стволов елей, сосен, берез. Пробираемся в глубь леса, пугаем тишину и себя треском сучьев, веток, валежника. Но скоро останавливаемся и решаем быть ближе к дороге. Уселись отдохнуть на ствол вырванной с корнем сосны. Вдруг тишину нарушают буйные, пьяные крики ошалелых людей. Вот они уже в лесу. Слышен скрип телег, топот лошадей, их фырканье. Крики, свист все ближе, но ничего не видно.

Раздается выстрел. За ним второй, третий, — Ау! Го-го-го! — несется по лесу. И снова выстрелы. Но они уже далеко, должно быть, в селе. Слышится лай встревоженных собак. Нас снова окружает тишина, изредка нарушаемая еле уловимым шорохом легкого ветерка в хвое сосен и листве берез. Решено ночевать в лесу. Ощупью собираем сухие ветки, кладем их на сырую землю у ствола, плотно прижимаемся друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Но зубы выбивают мелкую торопливую дробь, и ни согреться, ни уснуть невозможно.

На рассвете выходим из леса и направляемся в дальнейший путь. В деревни не заходим. Питаемся зерном созревающей пшеницы. К вечеру входим в большое русское село. Надо искать ночлег.

Я обращаюсь к крестьянке, идущей к колодцу за водой, и спрашиваю, где найти сельское начальство.

— А вам зачем? — спрашивает она.

— Нам нужен ночлег.

— Так для этого вам никакого начальства не надо. Вот в этом доме живет десятский, идите к нему, он вам и отведет ночлег у очередного хозяина.

— Что ж, ночуйте у меня, сеновал свободный,— говорит молодой худощавый десятский, сидящий с женой и матерью за ужином. Мы уселись в углу избы в ожидании, когда хозяева поужинают и сведут нас на сеновал.

У меня в раздутом от сырого зерна желудке точно гром по небу катится. Старуха переглянулась с сыном и пригласила нас к столу. Пробуем отказаться, но выходит слабо и неестественно.

— Садитесь, чего там,— отзывается десятский и пододвигает к краю стола хлеб, соль, картошку, зеленый лук и квас.

Сели и молча беремся за ужин.

— Вы, видать, из наших будете? — спрашивает старуха.

— Из Питера рабочие.

— То-то я вижу, на пленных, на австрийцев, вы не похожи, а русских тут много проходит. Ну так вам что, доберетесь до своих — и дома, а вот австрийцам военнопленным хуже. Когда домой придут — неизвестно, и кто их ждет — не знают. А домой придут — тоже у себя революцию сделают, и опять драка, и опять от семей, от хозяйства оторвутся, а без революции тоже нельзя, потому что бедному человеку невмоготу стало. Вот эти чехи тоже неправильно делают: домой им надо ехать да своих богатеев тормошить, а они тут кашу заварили, а пользы им никакой, только нам мешают. Так я понимаю своим старым умом.

— И правильно вы понимаете, очень правильно,— говорю я. Мне хотелось обнять и поцеловать старуху за ее мудрые слова.

Поблагодарив за ужин, мы отправились на сеновал и крепко уснули на мягком пахучем сене.

Утром направились дальше. Дорога шла лесом. Питаемся сырым зерном из заранее запасенных колосьев ржи и пшеницы. Пучит живот, неприятная отрыжка. В полдень подходим к почтово-телеграфной станции. Широко раскрытая дверь как будто приглашает нас. Переглядываемся, переступаем порог, пусто, мертво, но люди тут были недавно, пахнет еще жильем.

Снова дорога, срезанные столбы, спутанная проволока, стуки дятла, шорох падающих шишек и бурчание в желудках. Колосья на исходе, решаем экономнее их расходовать. Но лес как будто понял наше затруднение с питанием и предоставил в наше распоряжение грибы.

Набрали подберезовиков, сыроежек, лисичек, белых, на песчаном бугре развели костер и на тонких зеленых ветках кустарника поджариваем и с волчьим аппетитом поедаем их.

Через час мы снова в дороге.

На заезжем дворе

Вечереет. Мы подходим к длинной хате. Это заезжий двор. Вокруг него бивуаком расположились австрийцы и развели костры.

Решаем ночевать здесь, с тем чтобы на рассвете тронуться в город, до него осталось 15 верст; по слухам, там стоят наши, но ночевать под открытым небом, хотя и у костров, не хочется, и мы просим хозяина пустить нас в избу.

Нары в избе до отказа забиты австрийцами. Некоторые из них крепко спят, другие курят и вполголоса разговаривают. На столе шумит самовар. Молодая хозяйка усердно дует в блюдце и смотрит на нас так, как будто она нас давно знает. Рядом с ней сидит лет 30 человек, смахивающий на военного.

— Садитесь,— говорит хозяин и пододвигает к нам чашки с блюдцами и крынку молока.

Полакомившись чаем, Прохоров и Кривоносов забрались к австрийцам на полати, а я примостился у дверей на широкой деревянной лавке. Скоро послышался звон бубенцов. Потом за дверью раздались голоса и шаги. В комнату вошел человек в большом дорожном тулупе

— Самовар! — кричит он хозяйке.

— Поздно уже,— отзывается та.

— Ничего, ночь наша, а понадобится — и день отдадим.

— Поставь,— спокойно говорит хозяин.

— А яички варить? — беря со стола остывший самовар, спрашивает хозяйка.

— Вари.

Все быстро было готово, и приезжий уселся за стол. К нему подсел хозяин.

— Тридцать пять верст осталось нам промытарить,— наливая чай, говорит гость, обращаясь к хозяину.

— Кооперативу понадобилось, видите ли, мясо, так сами в этом деле ни уха ни рыла не понимают. Вот и пристали ко мне: «Поезжай, сделай милость». Вот я и еду.

— Тяжело жить стало,— встал хозяин и вздохнул.

— Подожди, немного осталось, скоро все переменится,— утешая хозяина, говорит гость,— товарищи уже разбегаются. А казаки вот-вот будут здесь.

«Опять казаки»,— думаю я.

А гость продолжает:

— По-прежнему заживем, по-человечески. Начнется опять свободная торговля, навезут всякого товара. Пей, ешь, одевайся,

как хочешь, одним словом, будет, как полагается.

Помолчав немного, он говорит шепотом:

— Слыхал? Яранские комиссары слямзили 60 тысяч рублей и того, скрылись.

— 60 тысяч! — крикнул хозяин, а хозяйка ахнула да так и застыла с открытым ртом. Гость, поняв, какой ошеломляющий эффект получился от его сообщения, повторяет:

— 60. А только куда они с ними денутся? На луну разве, а на земле поймают, непременно поймают. Вот Ленин ихний и другие комиссары захватили кучу золота да — за границу, а их, голубчиков, цап-царап да и к нам. Ну-ка, кладите золото туда, где взяли. Одним словом, товарищам крышка... Народная армия двигается вперед.

— А с нею белые генералы, помещики, капиталисты, пристава, урядники,— не выдержав хвастливой контрреволюционной болтовни гостя, говорю я.— А насчет Ленина и его товарищей ты просто наврал. Никакого золота они не брали, никуда не бежали, да и не собираются бежать.

Гость вздрогнул от неожиданности, посмотрел на меня и застыл со стаканом в руке.

— Генералы, это верно,—отозвался ямщик,— не наш брат.

Но гость не сдается.

— Генералы тоже есть разные, которые для себя, которые для народа.

— Да, да, есть,— подхватываю я.— Одни любят вешать, другие — расстреливать, третьи — шкуру с живых снимать. А которые все это вместе.

— А почему не дают свободную торговлю? — спрашивает гость.

«Мало же тебе надо»,— подумал я и ответил:

— Этого делать нельзя — спекулянты скупят товары, продукты, вздуют цены, бедняку крестьянину, середняку и рабочему, служащему не купить.

— Это верно,— вставляет молчавший до этого, но внимательно слушавший человек в военной форме.— Я вот на курсах торговых работников был, теперь возвращаюсь домой в село. Нам открывать свободную торговлю никак нельзя. Частник нас задавит.— Он проговорил это залпом, точно боялся, что его кто-то остановит или оборвет на полуслове, и почему-то покраснел, как красная девица, и вытер вспотевший лоб.

А гость смотрит на него, на меня, на ямщика и молчит. С нар свесил голову Прохоров, улыбается, улыбается и Кривоносов.

Гость, не получив ни от кого поддержки, не стал больше спорить, поднялся, вышел из-за стола, расплатился с хозяином и

без шума вышел из комнаты, за ним вышел и хозяин. Хозяйка глубоко вздохнула, прикрутила лампу и ушла на свою половину. Я закутал голову мешком, лег на лавку и прислушался к жалобному зуду комаров, летающих среди разогретых и крепко спящих людей.

Арест и освобождение

Свое убежище мы покинули на рассвете. До города Царевококшайска было близко, и нам не терпелось узнать, что там творится, не забрели ли туда наши товарищи, с которыми мы растерялись. А дорога, как нарочно, сворачивает то вправо, то влево, предоставляя нашему взору то рощу, то поляну, то снова рощу, и кажется, конца ей не будет.

Но вот перед нами широкий ровный сенокосный луг, за ним — белая церковь, горбатый деревянный мост, за мостом — город. На минуту останавливаемся и быстро идем дальше.

Встречаем средних лет мужчину. Хочется скорее узнать, какая власть в городе. Спрашиваем:

— Красные ушли?

— Вчера еще, вечером.

— А кто же теперь в городе? — спрашиваю я, подавляя волнение.

— А наши...

«Кто же это «наши»?» — невольно подумали мы, но спросить не решились и двинулись дальше.

— Стало быть, в городе «наши»,— бормочу я.

— «Наши»,— отвечает Прохоров и невесело улыбается.

Ускоряем шаг, и вот мы уже в городе. Ветер крутит пыль, забивает глаза. На улице бродят козы, свиньи, куры.

— Совет! — кричит Прохоров, показывая рукой на красный флаг, развевающийся на крыше одного из домов.

Поднимаемся- по деревянным ступенькам крыльца в исполком горсовета. В коридоре и в кабинете шум, гам, толчея. На нас никто не обращает внимания, каждый занят своим делом. Нам необходимо найти председателя горсовета.

«Вот он»,— думаю я и подхожу к письменному столу, за которым озабоченно склонился над бумагами большого роста и крепкого телосложения человек.

— Вы председатель?

— Уже не я,— отвечает он сухо и, поднимая голову, выпрямляется.

— Вам что?

Я скороговоркой объясняю ему, в чем дело.

— Не могу вам ничем помочь, видите, сдаю дела новой власти...

Мы медленно спускаемся с лестницы и выходим на улицу. Над домом уходящего Совета развевается красный флаг и, как бы предчувствуя, что его скоро снимут, беспокойно мечется из

стороны в сторону. Вблизи от здания горсовета, на пыльной площади около собора, собралась огромная толпа. О чем-то горячо спорят, и везде поспевает щупленькая фигурка попика в поношенной рясе и широкополой шляпе. Лицо его возбуждено. Он горячо жестикулирует, что-то кричит, но его мало кто слушает. Высокая худощавая женщина со слезами умоляет стоящего рядом с ней мужчину, по виду рабочего, идти домой.

— Отстань! — отталкивает ее рабочий и с возмущением и злобой смотрит на шумящую толпу.

— Не отстану! — кричит женщина,— ты не один. У тебя жена, дети. Может, уходить придется, а у нас ничего не подготовлено.

— Она права, надо подготовиться,— говорю я.

Рабочий резко повернулся, с силой ударил кулаком по забору и процедил сквозь крепко сжатые зубы:

— Ладно, мы с вами еще встретимся, контра проклятая. Пойдем,— обратился он к женщине, и они быстро зашагали вдоль улицы.

А на площади шум все возрастает.

— Не думу, а временный «народный» комитет выбрать надо!

— Кассу, кассу надо у Совета забрать, деньги проверить!

— Гнать советчиков, чтоб духу их не было! — вопит кто-то на всю площадь.

Понимаем, что нам надо быстро убираться отсюда. Мы решили не идти на Козьмодемьянск, так как красноармейцы ушли туда еще вчера вечером и нам их было не нагнать. Вызванное же против них кулачьем недовольство среди крестьян могло обрушиться на нас. Мы решили идти на Вятку. Этот путь был длиннее, зато спокойнее. По слухам, там еще крепко держалась Советская власть.

Улицами, переулками мы вышли на поляну. Впереди поскотина, за ней степь, за степью — лес. Справа нам пересекают дорогу три гражданина, они что-то оживленно обсуждают. Мы прибавляем шагу, чтобы избежать встречи, но это не удается.

Нас останавливают и требуют документы. Узнав, что у нас их нет, они подзывают к себе проходящего мимо нас мальчонку и посылают его за милиционером.

«Вот так фунт,— думаю я.— Не было печали — черти накачали».

— А что вам от нас нужно? — спрашивает Кривоносов у задержавших нас.

— А вот хотим узнать, кто вы такие и откуда к нам заявились.

В это время подошел милиционер. Он внимательно выслушал задержавших нас и потребовал, чтобы мы шли за ним. Пробуем

протестовать, но ничего не выходит.

Милиционер привел нас к начальнику милиции, но тому — не до нас.

— Пусть подождут вон там,— указывает он на широкие нары в только что пройденном нами коридоре.

Через некоторое время к нам привели еще одного человека. Его, как и нас, избили и ограбили в деревне. Он турок, по-русски говорит очень плохо, но понимает, что ему говорят. Документов у него нет никаких. Этот товарищ служил в Красной Армии. Под Казанью он отбился от своих и попал в лапы к кулакам.

В милиции мы пробыли всю ночь. Утром по лицам начальника и других работников милиции мы поняли, что в городе что-то произошло. Вышли во двор. Видим, что с крыши и ворот сняты красные флаги. Все стало ясно. В городе произошел переворот, сменилась власть.

— Теперь мы называемся не советская, а народная милиция, — рассказал нам один из милиционеров.— Советов уже нет. Избрана тройка, и создан военно-революционный комитет.

— Вот и все,— говорит Прохоров.— Был строй советский, стал кадетский.

Со двора долетает шум, и на пороге в сопровождении милиционера появляется лет 18 парнишка, а вслед за ним привели еще двух парней. Теперь нас семь человек.

Паренек сел на нары, улыбнулся, развязал узелок и стал есть черствые кусочки черного хлеба.

— Красноармеец? — спрашиваю.

— Угу,— отвечает он.— Отбился от своих и вот никак не нагоню.

Понравился нам паренек, и у нас с ним завязалась крепкая дружба.

Вскоре в милицию привели семерых красноармейцев. Они были в измятых шинелях, с котомками и узелками в руках. Расступаемся, пропускаем мимо, а затем припадаем к дверям канцелярии, прислушиваемся и узнаем, что это красноармейцы, посаженные в тюрьму за хулиганство, мародерство и другие преступления. И вот этот сброд сажают вместе с нами, а затем вручают и их и нас одному милиционеру, и он куда-то ведет нас по грязной после ночного дождя улице.

Проходим мимо дома, где помещался горисполком. Всего сутки назад на крыше его развевался красный флаг, а теперь торчит голая палка. Сворачиваем направо. Подходим к двухэтажному дому. Здесь помещается военно-революционный комитет. Сопровождавший нас милиционер подошел к столу, за которым сидел типичный штабной писарь, развернул разносную

книгу и, указывая пальцем на то место, где надо расписаться, добавил:

— Принимайте 14 человек: семь — из тюрьмы, семь задержаны гражданами города и милицией.

— Что нам с ними делать? — спрашивает писарь.— Это дело милиции.

Он обращается к своему начальнику, и тот дает распоряжение отправить нас обратно, чтоб милиция сама с нами разобралась.

И вот мы под охраной того же милиционера возвращаемся в темный грязный коридор милиции. Здесь никого, кроме дежурного, уже не было.

— Опоздали, теперь придется ждать до завтра,— заявляет он.

Мы поднимаем бунт и требуем, чтобы с нами разобрались немедленно. Ссылаемся при этом на распоряжение военно-революционного комитета. Под нашим нажимом дежурный отправляется на квартиру к начальнику милиции. Сидим, ждем, а дежурного нет и нет. Не хватает терпения, выходим на улицу и наталкиваемся на начальника милиции.

— Не беспокойтесь,— говорит он.— Сейчас вам подготовят документы, дадут немного денег, и можете идти на все четыре стороны.

Наконец у нас в руках настоящие свидетельства. В них написано, что мы в течение шести месяцев имеем право беспрепятственно передвигаться по всем дорогам и землям Российской империи.

Несмотря на поздний час, мы покидаем грязные нары и выходим за ворота.

В Яранске

Перед нами широкая дорога.

Прошли от города пять-шесть верст и натолкнулись на сказочно крошечную избушку, вросшую в землю. Заглядываем внутрь. Среди пола из камней сложен очаг, и в нем тлеют угольки. Избушка совершенно пустая. С трудом пробираемся внутрь, садимся на широкую, прилаженную к стене доску. Под ногами свеже наколотые дрова. Подкладываем их в огонь, раздуваем. Горький, едкий дым точит горло, лезет в глаза. Но вот вспыхнуло пламя, и приятная, ласкающая теплота охватывает все тело.

Вскоре около избушки появляются люди.

— Кто здесь, прохожие что ли? — раздается чей-то голос.

— Прохожие,— отвечает Прохоров.

— Откуда?

— Из города.

За дверями избушки пошептались, и тот же голос произнес:

— Мы вас не будем тревожить. Ночуйте, только за поскотиной присматривайте, чтобы скотина в хлеба не забралась. А мы на деревню сходим.

Из деревни до нас долетели звуки гармоники и веселой песни.

— Это ребята,— догадался Прохоров.— Им надо за поскотиной смотреть, а они в деревню на гулянку ушли.

Уже на рассвете явились хозяева избушки, и мы покинули свое убежище.

Питаемся снова зерном. По пути нет ни одной деревни, где мы могли бы купить хлеба. К полудню подходим к неглубокой, густо заросшей травой канаве, пересекающей лес и поляну, останавливаемся на невысоком бугорке и читаем на небольшой дощечке, прибитой к высокому тонкому шесту, надпись: «Яранский уезд, Вятской губернии».

— Да здравствует Советская власть! — подхватываем мы.

— Ура! — кричит Прохоров.— Теперь мы дома.

К вечеру пришли в деревню и остановились у открытых дверей какой-то избы. Пригибаем головы и входим. В печи пылает огонь. Хозяйка возится у большого рыжего самовара. За столом сидит необычно одетый франт. На нем клетчатые брюки, черный сюртук и белый с розовыми цветочками жилет. Жидкие волосы франта обильно чем-то смазаны и зачесаны назад. Он уже не молод, но держится петухом. Наше появление явно встревожило его, он, конечно, не хозяин этого дома, но и, как видно, не

впервые здесь.

Меня заинтересовало, откуда здесь такой «павлин», и я попытался завести с ним разговор. Оказывается, это своеобразный тип тунеядца. Он ничего не делает и живет, как он сам сказал, «милостью божией». Мы высмеяли и отругали этого ханжу и проходимца, присосавшегося к крестьянам, и он быстро смылся из избы.

Мы попросили хозяйку сварить набранные нами по дороге в лесу грибы, и она согласилась. Скоро чугун с грибами отправился в печь, а через час-полтора мы уже сидели за столом и с большим аппетитом ели вкусные вареные грибы.

Переночевали в этой избе и рано утром снова отправились в дорогу. Вскоре выбрались из леса и зашагали по столбовой дороге. На полях — копны сжатых хлебов. У одной из них, возле самой дороги, стоит телега, а рядом — здоровенный мужик с вилами в руках. Он смотрит на нас с хитрецой в глазах, широко улыбается в густую, окладистую бороду и спрашивает:

— Не в комиссары ли, товарищи, пробираетесь?

— Вроде,— ответил я и остановился.

— Наши все сбежали,— сказал мужик.

— Какая же теперь у вас власть?

— А я и сам не знаю. Кажись, пока никакой.

— И вы этому рады?

— Да не дюже. Без власти нам тоже никак нельзя, а вот только не поймем, какая лучшая.

— А лучшая та, которая дала тебе землю,— говорю я и тороплюсь догнать своих товарищей, которые уже далеко ушли вперед.

Через час мы в городе Яранске. Маленькие аккуратные домики хвастаются своей красотой и окрашенными изгородями палисадников. Идем и поглядываем по сторонам. На площади стоит старинная часовня. А вот и широкий неуклюжий собор. У открытых дверей его толпятся празднично одетые люди. У широко раскрытых лавок и лабазов — длинная вереница подвод. Мы шагаем по узким скрипучим дощатым тротуарам и никак еще не можем понять, какая же власть. Как нарочно, ни одной учрежденческой вывески. Спрашивать у прохожих остерегаемся. Наконец мы стоим перед небольшим веселым домиком и на его фасаде читаем вывеску: «Уездная милиция». Заходим внутрь, прислушиваемся — ни одной живой души. Слышно, как об оконное стекло бьется муха и где-то громко стучат стенные часы. Заглядываем туда, сюда — всюду пусто. Чувствуем себя неудобно и торопливо выходим на улицу. Еще раз читаем вывеску. Все так же выходит: «Уездная милиция». Но где же люди? Почему в

помещении нет даже дежурного? У проходящего мимо гражданина спрашиваем, где помещается исполком? Гражданин удивленно смотрит на нас и шепотом спрашивает:

— А вы откуда?

— Из Царевококшайска.

— Так идите своей дорогой и про исполком не спрашивайте, а то на неприятность нарветесь. Нет у нас теперь Советов.

Через глухую улицу, переулками мы выбираемся из города, даже не разобравшись толком, что же там случилось.

Беднота поднимается

Чем ближе к цели, тем больше и больше волнение охватывает нас. Хочется скорее оказаться среди своих. Поздно ложимся, рано встаем. Как-то нас встретит Москва, что мы скажем питерцам, что с другими товарищами из нашего отряда? Живы ли?

Шагаем по середине широкой улицы большого села, похожего на уездный город. На улице свиньи, куры, козы, из труб поднимаются кверху ровные курчавые столбы дыма. Кажется, ничто не предвещает ни нам, ни жителям села ничего тревожного. Но вот, когда мы уже были на середине села, раздался громкий, тревожный набат. Стоим, смотрим друг на друга, не знаем, что делать: подаваться назад или идти вперед. Со всех сторон к церкви бегут люди. На нас никто не обращает внимания. Охваченные тревогой и любопытством, мы тоже направляемся к церкви. Здесь у длинного бревенчатого амбара собралась огромная толпа женщин и мужчин. У всех возбужденные лица.

— Срывай замок! — кричат в толпе.

— Ломай двери, чего глядеть!

— Ломай!

— Срывай, какие такие права людей под замок сажать! — несется со всех сторон.

Два сторожа, стоящие у дверей наглухо закрытого амбара, выкинули вперед берданки.

— Отходи! — кричат они.

— Отходи! Стрелять будем!

Толпа, казалось, только этого и ждала.

— Бей их! — крикнул кто-то. Толпа хлынула, как весенний поток, и смыла сторожей с их берданками. Моментально слетели замки, открылись тяжелые ворота амбара, и люди на руках вынесли трех молодых парней, двух пожилых мужчин и нескольких женщин. Оказывается, ночью кулаки и их подпевалы, в том числе и некоторые члены сельсовета, забрали сельских активистов, избили их и заперли в амбаре за то, что они несколько дней назад помогли продотряду выявить и забрать у кулаков излишки хлеба. Утром, когда слух об этом распространился по всему селу, беднота ударила в набат и освободила заключенных.

— Лед тронулся! — радостно кричит Прохоров.

— Да, тронулся,— беднота пошла против кулаков.

А беднота бушует. Злобы и обиды накопилось много. В толпе выкрикивают имена богатеев и их покровителей.

— Где они? Давай их сюда!

— Давай! Ага, попрятались! Пошли к ним, спросим, кто им дал право над людьми издеваться.— И толпа двинулась вдоль улицы. По пути вооружались кто чем попало.

Откровенно говоря, у нас тоже чесались руки. Но мы решили, что нам вмешиваться не следует, и отправились своей дорогой.

Среди своих

Теперь наша цель — станция Котельнич, она уже тут, близко. Незаметно прибавляем шагу, реже и короче делаем привалы. Близ дороги увидели товарища, с которым вместе ночевали последнюю ночь. Он лежал на траве и читал газету.

— «Красная звезда»! — кричит Прохоров.

Он обрадованно вырывает ее из рук владельца. Тот смеется и указывает на статью, в которой говорится: «Части Красной Армии, отошедшие от Казани и вновь собранные штабом Красных войск, остановили дальнейшее наступление чехословацких белых банд и готовятся сами перейти в наступление. Рабочие Питера, Москвы и других наших промышленных городов шлют подкрепления».

— Вот оно! — кричит Прохоров, потрясая над головой газетой.

— Наша берет!

— И возьмет,— говорит лежащий на траве человек.— Я австриец, служил в Красной Армии и опять пойду помогать русскому пролетариату бить буржуев, а вы потом поможете нам.

— Обязательно поможем! — крикнули мы и пожали друг другу руки.

От этих слов и от всего, что мы сейчас узнали, на душе светло и радостно. Мы дома, среди своих, а впереди — схватка и борьба.

Вот и застава. Красноармеец, настоящий, живой красноармеец, проверяет наши документы и открывает нам перегороженную длинным шестом дорогу.

Вот мы и дома.

Идем к коменданту станции Котельнич. Наши документы вызывают у него сомнение: идем из Казани, а документы у нас царевококшайские.

Что с нами делать, он еще не решил, но в столовую нас отправил. Кашевар отвалил нам полный котелок каши, да еще с маслом. Мы поели и снова пошли к коменданту.

Он расспросил, на каких заводах мы работали в Питере (сам он тоже питерский), потом спросил, не сможет ли кто подтвердить, что мы питерские рабочие. На счастье, мы видели на станции двух товарищей из Казани. Один из них был организатором рабочих отрядов в Казани, а другой кем-то работал в губисполкоме. Оба видели нас в Казани и подтвердили коменданту, что мы из питерского рабочего продотряда.

Мы просим отправить нас в Москву, но документы наши все же не нравятся коменданту, и он решил отправить нас в Вятку, в распоряжение губернского комитета партии, чтобы там

разобрались и уже потом переправили в Москву. Мы не стали возражать, поблагодарили, попрощались и вышли.

Сытые, довольные, стоим у открытого окна вагона отходящего на Вятку поезда. Смотрим на торопливое движение людей, на суету станционной жизни, ищем глазами, нет ли кого знакомых. Но никого нет, свисток кондуктора, и поезд тронулся.

Вот мы и в Вятке. Ночь провели в горкоме партии.

А через два дня мы уже имели все документы на проезд, на продовольствие, а вечером сидели в вагоне поезда, отправляющегося на Москву.

Приезд в Москву и встреча с Я. М. Свердловым

Снова в Москве. Прошло всего 20 дней, как мы ее оставили, а сколько пережито за эти дни! Москва все такая же многолюдная. Вот шестой номер трамвая. Мясницкая улица, гостиница Метрополь — второй дом Советов. Сижу перед Яковом Михайловичем Свердловым. Он слушает меня и как-то многозначительно улыбается. И кажется мне, что все это ему уже известно. Мне немножко обидно, что он меня ни о чем не расспрашивает, и я умолкаю.

— Чугурин Иван здесь,— говорит Яков Михайлович.

— Где? — спрашиваю я.

— Только что вышел.

Я бросаюсь к дверям.

— Постой, куда спешишь, еще увидитесь. Вот тебе записка, забирай своих товарищей и идите получите обмундирование и карточки в столовую. Поместитесь вы в третьем доме Советов. А я сейчас позвоню Владимиру Ильичу. Ему сказали, что вы погибли. Грустил, а теперь пусть порадуется.— Он за телефон, а я с записками бегу вниз.

Чугурина нашел в столовой. Очень обрадовались мы друг другу.

От него я узнал, что наши товарищи живы, находятся в Нижнем Новгороде и во главе с Чугуриным едут на фронт, в 5-ую Армию. Все документы у него были уже на руках, и поезд отходил на другой день вечером.

Я сказал, что хотел бы поехать вместе с ним.

— Едем. Все очень рады будут,— сказал Чугурин.

Я получил обмундирование и сходил в баню. Товарищи остались в третьем доме Советов, а я поздно вечером отправился к Чугурину. Мягкая широкая кровать, свежее белье, теплое пушистое одеяло. Мы лежим, и я рассказываю Чугурину наши приключения.

— А мы шли и все записки на телеграфные столбы наклеивали, думали, натолкнетесь,— говорит Чугурин.

— Ни одной не видели. А жаль, эх как жаль!

Звонок из Кремля и разговор с В. И. Лениным

Раздался телефонный звонок.

— Ну вот еще, заблудился кто-то,— буркнул Чугурин, но с постели не поднимается. А телефон все настойчивее звонит.

— И кому это не спится? Два часа ночи,— ворчит Чугурин. Он поднялся и снял телефонную трубку. Я поднял голову. Смотрю на него.

— Тебя,— говорит он,— Надежда Константиновна.

Я так и вскочил. Прижимаю трубку к уху и кричу гораздо громче, чем это надо.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна, здравствуйте! И как это вы меня нашли? Не забыли, оказывается.

Она говорит, что очень рада, что мы живы, вернулись. Заботливо, с тревогой в голосе спрашивает о нашем здоровье, советует как следует отдохнуть, а уж потом браться за работу. Я искренне поблагодарил ее за внимание и заботу о всех нас и пообещал передать товарищам ее привет и пожелания. Сам просил, чтобы она поддержала мою просьбу об отправке на фронт в распоряжение штаба 5-й Армии. Она глубоко вздохнула, пожурила меня и вдруг говорит, что передает трубку Владимиру Ильичу. Меня как жаром обдало. Владимир Ильич подробно и долго расспрашивал меня о настроении крестьян и особенно о настроении середняков. Когда я ему говорил о своих впечатлениях, он коротко подбадривал меня.

— Так, так, дальше.

Особенно внимательно он отнесся к моему рассказу о том, как беднота вместе с середняками освобождала запертых в амбаре активистов. Он вдавался во все детали. Переспрашивал отдельные факты. Я чувствовал, как радует его активность крестьянской бедноты, ее выступления против кулачества. В заключение Владимир Ильич сказал, что на фронте дела у нас лучше, чем были 20 дней назад, что кое-какие меры принимаются и насчет деревни. Потом потребовал, чтобы все мы немедленно и безоговорочно отправились на отдых. Я запротестовал и стал настаивать, чтобы мне разрешили ехать на фронт, что я не могу отстать от товарищей.

— Но Яков Михайлович говорит, что на тебе лица нет, что ты весь почернел.

— Это Якову Михайловичу так показалось,— говорю я,— а теперь после бани и смены обмундирования я уже совсем по-

другому выгляжу.

Владимир Ильич засмеялся, а потом сказал:

— Ну, что ж с тобой поделаешь. Поезжай на фронт. Я позвоню товарищу Свердлову.

Я поблагодарил его и пожаловался, что у меня на руках нет никаких документов и что добрым людям неизвестно, кто я и откуда. Владимир Ильич засмеялся и пообещал помочь мне и в этом деле.

И не успел я опомниться, как к подъезду гостиницы подкатил мотоцикл, а через несколько минут в дверь к нам постучали и спросили меня.

— Вам пакет из Совнаркома.

Я торопливо беру пакет, раскрываю и достаю документ.

Привожу его полностью:

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
Москва, Кремль.
23 августа 1918 года
№ 2449.
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Податель, товарищ Илья Митрофанович Гордиенко уполномочен Советом Народных Комиссаров действовать при фронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать, как политический комиссар при военачальниках. Поручается принимать от него телеграммы в Москву в Совнарком, ВЦИК.

Всем советским и военным властям оказывать подателю Илье Митрофановичу Гордиенко всякого рода содействие без замедления.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Секретарь Совета Народных Комиссаров

ГОРБУНОВ».

До самого утра мы не могли уснуть. Делились впечатлениями от беседы с Лениным, рассказывали друг другу о пережитом.

— Откуда товарищ Ленин узнал, что мы в Битоманах попали в лапы кулачью? — спросил я Чугурина.

— Как откуда? Попов Иван ему рассказал.

— Он жив? — вырвался у меня из груди радостный крик.

— Жив.

— А Румянцев? Калмыков?

— И они живы. Сейчас в Нижнем находятся. А Попов вчера приехал в Москву и был на приеме у Ильича. Он ему все рассказал. Вот только он не знал — остались вы живы или нет. Им удалось вырваться из Битоман раньше вас. Завтра встретишь Попова, он тебе сам все расскажет.

— Ну, а как же те, что на Волгу ушли?

— И те все живы, одна Мильда погибла. Как, не знаю.

Встреча с Поповым у меня так и не состоялась. Он еще на рассвете уехал на станцию Свияжск. Кривоносов уехал в деревню, а Прохоров — на пару дней в Петроград.

Мы отправляемся на фронт

Я и Иван Чугурин поехали в Нижний, где собирался наш отряд, отправляющийся на фронт. Чем ближе мы к нему подъезжали, тем все большее и большее нетерпение охватывало меня. Вот, наконец, мы и приехали. В сборе чуть не все наши продотрядники. Как будто и не разлучались. Побывал я на Сормовском заводе, в фасонносталелитейном цехе. Встретили тепло и радостно. Вспомнили дни совместной работы. Когда я уходил, проводили до проходной, крепко пожали руку и пожелали успеха в нашем общем деле.

И вот мы, бывшие продотрядники, едем на буксирном катере к железнодорожной станции Свияжск, там штаб 5-й Армии, в распоряжение которого мы направлены. Волга бушует, высокие волны ее, пенясь, перекатываются через широкую плоскую, глубоко сидящую в воде нагруженную нефтью баржу. Воет, рвет и мечет ветер. Ночь, тьма, хоть глаз коли. Я сижу в группе товарищей у теплой стены машинного отделения. Один из них рассказывает о том, что произошло с ними, когда они ушли на Волгу.

— Ребята искупались,— говорит он,— и развалились на песке. А я с Мильдой пошел в деревню, молока хотели купить. Только вошли в избу, раздался орудийный выстрел, за ним другой, третий. Выбежали мы на улицу, ребятишки кричат, что чехи на Волге. Побежали мы к своим. Я Мильду за руку тащу. Она никак за мной не успевает. За околицей паслась спутанная лошадь. Я огляделся. Тихо, ни души. Подошел к лошади, распутал, вскочил на нее верхом, сзади усадил Мильду, и мы поскакали на Волгу. Вдруг раздался винтовочный выстрел, и Мильда упала на землю. Я соскочил с лошади, подбегаю, наклоняюсь, поднимаю ее голову. Мильда убита наповал. Разрывная пуля попала ей в затылок.

Вся земля подо мной зашаталась. Стою, опустив руки. А в это время вокруг нас собралась уже целая толпа крестьян. «Лошадь украсть хотели»,— кричит кто-то.— «Не украсть,— отвечаю я,— до Волги хотели скорее добраться, в Казань попасть, пока чехи ее не заняли. Да вот жену убили».— «Рассказывай, знаем. Судить тебя надо». Зло меня взяло. «Судите,— говорю,— жену убили, убивайте и меня». Кулачье присудило меня к расстрелу. Думаю, надо время выиграть, может, кто на выручку подоспеет. «Ладно,— говорю,— стреляйте, только раньше священника приведите, я православный, исповедаться хочу да причаститься и похороните меня и жену мою по- православному, на кладбище, не сделаете

этого — перед смертью своей всех вас прокляну». Мужики загалдели: какой деревне за мой наказ взяться — той ли, у которой я лошадь взял, или той, около которой Мильду убили. А кулаки кричат: «Что с ним валандаться! У него кровь черная, валяй стреляй и конец».— «У меня кровь черная!? На, смотри»,— кричу я и зубами прокусываю руку. Тут зашумели бабы: «Нельзя без покаяния, не дадим стрелять». Мужики судили, рядили, потом сунули мне в руку лопату, говорят: «Жену свою похорони вон там у кладбища, а сам уходи. Может, чехам в руки попадешься или белякам, а нам больше на глаза не попадайся». Так я похоронил Мильду, а сам остался жив. Жалко Мильду, отважная была комсомолка.

Все смолкли. Задумались. Волга бушует, высокими пенящимися волнами набрасывается на буксир. Ветер рвет и мечет снасти. Из-за гор на востоке поднимается заря. Скоро рассвет.

Неожиданно громко и раскатисто грохнул орудийный выстрел, его нагоняет другой, третий. Это картечью палят трехдюймовки белых по нашему катеру. Вскакиваем, хватаемся за винтовки, но что ими делать против орудий? Катер прибавляет ходу. А орудия не унимаются, но опасная зона обстрела уже позади. Пострадали труба и штурвальная будка, они получили по нескольку пробоин. Легко ранен один матрос. Катер причаливает к плавающей пристани, недалеко от железнодорожного моста. Мы сгружаемся.

На станции Свияжск многолюдно и шумно. Встречаю Ивана Попова. Радости нашей нет конца. Он уже получил в штабе Армии назначение в Левобережную группу военным комиссаром Невельского пехотного полка.

Я иду в штаб, который помещается в классных вагонах, застывших на железнодорожных путях. Получаю назначение военным комиссаром войск Правобережной группы. На ступеньках вагона сталкиваюсь с Исидором Воробьевым. Он назначен командиром пехотного полка и с ним направляется в Правобережную группу. Оба рады: вместе будем воевать. Иван Чугурин остается в штабе Армии начальником политотдела. В штабе Армии остается и еще кое-кто. Андрейка Белый назначен вестовым, на боку у него неизвестно когда и где добытая кавалерийская шашка, за плечами казачья винтовка. Пушистая черная шапка набекрень. «Ну, прямо главнокомандующий»,— трунят над ним ребята. Остальные наши продотрядники назначаются кто на хозяйственную, кто на политработу.

В тот же день, вечером, на санитарной машине отправляюсь в село Маркваши, в штаб Правобережной группы. За городом

Свияжском попадаем под обстрел белогвардейской артиллерии. Шофер нажимает на педали, прибавляет газу, и мы благополучно проскакиваем зону обстрела. В стороне от дороги цепью рассыпался пехотный полк. Это Воробьев, приближаясь к передовой позиции, проводит тактические занятия. Другого времени для этого нет. В штабе Правобережной группы войск знакомлюсь с ее командиром товарищем Варфоломеевым, начальником штаба Смородиновым. Бойцы, расположенные на передовой линии фронта, охвачены паническим страхом обхода. С наступлением темноты этот страх во сто крат усиливается. Нередко целые подразделения бросают позиции и в панике бегут в тыл. Ясно, тут действует опытная рука классового врага. Мобилизуем все свое внимание на уничтожение этого страха. Собираем партийцев, комсомольцев и наиболее стойких беспартийных, на ночь в тылу ставим заслоны. Это несколько успокаивает бойцов.

31 августа 1918 г. политработников вызывают в штаб Армии, и мы узнаем страшную весть: Владимир Ильич Ленин тяжело ранен. Нашему негодованию нет предела. Мы клянемся ответить на этот подлый удар нашим могучим пролетарским ударом по классовому врагу.

Провели беседы с бойцами. Резко возросла ненависть к врагу, повысилась боеспособность армии. Страх обхода как рукой сняло. Никакая сила уже не сможет оторвать бойцов от передовых позиций. Все рвутся в бой. И белые и чехи понимают, что бой этот будет беспощадным, и они 10 сентября 1918 г. под покровом ночи бежали из Казани.

Утром мы встретились с нашими товарищами, оставшимися в Казани и работавшими в тылу у белых. Все были в сборе. Не было одной Мильды. Правобережная группа после занятия Казани была переименована в 26-ю дивизию и направлена в район Симбирска. Командиром ее был назначен подполковник Матюсевич, я — начальником политотдела, Василий Васильевич Сорокин и Витавт Казимирович Путна — военными комиссарами. Левобережная группа была переименована в 27-ю дивизию, командиром ее был назначен товарищ Павлов.

И когда бойцы 1-й Армии вместе с бойцами Правобережной группы 5-й Армии заняли Симбирск, в Москву полетела телеграмма: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!».

Владимир Ильич нам ответил: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на

мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красногвардейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Через четыре недели нами была взята и Самара. После этого бойцы Красной Армии совместно с сибирскими партизанами разгромили Колчака и его вооруженные силы в глубине Сибири.

Гордиенко Илья Митрофанович
ИЗ БОЕВОГО ПРОШЛОГО
(1914-1918 гг.)
Редактор В. Игнатьева
Художественный редактор Н. Симагин
Технический редактор Ю. Мухин
Ответственный корректор А. Зотова
Сдано в набор 30 мая 1957 г. Подписано в печать 14 августа 1957 г. Формат 84 X 1087м. Физ. печ. л. &/А+ (вклейка) '/ie. Условн. печ. л. 11,172. Учетно-изд. л. 11,19. Тираж 100 тыс. экз. А 07015. Заказ Na 2607. Цена 4 р. 75 к.
Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.
Типография «Красный пролетарий»
ГосПолитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская. 16.

notes

Примечания

1

«Листовки петербургских большевиков 1902—1917», т. 2, Госполитиздат, 1939, стр. 247—249.

2

«Листовки петербургских большевиков», т. 2, стр. 252, 251.

3

«Правда», 16 июня 1917 г.

«Рабочий и солдат» 23 июля 1917 г.

5

«Правда» 16 апреля 1917 г.

«Правда» 15 мая 1917 г.

7

В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 150.

«Правда», 12 мая 1917 г.

9

В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 207.

10

В.И.Ленин, Соч., т. 26, стр. 390.

11

В.И.Ленин, Соч., т. 27, стр. 495—496.

Ленинский сборник, XXXIV, стр. 27—28.

13

В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 513.